ДК
330 Польша
В-19
Василевский
Совреи. Польша ...
Спб., 1906.

+ 1946

ДК
330
В-19
Польша

960

ые
елей. В
ъ одесскихъ
оскресной школы
ливъ въ тиши добро
ородского училища), под
ором народныхъ училищъ),
ельницей харьковской женской
кой, которая съ живѣйшимъ сочувст
ивъ дать руководящія начала къ откры
колы. Получивъ отъ г-жи Алчевской нео
Гусаренко приступилъ къ осуществленію своей
оторая наконецъ перешла въ существующій фактъ:
рошлаго года послѣдовало оффиціальное разрѣшеніе на
колы. Если привлеченіе учащихся можно было пре
ченію времени, то совершенно иную заботу составлял
ніе учащихъ. Безплатная школа не имѣла и не имѣ
ихъ средствъ, а потому должна была разсчитывать
звозмездный трудъ преподавателей. Не скроемъ, что п
или долги и трудны; нерѣдко приходилось наталкив
зличныя препятствія. Нѣкоторые изъ учителей стави
емъ своего участія въ воскресной школѣ двухрублев
урокъ; другія отдѣлывались фразою: «Знаемъ мы эти
ія школы». Наконецъ были и такіе, которые утвержда
бучать взрослыхъ, значитъ, создавать общественныхъ
горовъ». Все это ставило препоны доброму начинанію,
школы отодвигалось со дня на день. Но кто же н
школа у насъ имѣетъ много враговъ, тайныхъ и
и такихъ условіяхъ, казалось, что воскресная школ
ла увянуть, не достигши разцвѣта. Къ счастью, этого
ь. Напрягая послѣднія силы, г. Гусаренко успѣлъ н

1 940
В 19

Л. Василевскій (Плохоцкій).

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША

и

ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ

Библіотека
„Общественной Пользы"
Серія II, № 21.

ЗЕМСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА

960

ые
елей. Ь
ъ одесскихъ
оскресной школы
ливъ въ тиши добро
ородского училища), под
ромъ народныхъ училищъ),
ельницей харьковской женской
кой, которая съ живѣйшимъ сочувст
ивъ дать руководящія начала къ откры
колы. Получивъ отъ г-жи Алчевской нео
Гусаренко приступилъ къ осуществленію своей
торая наконецъ перешла въ существующій фактъ:
рошлаго года послѣдовало оффиціальное разрѣшеніе на
колы. Если привлеченіе учащихся можно было пре
ченію времени, то совершенно иную заботу составлял
ніе учащихъ. Безплатная школа не имѣла и не имѣ
ихъ средствъ, а потому должна была разсчитывать
звозмездный трудъ преподавателей. Не скроемъ, что п
или долги и трудны; нерѣдко приходилось наталкив
зличныя препятствія. Нѣкоторые изъ учителей став
емъ своего участія въ воскресной школѣ двухрублев
урокъ; другія отдѣлывались фразою: «Знаемъ мы эти
ія школы». Наконецъ были и такіе, которые утвержда
бучать взрослыхъ, значитъ, создавать общественныхъ
горовъ». Все это ставило препоны доброму начинанію,
школы отодвигалось со дня на день. Но кто же н
школа у насъ имѣетъ много враговъ, тайныхъ и
и такихъ условіяхъ, казалось, что воскресная школ
ла увянуть, не достигши разцвѣта. Къ счастью, этого
ь. Напрягая послѣднія силы, г. Гусаренко успѣлъ н

Л. Василевскій (

СОВРЕМЕННАЯ

и

ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ.

Библіотека
„Общественной Пользы“
Серія II, № 21.

ЗЕМСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА

Библіотека „Общеественной Пользы“:

Серія I:

Масловъ. Аграрный вопросъ изд. III . . . . . Ц. 2 р. 50 к.
Давидъ Э. Соціализмъ и сельское хозяйство. Пер. съ нѣм. . . . . » 2 » 50 »
Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи . » 1 » — »
Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій, т. I. » 2 » — »
» » » » » т. II. » 2 » — »
Іоллосъ. Письма изъ Берлина . . . . . » 2 » — »
Кауфманъ А. Переселеніе и колонизація . . . . . » 2 » — »
Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня . . . . » 2 » — »
Корниловъ А.—Очерки по ист. обществ. движенія и крест. дѣла . . . . . » 2 » — »
Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія . . » 1 » 50 »
Арсеньевъ К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость . » 1 » 50 »
Скалонъ В. По земскимъ вопросамъ, т. I. . . . . » 1 » 50 »
Рейснеръ. Государство и вѣрующая личность . . » 2 » 50 »
Бургэнъ М. Современныя соціалист. ученія и экономическая эволюція. Пер. съ франц. . . . » 2 » 50 »
Политическіе памфлеты. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисл. Н. Кудрина . . . . . » 1 » 60 »

Печатаются:

Луи Бланъ. Исторія революціи 1848 года.
Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи.
Конштэдтъ. Аграрный вопросъ въ германск. соціалдемократіи.
Розенъ, А. Записки декабриста.
Поль Луи. Государство и рабочій.
Брантингъ. Столѣтіе соціалдемократіи. Т. I. Франція. Англія.
Лафаргъ П. Собственность и ея происхожденіе.
Ивъ Гюйо. Безвѣріе будущаго.

ДК330
В19

Л. Василевскій (Плохоцкій).

р.
VI.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША

и ея политическія стремленія.

7—87

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза". Б. Подъяческая, 39.
1906.

2

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25422 1971 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе . . . . . V—VI.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Агонія Рѣчи Посполитой.—Первый раздѣлъ Польши.—Конституція 1775 г.—„Эдукаціонная Комиссія".—Культурно-экономическая самодѣятельность общества.—Развитіе торговли.—Борьба прогрессивныхъ элементовъ съ реакціонными.—Сближеніе съ Пруссіей.—Конституція 3-го мая 1791 г.—Тарговицкая конфедерація.—Побѣда Россіи.—Второй раздѣлъ Польши.—Возстаніе Костюшки.—Полянецкій универсалъ. — Третій раздѣлъ Польши.—Германизація въ прусской Польшѣ. — Австрійскіе поляки.—Положеніе дѣлъ въ русской части Польши.—„Польская депутація" въ Парижѣ.—Польскіе легіоны.—Отношеніе Александра I къ Польшѣ. - Герцогство Варшавское.—Походъ Наполеона въ Россію.—Вѣнскій конгрессъ.—Царство Польское.—Судьба польской конституціи.—Новосильцевъ.—Разгромъ виленскаго университета. — Царствованіе Николая I. — Возстаніе 1830 г.—Органическій статутъ 1832 г.—Положеніе Галиціи и прусской Польши.—Эмигранты.—„Національный комитетъ". — Партизанское предпріятіе Заливскаго.—„Демократическое Общество".—Hotel Lambert.—Возстаніе 1846 г. и тарновская рѣзьня.—Познанское возстаніе 1848 г.—Революціонное движеніе въ Галиціи.—Манифестаціонное движеніе 1860 г.—Великопольскій.—Возстаніе 1863 г.—Антипольская политика Россіи послѣ возстанія 1863 г.—Положеніе поляковъ въ Пруссіи и въ Австріи . . . . . 7—87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Переворотъ въ экономической жизни Царства Польскаго.—Развитіе фабричной и заводской промышленности.—Индустріализація края какъ политическій лозунгъ.—Роль заграничныхъ капиталовъ въ развитіи польской промышленности.—Покровительство Герцогства Варшавскаго и автономнаго Царства Польскаго иностраннымъ ремесленникамъ и фабрикантамъ. — Лодзь. — Пабьяницы. — Заверце.—Сосновицы.—Ченстоховъ.—Иностранные капиталы въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности.—Жирардовъ.—Горное дѣло и металлургія.—Домбровско-сосновицкій районъ.—Механическіе заводы.—Дѣятельность Польскаго банка.—Уничтоженіе таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и Имперіей.—Таможенная политика Россіи

стр.

и ея вліяніе на промышленность Царства Польскаго.—Завоеваніе восточныхъ рынковъ.—Царство Польское какъ рынокъ сбыта русской промышленности.—Развитіе путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ.—Варшавско-Вѣнская ж. д.—Водные пути сообщенія.—Ростъ количества фабричныхъ рабочихъ.—Пролетаризація ремесленниковъ.—Иммиграція въ города сельскаго населенія.—Ростъ населенія Царства Польскаго.—Варшава.—Лодзь.—Ростъ городовъ.—Развитіе фабрично-заводской промышленности.—Увеличеніе количества ремесленниковъ.—Взаимоотношеніе городского и сельскаго населенія Ц. П.—Измѣненія въ области поземельныхъ отношеній.—Распредѣленіе крестьянской собственности.—Характеристика различныхъ категорій мелкой собственности.—Безземельный пролетаріатъ.—Эмиграція 88

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Результаты разгрома 1863—64 гг.—Роль эмиграціи.—Международное значеніе польскаго вопроса.—Идеологія буржуазіи.—Развитіе руссификаціи.—Политическое самосознаніе народныхъ массъ.—Настроеніе интеллигенціи.—„Польская Лига“.—Активная оборона.—„Glos“.—Ростъ патріотическаго движенія.—Соціализмъ и его новая программа.—П. П. С.—Національ-демократія.—Партія примирителей и ея дѣятельность.—Докладная записка Имеретинскаго.—Ростъ національ-демократіи и ея эволюція.—Отношеніе къ Россіи.—Вліяніе русско-японской войны.—Революціонная дѣятельность П. П. С. 128

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Броженіе среди польской интеллигенціи въ концѣ 1904 г.—Записка гр. Тышкевича.—Докладная записка 23-хъ.—Прогрессисты-демократы и ихъ программа.—9-е января и событія въ Польшѣ.—Требованія П. П. С.—Народныя движенія въ Царствѣ Польскомъ.—Забастовка учащейся молодежи.—Указъ 17 апрѣля и возвращеніе уніатъ въ католичество.—Постановленіе комитета министровъ 3-го мая.—Протестъ польскаго общества.—Новая программа Н. Д.—Автономія въ программѣ соціалъ-демократовъ.—Эволюція Н. Д.—Ея борьба съ революціонными теченіями.—„Національный робочій союзъ“.—Отношеніе къ булыгинской думѣ.—Октябрьская забастовка.—На военномъ положеніи.—Отношеніе польскихъ партій къ государственной думѣ.—Позиція П. Д.—Побѣда національ-демократовъ . . . . . .

ВВЕДЕНІЕ.

Переживаемый государственнымъ организмомъ Россіи кризисъ выдвинулъ на очередь цѣлый рядъ животрепещущихъ вопросовъ. Среди нихъ польскому принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Участіе польскихъ народныхъ массъ въ освободительномъ движеніи всѣхъ національностей Россіи было такъ внушительно, національныя требованія польскаго общества раздавались такъ громко, что всѣ передовые элементы обновляющейся Россіи не могли не признать необходимымъ какъ можно скорѣе приступить къ разрѣшенію польскаго вопроса. Окончательная ликвидація бюрократическаго режима вполнѣ справедливо кажется невозможной безъ устраненія того страшнаго гнета, который вотъ уже столько лѣтъ давитъ поляковъ, волею судьбы ставшихъ русскими подданными.

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы русское общество отдавало себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ Польшѣ. Большинство русскихъ очень мало знакомо съ польскими отношеніями, и вслѣдствіе этого подчасъ оцѣниваетъ ихъ совершенно неправильно. Въ этомъ нѣтъ ничего, впрочемъ, удивительнаго. Съ одной стороны, внутренняя жизнь Польши такъ самобытна, она представляетъ такъ мало аналогичнаго происходящему въ Россіи, что русскому человѣку довольно трудно разобраться въ ея сложныхъ и запутанныхъ отноше-

ніяхъ. Съ другой—тенденціозное освѣщеніе всѣхъ „окраинныхъ“ вопросовъ русской охранительной печатью, въ теченіе долгихъ лѣтъ почти монополизировавшей „національную“ политику, не могло не повліять на распространеніе самыхъ превратныхъ свѣдѣній о Польшѣ.

А между тѣмъ ознакомленіе съ польскими отношеніями является въ настоящее время необходимымъ для всякаго русскаго гражданина, интересующагося дальнѣйшей эволюціей Россіи. Сознавая это, авторъ настоящей работы имѣетъ въ виду пополнить тотъ пробѣлъ въ русской публицистикѣ, который даетъ себя чувствовать каждому, кто хочетъ познакомиться съ современной Польшей и ея политическими стремленіями, не прибѣгая къ польскимъ источникамъ или къ матеріалу, разбросанному по разнымъ, не всѣмъ доступнымъ, періодическимъ изданіямъ.

Авторъ старался придерживаться объективнаго, чисто информаціоннаго метода изложенія, не становясь на точку зрѣнія ни одной изъ существующихъ въ Польшѣ партій. Тамъ, гдѣ характеризуются взгляды разныхъ политическихъ группъ, обыкновенно приведены дословно ихъ программныя заявленія.

Л. В.

Краковъ, 20-го мая 1906 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Агонія Рѣчи Посполитой.—Первый раздѣлъ Польши.—Конституція 1775 г.—«Эдукаціонная Комиссія.—Культурно-экономическая самодѣятельность общества. — Развитіе торговли. — Борьба прогрессивныхъ элементовъ съ реакціонными.—Сближеніе съ Пруссіей.—Конституція 3-го мая 1791 г.—Тарговицкая конфедерація.—Побѣда Россіи. — Второй раздѣлъ Польши.—Возстаніе Костюшки.—Полянецкій универсалъ.—Третій раздѣлъ Польши.—Германизація въ прусской Польшѣ.—Австрійскіе поляки.—Положеніе дѣлъ въ русской части Польши. —«Польская депутація» въ Парижѣ.—Польскіе легіоны.—Отношеніе Александра I къ Польшѣ.—Герцогство Варшавское.—Походъ Наполеона въ Россію.—Вѣнскій конгрессъ.—Царство Польское. — Судьба польской конституціи.—Новосильцевъ. Разгромъ виленскаго университета.—Царствованіе Николая I. —Возстаніе 1830 г.—Органическій статутъ 1832 г.—Положеніе Галиціи и прусской Польши.—Эмигранты. — «Національный комитетъ».—Партизанское предпріятіе Заливскаго.—«Демократическое Общество».—Hotel Lambert.—Возстаніе 1846 г. и тарновская рѣзня.—Познанское возстаніе 1848 г.—Революціонное движеніе въ Галиціи.—Манифестаціонное движеніе 1860 г.—Велёпольскій. — Возстаніе 1863 г.—Антипольская политика Россіи послѣ возстанія 1863 г.—Положеніе поляковъ въ Пруссіи и въ Австріи.

I.

Вторая половина XVIII столѣтія была свидѣтельницей политической агоніи могущественнаго еще такъ недавно польскаго государства. Терзаемая внутренней неурядицей, тѣснимая извнѣ сосѣдями, Рѣчь Посполитая быстро приближалась къ неминуемой гибели. Ставленнику Екатерины II и Пруссіи—Станиславу Августу

Понятовскому суждено было быть послѣднимъ королемъ, избраннымъ въ обычномъ традиціонномъ порядкѣ. Однако роль этого „избранника“ была чрезвычайно жалкой, и вершителемъ судьбы Польши былъ въ сущности посолъ Екатерины II, князь Рѣпнинъ. Этотъ ловкій дипломатъ, знавшій прекрасно польскія отношенія и сумѣвшій установить прочныя связи въ средѣ магнатовъ, проводилъ въ жизнь неукоснительно всѣ планы русской завоевательной политики. Сопротивляясь всѣми силами тѣмъ мѣрамъ, которыя могли хотя бы отчасти возвратить Польшѣ ея прежнее политическое и военное могущество, Рѣпнинъ тщательно поддерживалъ и разжигалъ внутреннюю анархію, разъѣдавшую ея государственный организмъ. И дѣйствительно, эта анархія возрастала, усиливалась и толкала Польшу на край гибели...

Въ 1772 году былъ совершенъ первый раздѣлъ Польши, лишившій ее 3.860 квадратныхъ миль и четырехъ милліоновъ жителей. Къ Пруссіи отошла Вармія (Ermeland), поморское воеводство безъ Данцига, хелминское безъ Торна, мальборгское и великопольскіе округи до рѣки Нетце, въ общемъ 660 кв. миль. Австрія заняла княжество Освѣцимское и Заторское, южную часть воеводствъ краковскаго и сандомирскаго, воеводство русское безъ земли холмской и белзкое— 1.508 кв. миль. Наконецъ Россія завладѣла воеводствами: лифляндскимъ, полоцкимъ безъ небольшого отрѣзка на лѣвомъ берегу Западной Двины, витебскимъ безъ оршанскаго округа, мстиславскимъ и частью минскаго—всего 1.692 кв. миль.

Оккупація всѣхъ этихъ провинцій была произведена безъ всякаго сопротивленія со стороны поляковъ,

совершенно обезсиленныхъ предшествовавшей борьбой—во время Барской конфедераціи—этой отчаянной попытки свергнуть господство Россіи въ Польшѣ. Во время Барской конфедераціи (1768—1772 гг.) Польша потеряла до 100.000 мужского населенія, способнаго владѣть оружіемъ. Тысячи конфедератовъ были высланы въ Сибирь. Русскій полковникъ Древичъ продавалъ плѣнныхъ конфедератовъ отрядами въ 300 человѣкъ прусскому королю, Фридриху II, который самъ устраивалъ облавы на крестьянскую молодежь, зачисляемую затѣмъ въ ряды его арміи. Множество крестьянскихъ семействъ бѣжало отъ ужасовъ войны въ Венгрію, въ Силезію или Моравію. Множество селъ погибло отъ пожаровъ, богатѣйшія помѣстья оказались разграбленными, замки были разрушены, поля не воздѣланы, скотъ во многихъ мѣстахъ погибъ совершенно. Неудивительно, что вслѣдствіе такого полнаго опустошенія края у его жителей не было ни силъ, ни охоты сопротивляться войскамъ могущественныхъ сосѣдей. Всѣ такъ жаждали успокоенія, что предпочитали неволю дальнѣйшему свободному существованію въ условіяхъ всепожирающей анархіи.

Послы трехъ, принимавшихъ участіе въ раздѣлѣ Польши, государствъ съѣхались въ Варшаву, чтобы получить тамъ отъ Рѣчи Посполитой формальное согласіе на отторженіе отъ Польши оккупированныхъ провинцій. Дипломатическія интриги и система подкупа чередовались съ мѣрами военнаго террора и всякаго рода насиліями, пока наконецъ не было получено это согласіе отъ сейма, терроризованнаго русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ послами, которые грозили оккупаціей всей Польши.

Неслыханный политическій грабежъ былъ совершенъ. Ограбленные принуждены были признать его „законность“. 18-го сентября 1773 г. делегація сейма подписала три договора, закрѣплявшихъ за Австріей, Пруссіей и Россіей право владѣть отнятыми у Польши провинціями. Таже делегація принялась за выработку новой государственно-правовой организаціи Рѣчи Посполитой, чего самымъ настоятельнымъ образомъ потребовали обогатившіеся на ея счетъ сосѣди. Новая конституція была выработана подъ давленіемъ русскаго посла Штакельберга, согласно требованіямъ петербургскаго правительства.

Утвержденная сеймомъ 27-го марта 1775 г. новая конституція Польши съ одной стороны ставила Рѣчь Посполитую въ полную зависимость отъ Россіи, съ другой же—въ видахъ послѣдней—не давала ей возможности укрѣпиться. Фактическимъ правителемъ Польши сталъ русскій посолъ Штакельбергъ, старавшійся противодѣйствовать всему, что могло бы привести къ усиленію и возрожденію польской государственности. А эта опасность для интересовъ Россіи несомнѣнно существовала и съ теченіемъ времени стала замѣтно возрастать.

Хотя первый раздѣлъ Польши нанесъ ей страшный ударъ, однако, тѣмъ не менѣе, этотъ ударъ не былъ смертельнымъ. Лишившись 3.860 квадратныхъ миль своихъ владѣній и 4.000.000 жителей, Польша все-таки еще сохранила территорію въ 9.440 кв. миль съ 7.400.000 жителей. Какъ ни неблагопріятно было ея положеніе между тремя сильными и ничѣмъ не стѣсняющимися сосѣдями, но существовать въ качествѣ самостоятельнаго государства въ такихъ раз-

мѣрахъ и съ такимъ населеніемъ она все-таки могла. Слѣдуетъ еще добавить, что первый раздѣлъ лишилъ Польшу главнымъ образомъ ея бѣлорусскихъ и малорусскихъ, а отчасти и населенныхъ нѣмцами провинцій, большая же часть польскихъ, всѣ литовскія, часть бѣлорусскихъ и малорусскихъ правинцій остались за ней. Залогъ будущности Рѣчи Посполитой лежалъ въ упорядоченіи ея внутреннихъ отношеній, въ подъемѣ ея экономическаго и культурнаго уровня, въ устраненіи прежней анархіи.

И вотъ мы видимъ, какъ всѣ усилія лучшей части польскаго общества направляются къ этой цѣли.

Громадную роль сыграла въ этомъ отношеніи основанная еще въ 1773 г. „Эдукаціонная Комиссія"— первое въ Европѣ министерство народнаго просвѣщенія. Въ составъ „Эдукаціонной Комиссіи" входили преимущественно люди, воспитанные на сочиненіяхъ французскихъ раціоналистовъ. Неудивительно поэтому, что они задались цѣлью освободить школу изъ-подъ вліянія церкви и духовенства, проникнувшагося схоластическими воззрѣніями. Выработана была программа обученія для школъ всей Рѣчи Посполитой, причемъ рѣшено было пользоваться почти исключительно свѣтскими педагогическими силами, прибѣгая къ помощи духовныхъ только за неимѣніемъ первыхъ. Первымъ дѣломъ „Эдукаціонной Комиссіи" было упраздненіе преподаванія тѣхъ предметовъ, которые именно и придавали школѣ церковный характеръ—богословія и схоластической философіи. Затѣмъ „Эдукаціонная Комиссія" приступила къ преобразованію краковской и виленской академій по образцу европейскихъ университетовъ.

Въ Краковѣ была построена астрономическая обсер-

ваторія, тамъ же были организованы химическая лабораторія и хирургическая школа, въ которой, при преподаваніи, анатоміи употреблялись человѣческіе трупы. Виленская астрономическая обсерваторія обогатилась новыми инструментами, а кафедра анатоміи, химіи и естествознанія были заняты приглашенными изъ-за границы учеными. Уровень преподаванія въ обѣихъ бывшихъ академіяхъ, переименованныхъ въ „главныя школы“, былъ значительно поднятъ, особенно въ области естествознанія и математики.

При „главныхъ школахъ“ были созданы учительскія семинаріи, которыя должны были подготовить педагогическія силы для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Вся рѣчь Посполитая была раздѣлена на учебные округи, числомъ десять. Въ каждомъ округѣ существовали: гимназія (szkola wydzialowa), прогимназіи (szkoly podwydzialowe) и приходскія училища. Школы, которыя содержались на средства „Эдукаціонной Комиссіи“, назывались академическими въ отличіе отъ частныхъ, находившихся въ вѣдѣніи монаховъ различныхъ чиновъ, обязанныхъ однако же вести преподаваніе по программѣ „Комиссіи“.

„Эдукаціонная Комиссія“ освободила учениковъ отъ исполненія такихъ обязанностей, какъ чтеніе акаѳистовъ и часовъ. Вмѣсто закона божьяго была введена такъ называемая „христіанская наука“, преподаваемая по воскресеньямъ и праздникамъ ученикамъ двухъ первыхъ классовъ въ школѣ, остальнымъ же въ церкви. Рядомъ съ этимъ преподавалась этика, лишенная всякаго религіознаго характера. Латынь, бывшая прежде языкомъ преподаванія, стала однимъ изъ предметовъ послѣдняго. Ее замѣнилъ польскій языкъ. Естествознаніе,

преподаваемое въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, было очищено отъ метафизическихъ и библейскихъ элементовъ и пріобрѣло характеръ болѣе практическій. Вообще въ школахъ „Эдукаціонной Комиссіи“ стало преобладать утилитарное, практическое направленіе. Историческія легенды были замѣнены біографіями лицъ, достойныхъ подражанія. Критическій методъ примѣнялся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Молодежи внушалось уваженіе къ людямъ науки безъ различія ихъ религіозныхъ и философскихъ взглядовъ. Популяризаціи воззрѣній Вольтера, Руссо, Картезія было отведено почетное мѣсто. Вообще школы, руководимыя „Эдукаціонной Комиссіей“, были проникнуты самымъ прогрессивнымъ духомъ. Все это касается какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ элементарныхъ (приходскихъ) училищахъ, основанныхъ „Эдукаціонной Комиссіей“ по мѣстечкамъ и селамъ, обучали не только начальной грамотѣ и ариѳметикѣ, но также и гигіенѣ, земледѣлію, садоводству и т. д. Вообще школьное дѣло во всемъ его объемѣ было поставлено „Эдукаціонной Комиссіей“ такъ, что это вызывало нескрываемый восторгъ даже среди иностранныхъ педагоговъ, къ которымъ „Эдукаціонная Комиссія“ обращалась за совѣтами и указаніями.

„Эдукаціонная Комиссія“ контролировала подвѣдомственныя ей школы самымъ тщательнымъ образомъ. Для этой цѣли была установлена должность такъ называемыхъ „визитаторовъ“ различныхъ степеней. Лучшая часть польскаго общества придавала громадное значеніе дѣятельности „Эдукаціонной Комиссіи“, а прогрессивная публицистика самымъ энергичнымъ образомъ ее поддерживала. Укоренилось мнѣніе, что только школа въ

состояніи перевоспитать общество и создать новое поколѣніе гражданъ, способное работать для возстановленія прежняго могущества Польши.

„Эдукаціонная Комиссія“ была поддерживаема и королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, который съ своей стороны не щадилъ усилій для распространенія просвѣщенія въ Польшѣ. Онъ окружилъ себя учеными, поэтами и художниками, обогатилъ дворцовую библіотеку множествомъ новыхъ книгъ, собиралъ картины и другія художественныя коллекціи, выписывалъ изъ-за границы живописцевъ, устроилъ что-то вродѣ академическихъ засѣданій (четверговые обѣды), на которыхъ дебатировались вопросы науки, философіи и искусствъ. При его дворѣ издавались журналы. По иниціативѣ короля писались оригинальные и переводились иностранные ученые труды. Смоленскій епископъ Адамъ Нарушевичъ по предложенію Станислава Августа принялся за сочиненіе „Исторіи польскаго народа“, соотвѣтствующей въ польской литературѣ тому, чѣмъ въ русской стала „Исторія государства россійскаго“ Карамзина.

Примѣру короля слѣдовали многіе магнаты, основывая библіотеки, музеи, издавая ученыя сочиненія, поддерживая писателей и т. д. Молодое поколѣніе польской родовой знати хлынуло въ ряды масоновъ, создавшихъ въ Польшѣ самостоятельную организацію. Этимъ путемъ проникли въ Польшу новые этическіе взгляды, подъ вліяніемъ которыхъ развивается филантропическая дѣятельность: основываются богадѣльни, учрежденія для безплатной прививки оспы, для раздачи бѣднымъ горячей пищи и т. д.

Очень сильный подъемъ самодѣятельности общества

наблюдался въ области промышленности и торговли. Король основалъ нѣсколько промышленныхъ предпріятій, какъ фарфоровый заводъ, фабрику желѣзныхъ издѣлій и т. д. Между магнатами въ этомъ направленіи особенной дѣятельностью отличался подскарбій литовскій Тызенгаузъ, который основалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Литвы цѣлый рядъ мануфактуръ и заводовъ: суконныхъ, полотняныхъ, бумажныхъ. Впрочемъ, почти не было богатыхъ аристократовъ, которые не пробовали бы основывать фабрики и заводы еще до перваго раздѣла Польши. Руководителями этихъ промышленныхъ предпріятій были иностранцы—французы, нѣмцы и итальянцы.

И торговля Польши стала понемногу развиваться, несмотря на то, что Пруссія, завладѣвъ значительной частью водныхъ путей Польши, могла сильно тормазить ростъ польской торговли. Такъ, хлѣбъ и всякіе товары, отправляемые изъ Польши въ Данцигъ, были обложены 12% налогомъ. Этими, а также различными другими мѣрами Пруссія заставила Польшу искать выхода для ея торговаго сбыта на югѣ. Польская торговля направилась къ Черному морю, что вызвало оживленную дѣятельность въ области проведенія новыхъ дорогъ, осушки болотъ, регуляціи рѣкъ и проведенія каналовъ. Въ Варшавѣ возникли богатыя торговыя фирмы и солидныя финансовыя предпріятія. Если въ 1776 г. стоимость ввоза въ Польшу равнялась 48 милліонамъ золотыхъ, вывоза же только 22 милліонамъ, то наканунѣ второго раздѣла цифра стоимости вывоза дошла до 150 милліоновъ и уже превышала стоимость ввоза.

То же самое было и съ земледѣліемъ. Благодаря

подъему культуры, землевладѣльческая производительность края въ концѣ 70-ыхъ и въ началѣ 80-ыхъ годовъ XVIII столѣтія была гораздо больше, нежели до перваго раздѣла, лишившаго Польшу громадной территоріи.

Новые пріемы земледѣльческой культуры заставили крупныхъ землевладѣльцевъ стремиться къ реформѣ аграрныхъ отношеній. Барщина являлась слишкомъ устарѣвшей формой крестьянскихъ отношеній, и вотъ мы видимъ, какъ самые прогрессивные изъ дворянъ-землевладѣльцевъ уничтожаютъ въ своихъ помѣстьяхъ барщину или, по крайней мѣрѣ, значительно ее смягчаютъ. Цѣлый рядъ крупныхъ землевладѣльцевъ одаряетъ подданныхъ крестьянъ личной свободой, а кое-гдѣ и самоуправленіемъ. Крестьянскій вопросъ и крестьянская реформа выдвигаются на первый планъ въ публицистикѣ, которая обогатилась въ этой области такими серьезными трудами, какъ сочиненія Андрея Замойскаго или Станислава Сташица.

Ростъ городовъ выдвинулъ на очередь и вопросъ объ упорядоченіи правового положенія мѣщанъ и о реформѣ городскихъ отношеній. Несмотря на то, что господствующее въ Польшѣ сословіе—дворянское—не переставало руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ чисто эгоистическими соображеніями, королю и административнымъ властямъ удалось сдѣлать кое-что и для городовъ. Спеціальныя комиссіи занялись составленіемъ описей городскихъ имуществъ, доходовъ и долговъ, сводомъ предписаній, касающихся внутренняго порядка и безопасности въ городахъ, основаніемъ филантропическихъ учрежденій и школъ. Казна заботилась о развитіи ремеслъ въ городахъ. Департаментъ

полиціи оказывалъ поддержку бѣдствовавшимъ городамъ, предохранялъ ихъ отъ пожаровъ, способствовалъ ихъ благоустройству и т. д.

Однимъ словомъ, во всѣхъ областяхъ экономической и культурной жизни Польши послѣ перваго раздѣла замѣчается энергическая работа съ цѣлью укрѣпленія національныхъ силъ и созданія прочнаго фундамента для дальнѣйшаго развитія государственной жизни.

Однако, всѣ эти усилія не могли достигнуть цѣли, пока политическій строй Польши оставался безъ коренныхъ измѣненій. Это понимали прекрасно всѣ лучшіе умы того времени, вслѣдствіе чего вопросъ о политической реформѣ занялъ центральное мѣсто какъ въ публицистикѣ, такъ и въ общественной жизни Польши. И въ этой области разгорѣлась борьба между прогрессивными, патріотическими элементами, стремившимися къ возрожденію страны, и ретроградными, не колебавшимися принести въ жертву своимъ эгоистическимъ, кастовымъ интересамъ — интересы и будущность родины.

Новыя прогрессивныя идеи медленно проникали въ болѣе широкія сферы общества. Благотворная дѣятельность „Эдукаціонной Комиссіи“ встрѣчалась съ рѣзкимъ противодѣйствіемъ со стороны невѣжественныхъ воспитанниковъ бывшихъ іезуитскихъ школъ. Среди мѣщанъ, не говоря уже о крестьянахъ, господствовалъ, по большей части, безпросвѣтный мракъ. Все это страшно затрудняло дѣятельность прогрессистовъ-патріотовъ и облегчало противодѣйствіе ихъ начинаніямъ со стороны ретроградно-анархической партіи, поддерживаемой Россіей.

Партія реформъ обращалась къ иностраннымъ ученымъ государствовѣдамъ за указаніями относительно необходимыхъ преобразованій государственнаго строя Польши. Жанъ-Жакъ Руссо далъ полякамъ эти указанія въ своемъ сочиненіи „Considérations sur le gouvernement de la Pologne et sur la reformation projetée". Мабли, который пріѣхалъ въ Польшу спеціально за тѣмъ, чтобы познакомиться ближе съ ея отношеніями, изложилъ свои взгляды въ трактатѣ „Du gouvernement et des loix de la Pologne". Литература на польскомъ языкѣ въ этой области обогатилась цѣлымъ рядомъ работъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывавшихъ необходимость коренныхъ измѣненій и въ государственномъ и въ соціальномъ строѣ Польши, причемъ авторы всѣхъ этихъ сочиненій обращали самое серьезное вниманіе на вопросъ о крестьянахъ и городскомъ населеніи. Самымъ выдающимся трудомъ реформаціонной публицистики была книга Станислава Сташица „Замѣчанія о жизни Яна Замойскаго, канцлера и великаго коронnаго гетмана", изданная въ 1785 г.

Сташицъ излагалъ планъ реформы государственнаго устройства Рѣчи Посполитой на слѣдующихъ основаніяхъ: наслѣдственность королевскаго престола, сеймъ, засѣдающій безъ перерыва и рѣшающій всѣ дѣла большинствомъ голосовъ, равноправность мѣщанъ съ дворянствомъ, замѣна барщины денежной повинностью, просвѣщеніе крестьянъ и учрежденіе стотысячной арміи. Трудъ Сташица вызвалъ массу отвѣтовъ и критическихъ замѣчаній, въ видѣ брошюръ и болѣе объемистыхъ сочиненій. Въ результатѣ проектъ Сташица пріобрѣлъ громадный кругъ сторонниковъ. Увы, очень скоро обнаружилось, что всѣ реформы государствен-

наго строя въ духѣ проекта Сташица встрѣтятся съ непреодолимой оппозиціей со стороны Россіи.

На это указывала самымъ краснорѣчивымъ образомъ судьба проекта кодекса Замойскаго. Замойскій, по порученію сейма, выработалъ проектъ новаго кодекса, вводящій довольно существенныя измѣненія въ правовое положеніе крестьянства и мѣщанъ,—измѣненія, значительно улучшающія ихъ участь. Русскій посолъ Штакельбергъ получилъ въ отвѣтъ на свое донесеніе приказъ изъ Петербурга—не допустить принятія новаго кодекса сеймомъ, такъ какъ всякая реформа, касающаяся положенія крестьянъ и мѣщанъ, является измѣненіемъ конституціи 1775 г., гарантированной петербургскимъ правительствомъ и, слѣдовательно, не подлежащей измѣненію. Штакельбергъ сообщилъ объ этомъ королю и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы проектъ Замойскаго не былъ принятъ сеймомъ. Состоявшіе на жалованіи русскаго правительства депутаты рѣшительно воспротивились реформѣ, и она была отвергнута. Аналогичныхъ этому фактовъ было нѣсколько. Реакціонеры, разсчитывавшіе на поддержку Россіи, выступили противъ партіи реформъ и парализовали ея усилія. Это доказывало, что никакая серьезная реформа въ Польшѣ невозможна, пока не будетъ уничтожено преобладаніе Россіи.

Борьба съ этимъ преобладаніемъ становится девизомъ прогрессивно-патріотической партіи, которая опиралась на молодомъ поколѣніи, воспитанномъ въ атмосферѣ реформъ. Во главѣ этой партіи встали Игнатій Потоцкій, князь Адамъ Чарторыйскій и Станиславъ Малаховскій. Въ лицѣ ксендза Гугона Коллонтая, бывшаго ректора варшавской „главной школы“, прогрессисты

пріобрѣли весьма полезнаго помощника, одареннаго недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ и глубокимъ знаніемъ политическихъ и юридическихъ вопросовъ. Такъ какъ главной помѣхой для внутренняго обновленія Польши являлась Россія, то прогрессисты стали дѣйствовать въ духѣ сближенія Польши съ Пруссіей.

Россія, въ лицѣ Екатерины II, предлагала Польшѣ заключеніе договора, который гарантировалъ бы неприкосновенность границъ Польши и обезпечивалъ бы ей помощь Россіи противъ внѣшнихъ непріятелей. Однако, на основаніи этого договора внутренняя организація Рѣчи Посполитой не должна была бы подвергаться никакимъ измѣненіямъ. Реакціонная фракція, видѣвшая въ неизмѣнности внутренняго устройства Польши залогъ господства аристократической олигархіи, дѣятельно стремилась къ заключенію этого договора. Ее поддерживали и тѣ представители польской знати, которые не гнушались состоять на жалованіи у Штакельберга или были обязаны его протекціи своими высокими должностями. Сеймъ 1788 г. долженъ былъ рѣшить вопросъ о заключеніи договора съ Россіей.

Пруссія была сильно обезпокоена этимъ проектомъ и тоже обратилась къ Польшѣ съ предложеніемъ заключить договоръ. Прусскій посолъ Бухгольцъ заявилъ отъ имени короля Фридриха Вильгельма II сейму, что онъ рѣшительно протестуетъ противъ договора съ Россіей, видя въ этомъ шагъ, направленный, прежде всего, противъ Пруссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ король Пруссіи предлагаетъ Рѣчи Посполитой союзъ, вполнѣ обезпечивающій интересы обоихъ государствъ. Заявленіе прусскаго короля, выдержанное въ тонѣ полнаго уваженія къ Польшѣ и содержащее недвусмысленное обѣщаніе за-

щищать ее отъ посягательствъ Россіи, произвело громадное впечатлѣніе. Сеймъ понялъ, что могущество Штакельберга, благодаря этому заявленію, потеряло свой престижъ—тѣмъ болѣе, что Россія, занятая турецкой и шведской войной, фактически была лишена возможности оказать давленіе на польскихъ политиковъ, независящихъ отъ нея матеріально.

Вопреки протесту Штакельберга, сеймъ единогласно рѣшилъ увеличить польскую армію до 100.000. Вопреки протесту Штакельберга былъ упраздненъ военный департаментъ, вмѣсто котораго была учреждена военная комиссія, всецѣло зависящая отъ сейма. Разсчитывая на поддержку Пруссіи, патріотическая партія стала подготовлять новые проекты, нарушающіе конституцію 1775 г., гарантированную Россіей, и дающіе Польшѣ возможность усилиться. Штакельбергъ обратился къ сейму съ негодующей нотой, грозя Рѣчи Посполитой местью. Этотъ шагъ русскаго посла окончательно сблизилъ Польшу съ Пруссіей, которая очень ловко воспользовалась положеніемъ дѣлъ. Прусскій король обратился къ сейму съ новой декларацією, въ которой онъ заявлялъ, что, не считая себя вправѣ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Рѣчи Посполитой, онъ готовъ всѣми силами защищать ея внѣшнюю независимость и способствовать развитію ея внутренней самостоятельности.

Надѣясь на поддержку Пруссіи, прогрессивная партія рѣшила уничтожить всѣ орудія преобладанія Россіи въ Польшѣ. Въ январѣ 1789 г. былъ уничтоженъ „постоянный совѣтъ“, являвшійся тормазомъ для всѣхъ начинаній, неугодныхъ видамъ русской политики. Такимъ образомъ Польша вернула себѣ возможность про-

водить тѣ реформы, которыя являлись необходимыми для ея внутренняго преуспѣванія.

Русскому правительству не оставалось ничего другого, какъ оставить путь безплодныхъ дипломатическихъ протестовъ и перемѣнить тактику, тѣмъ болѣе, что въ 1790 году былъ заключенъ союзъ Польши съ Пруссіей. Штакельбергъ, отозванный изъ Варшавы, уѣхалъ въ Россію.

Между тѣмъ въ Польшѣ кипѣла реформаторская работа. Была проведена податная реформа, дававшая возможность увеличить армію. „Депутація для улучшенія формы правленія“ занялась выработкой новой конституціи. Вскорѣ въ работахъ этой комиссіи приняла участіе депутація, задачей которой было разсмотрѣніе нуждъ и требованій мѣщанъ, охваченныхъ, подъ вліяніемъ извѣстій о революціи во Франціи, сильнымъ эмансипаціоннымъ движеніемъ. Были установлены самые необходимые административные органы. Публицистика, разросшаяся до колоссальныхъ размѣровъ, подготовляла теоретическій матеріалъ для дальнѣйшихъ, болѣе радикальныхъ реформъ. Мѣщанскій, крестьянскій, еврейскій, податной, военный и множество другихъ вопросовъ выяснялись съ различныхъ точекъ зрѣнія въ сотняхъ брошюръ, памфлетовъ, листковъ, писемъ, воззваній и т. д. Подъ давленіемъ публицистики была образована комиссія по еврейскому вопросу. Политическіе клубы содѣйствовали успѣхамъ патріотовъ, а прогрессивная публицистика пользовалась для своихъ цѣлей и сценой.

Патріотическая партія старалась ускорить реформу конституціи и въ этомъ духѣ оказывала давленіе на засѣдающій въ Варшавѣ съ 1788 г. сеймъ. Ускореніе

реформы конституціи было тѣмъ болѣе необходимо, что внѣшняя политическая конъюнктура опять сложилась неблагопріятно для интересовъ Польши. Союзникъ Россіи, австрійскій императоръ Іосифъ II, умеръ, а его наслѣдникъ, Леопольдъ II, вошелъ въ соглашеніе съ Пруссіей, рѣшивъ заключить миръ съ Турціей и не помогать Россіи. Въ виду этого, договоръ съ Польшей терялъ для Пруссіи половину своего значенія, такъ какъ онъ былъ направленъ въ одинаковой степени и противъ Россіи, и противъ Австріи. Миръ, заключенный Швеціей съ Россіей въ 1790 г., былъ для Польши такъ же опасенъ, какъ и побѣда Россіи надъ турками, потому что это развязывало ей руки и позволяло обратить все свое вниманіе на Польшу.

5-го августа 1790 г. сейму былъ представленъ проектъ основныхъ законовъ Рѣчи Посполитой. Сеймъ тотчасъ же принялъ законъ о неприкосновенности границъ Польши, что должно было подѣйствовать охлаждающимъ образомъ на Пруссію, которая надѣялась получить отъ Польши Данцигъ и Торнъ взамѣнъ цѣлаго ряда уступокъ польской торговлѣ. Принятое же вскорѣ послѣ этого уничтоженіе русской гарантіи 1775 г. явилось новымъ вызовомъ по адресу Россіи. А пунктъ проекта, уничтожающій избираемость польскихъ королей и замѣняющій ее наслѣдственностью польскаго престола, вызвалъ рѣзкую оппозицію со стороны консервативныхъ депутатовъ сейма, нашедшихъ поддержку и внѣ сейма. Однако это дѣло было удачно улажено, и сеймъ продолжалъ свою реформаторскую дѣятельность, несмотря на противодѣйствіе консерваторовъ и интриги русской партіи, дѣйствовавшей въ

тайномъ соглашеніи съ замѣнившимъ Штакельберга посломъ Булгаковымъ.

Между тѣмъ политическая конъюнктура становилась все болѣе и болѣе неблагопріятной для Польши. Мира Россіи съ Турціей можно было ожидать въ ближайшемъ будущемъ и поэтому слѣдовало торопиться. Патріотическая партія рѣшила выработать окончательный проектъ новой конституціи и провести ее черезъ сеймъ безъ преній, могущихъ затянуться на долгіе мѣсяцы. Въ этотъ тайный планъ былъ посвященъ и король, который далъ свое согласіе и рьяно содѣйствовалъ его осуществленію. Рѣшено было воспользоваться тѣмъ, что многіе депутаты, принадлежащіе къ оппозиціи, не вернутся въ Варшаву сейчасъ же послѣ пасхальныхъ праздниковъ, и, такимъ образомъ, проектъ новой конституціи пройдетъ сразу безъ серьезнаго протеста. Имѣлось въ виду выполнить этотъ планъ 5-го мая 1791 г.

Однако Булгаковъ провѣдалъ объ этомъ, и русская партія разослала гонцовъ во всѣ стороны, чтобы собрать ко дню 5-го мая какъ можно больше депутатовъ, враждебныхъ реформамъ. Тогда прогрессисты рѣшили предупредить это и внести проектъ 3-го мая. Этотъ планъ удалось выполнить. Конституція была принята, король тотчасъ же присягнулъ ей, и такимъ образомъ государственное устройство Рѣчи Посполитой получило новыя формы, дававшія ей возможность развиться вполнѣ нормально.

II.

На основаніи перваго параграфа утвержденной 4-хъ лѣтнимъ сеймомъ конституціи 3-го мая 1791 г. католическая религія признается въ Польшѣ господствующей, и переходъ изъ католичества въ другія вѣроисповѣданія запрещается. Что же касается послѣднихъ, то они пользуются покровительствомъ властей, и принадлежность къ нимъ не является препятствіемъ ни на служебномъ поприщѣ, ни для доступа въ сеймъ. Дворянское сословіе сохраняетъ за собой всѣ прежнія права и привилегіи. Мѣщанское сословіе во многихъ отношеніяхъ уравнивалось въ правахъ съ дворянствомъ, причемъ переходъ изъ мѣщанскаго сословія въ дворянское значительно облегчался. Мѣщане, подобно дворянамъ, не могли быть арестованы безъ суда, они получали право покупать земельную собственность, занимать всѣ духовныя, гражданскія и военныя должности безъ всякихъ ограниченій, выбирать своихъ представителей въ ассесорскій судъ, въ финансовую и полицейскую комиссіи сейма. Города получили самоуправленіе и независимость отъ дворянскихъ судовъ. Крестьянское сословіе принимается, на основаніи конституціи 3-го мая, подъ покровительство закона и правительства, которые должны наблюдать за тѣмъ, чтобы условія, заключенныя между землевладѣльцами и крестьянами, были одинаково обязательны для обѣихъ сторонъ и не могли быть измѣнены самовольно одной изъ нихъ. Всѣ пришельцы, поселяясь въ Польшѣ, пользуются полной свободой и могутъ выбирать себѣ мѣсто жительства по собственному усмотрѣнію.

Средоточіемъ законодательной власти является сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ—сената съ королемъ въ качествѣ его предсѣдателя и палаты депутатовъ. Въ составъ сената входятъ епископы, воеводы, кастелланы и министры. Въ палатѣ депутатовъ, кромѣ представителей дворянства, засѣдаютъ уполномоченные отъ городовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Сеймъ созывается на два года. Каждыя 25 лѣтъ „экстраординарный сеймъ“ производитъ ревизію конституціи. Liberum veto упраздняется.

Законы, издаваемые сеймомъ, распадаются на двѣ категоріи—общихъ законовъ и сеймовыхъ постановленій. Первые касаются вопросовъ, связанныхъ съ конституціоннымъ, гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, а также податной системы. Ко вторымъ принадлежатъ рѣшенія относительно войны, мира, заключенія займовъ и т. д. Законопроекты первой котегоріи должны быть сначала сообщаемы сеймикамъ, которые выскажутся о нихъ въ депутатскихъ инструкціяхъ, послѣ чего эти законопроекты идутъ на разсмотрѣніе сейма, который, принявъ ихъ, препровождаетъ въ сенатъ. Сенатъ или утверждаетъ рѣшенія сейма, и тогда законопроектъ становится закономъ, или же отвергаетъ его. Однако, если слѣдующій сеймъ опять приметъ законопроектъ, отвергнутый сенатомъ, то послѣдній уже не имѣетъ права отвергнуть его вторично и долженъ его утверждать. Законопроекты второй категоріи направляются прямо въ сеймъ, который пересылаетъ свое рѣшеніе въ сенатъ, и соединенное большинство обѣихъ палатъ рѣшаетъ судьбу сеймоваго постановленія.

Исполнительная власть принадлежитъ королю и его совѣту—такъ назыв. „стражѣ законовъ“, состоящей изъ

архіепископа-примата и пяти министровъ, причемъ первый входитъ въ составъ „Стражи“ въ качествѣ предсѣдателя „Эдукаціонной Комиссіи“. Безъ согласія „Стражи“ король не можетъ принять никакого рѣшенія. Министры назначаются королемъ на два года. Король, личность котораго неприкосновенна, имѣетъ право помилованія приговоренныхъ къ смертной казни, право распоряжаться арміей во время войны, назначать епископовъ, гражданскихъ чиновниковъ и офицеровъ. Вступая на престолъ, король принимаетъ присягу, обѣщаясь свято хранить конституцію и pacta conventa.

Народъ избираетъ династію, которая занимаетъ тронъ Рѣчи Постолитой въ порядкѣ престолонаслѣдія. Послѣ смерти Станислава Августа польскій престолъ переходитъ къ саксонской династіи, и его занимаетъ Фридрихъ Августъ, послѣ котораго родоначальникомъ новой династіи является супругъ его дочери Маріи Августы Непомуцены. Въ случаѣ прекращенія этой династіи польскій народъ снова избираетъ себѣ династію правителей. Въ исключительныхъ случаяхъ учреждается регентство, отвѣтственное передъ сеймомъ.

Судебная власть по-прежнему находилась въ рукахъ сословныхъ судовъ, особыхъ для дворянства, мѣщанъ и крестьянъ.

Конституція 3-го мая по сравненію съ тѣмъ, что было прежде, является громаднымъ шагомъ впередъ. Она была принята съ неописуемымъ восторгомъ всѣми сознательными сферами націи, заинтересованными въ дальнѣйшемъ преуспѣваніи родины. И за границей эта конституція вызвала множество похвалъ со стороны лучшихъ государствовѣдовъ и политическихъ дѣятелей. Даже Пруссія и Австрія отнеслись доброжелательно

къ произведенной въ Польшѣ государственной реформѣ, признавъ конституцію 3-го мая вполнѣ законной.

Иначе, конечно, смотрѣла на нее Россія. Она только ожидала заключенія мира съ Турціей, чтобы силой уничтожить новую конституцію и опять ввергнуть Польшу въ состояніе внутренней анархіи. Между русскимъ правительствомъ и польскими реакціонерами велись тайные переговоры. Когда же миръ съ Турціей былъ наконецъ заключенъ въ Яссахъ въ началѣ 1792 г., рѣшено было дѣйствовать безъ проволочки. Главари польскихъ противниковъ конституціи 3-го мая Щенсный Потоцкій, Северинъ Ржевусскій и гетманъ Браницкій были вызваны въ Петербургъ, гдѣ на частномъ пріемѣ у императрицы Екатерины II былъ выработанъ планъ дѣйствій.

Рѣшено было, что Потоцкій, Ржевусскій и Браницкій сорганизуютъ конфедерацію для уничтоженія новой конституціи и обратятся къ Россіи за помощью. Актъ конфедераціи былъ выработанъ при содѣйствіи генерала Попова, посвященнаго во всѣ планы Россіи относительно Польши, выработанные недавно умершимъ Потемкинымъ. Одновременно съ этимъ четырнадцать польскихъ челобитчиковъ повергли къ стопамъ императрицы жалобу на преступное поведеніе сейма, поправшаго республиканскія традиціи, и умоляли ее помочь возстановить прежнія республиканскія вольности. Въ отвѣтъ на эту челобитную Екатерина II приказала, съ одной стороны, выработать планъ вторженія русскихъ войскъ въ Польшу, а съ другой—приготовить торжественное заявленіе, мотивирующее необходимость военныхъ дѣйствій въ Польшѣ. Въ этомъ заявленіи сеймъ обвиняется въ цѣломъ рядѣ нелегальныхъ по-

ступковъ и въ ниспроверженіи республиканскаго правительства, въ силу чего императрица, внявъ мольбамъ большого числа знатныхъ поляковъ, сорганизовавшихъ конфедерацію, высылаетъ свои войска для возстановленія республиканскихъ законовъ и прерогативъ. 18-го мая 1792 г. это заявленіе было вручено польскому послу Хрептовичу, и тотчасъ же черезъ границу Рѣчи Посполитой перешли двѣ русскія арміи— почти 100.000 войска.

Къ одному изъ корпусовъ русской арміи присоединились Потоцкій, Ржевусскій и Браницкій, которые привезли съ собой выработанный въ Петербургѣ актъ конфедераціи, получившей названіе Тарговицкой, отъ мѣстечка Тарговица, гдѣ этотъ актъ былъ обнародованъ съ помѣткой „Тарговица, 14 мая“, несмотря на то, что организаторы конфедераціи прибыли туда 19-го мая. Этотъ подлогъ былъ совершенъ для того, чтобы фактъ появленія русскихъ войскъ въ предѣлахъ Польши одновременно съ обнародованіемъ акта, въ которомъ конфедераты просили императрицу послать эти войска, не слишкомъ бросался въ глаза. Генеральнымъ маршаломъ Тарговицкой конфедераціи былъ назначенъ Щ. Потоцкій, главнокомандующими ея „войскъ“ Браницкій и Ржевусскій, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что у нихъ не было ни одного солдата, а общее число конфедератовъ едва доходило до 13-ти. Но за ними стояла вся сила русской арміи.

Польскимъ войскамъ пришлось выступить противъ арміи, которая была втрое сильнѣе ихъ. Поэтому исходъ борьбы не подлежалъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что нельзя было разсчитывать ни на Австрію, затуюня войной съ Франціей, ни на Пруссію, давав-

шую понять, что для нея договоръ 1790 г. не обязателенъ въ настоящее время. Послѣ ряда кровопролитныхъ стычекъ король Станиславъ Августъ рѣшилъ начать переговоры съ императрицей Екатериной. Онъ предложилъ ей, взамѣнъ за сохраненіе конституціи 3-го мая, возвести на польскій тронъ ея внука, великаго князя Константина. Екатерина отвѣтила, что она ни въ коемъ случаѣ не откажется отъ рѣшенія возстановить гарантированную ею конституцію 1775 г. и требуетъ отъ короля, чтобы онъ присоединился къ Тарговицкой конфедераціи.

Король созвалъ на совѣтъ членовъ „Стражи законовъ“ и другихъ высокихъ должностныхъ лицъ, показалъ имъ письмо императрицы и объявилъ, что, въ виду безвыходности положенія, онъ готовъ исполнить ея требованія. Часть участвующихъ въ совѣтѣ протестовала противъ этого, другая соглашалась съ королемъ, который на другой же день—24 іюля 1792 г.—подписалъ отъ своего имени и отъ имени войскъ актъ присоединенія къ конфедераціи. Несмотря на многочисленные протесты выдающихся государственныхъ дѣятелей, несмотря на глухой ропотъ въ арміи, побѣда Тарговицкой конфедераціи и Россіи стала свершившимся фактомъ. Русскія войска заняли Варшаву и Вильно, противники конфедераціи бѣжали за границу или присоединялись, подъ давленіемъ русскихъ войскъ, къ конфедераціи, которая приступила къ искорененію всѣхъ слѣдовъ конституціи 3-го мая.

Наступила эпоха реакціи. Сторонниковъ прогрессивныхъ реформъ въ духѣ конституціи 3-го мая всячески преслѣдовали и привлекали къ отвѣтственности, а ихъ имѣнія подвергались разграбленію со стороны рус-

скихъ войскъ. Прогрессивные клубы были закрыты, а ихъ члены лишены политическихъ правъ. Два журнала были закрыты. Вводилась цензура, учреждалась должность ревизора типографій и книжныхъ лавокъ. Мѣщане были лишены всѣхъ правъ, признанныхъ за ними конституціей 3-го мая. Дѣятельность „Эдукаціонной Комиссіи“ подверглась осужденію, а реакціонеры начали хлопотать въ Римѣ о возстановленіи ордена іезуитовъ. Общественныя суммы исчезали въ бездонныхъ карманахъ главарей реакціи, опиравшихся на силу русской арміи, хозяйничавшей невозбранно и въ Польшѣ и въ Литвѣ.

Реакція торжествовала, не догадываясь даже, что ея руководитель — Россія — уже велъ тайные переговоры съ Пруссіей и Австріей относительно новаго раздѣла Польши. Эти переговоры увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и прусскія войска первыя перешли границы рѣчи Посполитой и вступили въ Великопольшу, мотивируя это необходимостью защитить Пруссію отъ распространяющихся въ Польшѣ французскихъ идей якобинства. Ни попытки созвать всеобщее ополченіе, ни дипломатическія усилія не могли помочь дѣлу. Новаго раздѣла Польши ничто уже не могло предотвратить.

Въ Гроднѣ 17-го іюня 1793 г. начались засѣданія послѣдняго польскаго сейма, выбраннаго подъ давленіемъ Россіи для легализаціи второго раздѣла Польши. Это былъ, собственно говоря, не легальный сеймъ, а его каррикатура, такъ какъ и выборы производились по указанію изъ Петербурга, и засѣданія сейма происходили подъ охраной русскихъ штыковъ. Преемникъ Булгакова — Сиверсъ—не останавливался ни передъ подкупомъ, ни передъ насиліемъ, чтобы довести до

конца планъ Россіи. Оппозиціонныхъ депутатовъ подвергали аресту, ихъ имѣнія секвестрировались, а залъ засѣданій сейма былъ окруженъ русскими солдатами, готовыми ежеминутно въ него ворваться. Въ самомъ залѣ засѣданій присутствовали русскіе офицеры. Наконецъ всѣми этими мѣрами было у сейма вырвано согласіе на раздѣлъ Рѣчи Посполитой, которая „уступила“ въ 1793 г. Россіи: часть воеводства виленскаго, минское, восточную часть новогрудскаго, брестъ-литовскаго и волынскаго, кіевское, брацлавское и подольское (около 4.550 квадратныхъ миль), а Пруссіи: воеводство гнѣзненское, познанское, калишское, серадзское съ землей велюнской, часть краковскаго (Ченстоховъ), оба куявскія съ землей добржынской, плоцкое, часть равскаго и кусокъ мазовецкаго на правомъ берегу Вислы (1.060 кв. м.).

За Польшей осталось всего 3.830 кв. миль съ 4 милліонами жителей. Однако дни ея самостоятельнаго существованія и въ этихъ границахъ уже были сочтены. Договоръ, заключенный въ томъ же 1793 г. съ Россіей, давалъ послѣдней полную возможность располагать дальнѣйшей судьбой Польши, получившей новую конституцію, почти тожественную съ штакельбергской конституціей 1775 г. Сиверса замѣнилъ Игельштремъ, который располагалъ 30.000 арміей, готовой подавить всякую попытку, направленную къ ниспроверженію русскаго господства.

Второй раздѣлъ Польши въ сущности прекращалъ фактически существованіе Польши, и съ этого времени польскіе патріоты-прогрессисты, до сихъ поръ заботившіеся только о радикальной реформѣ ея внутреннихъ отношеній, принуждены бороться—путемъ заго-

воровъ и вооруженныхъ возстаній—за самое ея существованіе. Первой, хронологически, такой попыткой было возстаніе Тадэуша Костюшки, вспыхнувшее черезъ полгода послѣ второго раздѣла Польши.

Идея вооруженнаго возстанія, направленнаго противъ Россіи, возникла во время засѣданій злополучнаго гродненскаго сейма. Въ Варшавѣ дѣйствовали въ пользу ея осуществленія банкиръ Капостасъ и генералъ Игнатій Дзялынскій, въ Литвѣ обозный Карлъ Прозоръ, Францъ Ельскій, бывшій депутатъ четырехлѣтняго сейма, и нѣсколько другихъ лицъ. Они вошли въ сношенія съ польскимъ войскомъ, гдѣ встрѣтили большую симпатію своимъ замысламъ. Рука объ руку съ ними шли эмигранты, пребывавшіе въ Саксоніи: Коллонтай и Игнатій Потоцкій. Заговорщики не сомнѣвались, что имъ удастся организовать возстаніе, такъ какъ ненависть къ Россіи и къ ея орудію—членамъ Тарговицкой конфедераціи—была очень сильна въ широкихъ слояхъ польскаго общества. Патріоты надѣялись не только на то, что ихъ поддержитъ прогрессивная часть дворянства. Они сильно разсчитывали и на симпатіи городского населенія. Нѣкоторые же надѣялись поднять и крестьянъ.

Во главѣ вооруженныхъ силъ возстанія долженъ былъ встать Костюшко — эмигрантъ, пребывавшій тогда въ Лейпцигѣ. Костюшко былъ искреннимъ демократомъ и республиканцемъ. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ во Франціи, затѣмъ принималъ участіе въ освободительной войнѣ Америки съ Англіей. Вернувшись на родину, онъ поступилъ въ польскую армію, отличился во время кампаніи 1792 г. и вышелъ въ отставку, когда король присоединился къ Тарговицкой конфеде-

раціи. Осенью 1793 г. онъ принялъ диктатуру, предложенную ему заговорщиками, и сталъ готовиться къ возстанію.

Между тѣмъ Игельштремъ напалъ на слѣдъ заговора. Послѣдовали аресты многихъ патріотовъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. Дольше нельзя было медлить. Воспользовавшись тѣмъ, что русскій гарнизонъ покинулъ Краковъ, Костюшко явился туда, и польское войско присягнуло ему на вѣрность, какъ диктатору. Костюшко въ свою очередь присягнулъ, что онъ употребитъ довѣренную ему власть единственно для возстановленія независимости Польши, защиты ея границъ и упроченія всеобщей свободы. Провозглашенъ былъ „актъ возстанія“, яркими красками изображающій насилія державъ, принявшихъ участіе въ раздѣлахъ Польши, гнусность предателей—членовъ Тарговицкой конфедераціи—и бѣдственное положеніе страны. „Актъ возстанія“ устанавливалъ „Верховный національный совѣтъ“, „комиссію порядка краковскаго воеводства“ и уголовный судъ. „Комиссія“ должна была приводить въ исполненіе приказы военнаго диктатора и „Верховнаго совѣта“, а уголовный судъ, въ составъ котораго входили лица, назначенныя „Верховнымъ совѣтомъ“, приговаривалъ бы къ смерти всѣхъ совершающихъ преступленіе противъ націи и дѣйствующихъ во вредъ возстанію. Спеціальной резолюціей гражданъ краковскаго воеводства приглашались къ участію въ возстаніи всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 18 до 28 лѣтъ, старосты же, владѣльцы поземельной собственности и духовенство облагались временными налогами.

„Актъ возстанія“ былъ обнародованъ 24-го марта 1794 г., а 4-го апрѣля Костюшко подъ Рацлавицами

разбилъ 5.000-ный отрядъ генерала Денисова. Битва подъ Рацлавицами была замѣчательна тѣмъ, что въ ней приняли участіе и отличились геройской отвагой крестьяне изъ окрестностей Кракова, вооруженные косами и пиками. Въ честь этихъ героевъ Костюшко снялъ свой генеральскій мундиръ и одѣлъ крестьянскую „сукману“ (армякъ).

Рацлавицкая побѣда имѣла громадное моральное значеніе. Подъ ея впечатлѣніемъ возникли организаціи повстанцевъ въ Холмщинѣ и въ люблинскомъ воеводствѣ. Подъ ея впечатлѣніемъ возстали Варшава и Вильно. Въ столицахъ Польши и Литвы въ возстаніи приняли участіе народныя массы. Городское населеніе Варшавы, подъ руководствомъ сапожника Килинскаго, соединилось съ польскимъ гарнизономъ и вмѣстѣ съ нимъ бросилось на русскую пѣхоту. Русскія войска были частью перебиты, частью сдались, а Игельштремъ бѣжалъ, оставивъ кассу и архивъ посольства. Это произошло 18-го апрѣля, а на слѣдующій день жители мазовецкаго княжества составили актъ присоединенія къ краковскому возстанію, учредили временный „Совѣтъ“, „комиссію порядка мазовецкаго княжества“ и уголовный судъ. Въ ночь съ 22-го на 23 апрѣля возстало Вильно. Заговорщики напали на русское войско, обезоружили его и взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, генераломъ Арсеньевымъ. Гетманъ литовскій—измѣнникъ Коссаковскій—былъ повѣшенъ по приговору уголовнаго суда, который и здѣсь былъ организованъ по примѣру Кракова и Варшавы.

Вѣсть о казни Коссаковскаго подѣйствовала возбуждающе на Варшаву. Народныя массы потребовали смертной казни предателей, и сами построили четыре

висѣлицы съ надписями: „наказаніе измѣнниковъ отечеству“. Требованія толпы были такъ энергичны и настоятельны, что „Совѣтъ“ уступилъ. При кликахъ „да здравствуетъ революція!“ были повѣшены главные сторонники Россіи: великій гетманъ коронный Ожаровскій, полевой гетманъ литовскій Забѣлло, епископъ Коссаковскій и Анквичъ, депутатъ гродненскаго сейма, маршалъ „Непрерывнаго совѣта“.

Между тѣмъ Костюшко расположился лагеремъ подъ Поланцемъ въ сандомирскомъ воеводствѣ и принималъ мѣры къ организаціи 300-тысячной арміи. Въ связи съ этимъ планомъ были распоряженія диктатора, касающіяся крестьянъ.

Послѣ рацлавицскаго сраженія Костюшко освободилъ отъ барщины и всякихъ повинностей крестьянъ, находящихся подъ оружіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ точно опредѣлить повинности ихъ семей для предупрежденія злоупотребленій со стороны помѣщиковъ. Кромѣ того онъ далъ возможность крестьянамъ жаловаться на притѣсненія помѣщиковъ „комиссіямъ порядка“. Костюшко писалъ: „Необходимо, чтобы народъ чувствовалъ, что, сражаясь съ общимъ непріятелемъ, онъ добивается этимъ улучшенія своей судьбы, что его положенія будетъ несравненно счастливѣе въ освобожденной изъ неволи Польшѣ, нежели при господствѣ надъ ней чужеземцевъ“. Въ этомъ духѣ составленъ его знаменитый универсалъ, изданный 7-го мая подъ Поланцемъ.

Поланецкій универсалъ гласилъ, что всякій крестьянинъ получаетъ полную свободу передвиженія. Онъ можетъ направляться куда хочетъ, лишь бы только заплатилъ причитающіяся съ него подати и увѣдо-

милъ „комиссію порядка“, гдѣ намѣренъ поселиться. Количество дней барщины уменьшается на все время возстанія съ 6 или 5 въ недѣлю до 4 и 3-хъ, съ 4-хъ и 3-хъ до одного, съ одного въ недѣлю до одного въ двѣ недѣли. Крестьяне, служащіе въ войскѣ, совершенно освобождаются отъ барщины до возвращенія домой. О хозяйствѣ крестьянъ, отправляющихся на войну, должны заботиться мѣстныя правительственныя власти, крестьянскія общества и помѣщики. Крестьянинъ является владѣльцемъ своего куска земли, котораго у него не можетъ отнять помѣщикъ, если крестьянинъ исполняетъ всѣ свои обязанности. Учреждается должность надсмотрщиковъ—чиновниковъ, назначенныхъ „комиссіей порядка“, въ вѣдѣніи которыхъ находится по 1000—2000 крестьянскихъ хозяйствъ. Эти чиновники принимаютъ жалобы крестьянъ на притѣсненіе помѣщиковъ и донесенія послѣднихъ на проступки крестьянъ и являются судьями въ спорахъ между крестьянами и помѣщиками. Ихъ приговоры могутъ быть обжалованы передъ „комиссіей порядка“.

Поланецкій универсалъ произвелъ громадное впечатлѣніе, а слухъ о немъ быстро распространился по всѣмъ землямъ Рѣчи Посполитой, вызывая глухое броженіе даже въ отошедшей по первому раздѣлу Польши Бѣлоруссіи. Крестьяне относились къ Костюшкѣ съ благоговѣніемъ, называя его „мужицкимъ генераломъ“. Дворянамъ-помѣщикамъ, конечно, не особенно пришлись по вкусу демократическія реформы диктатора, но они должны были мириться съ ними изъ патріотизма.

Организуя армію, Костюшко вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ надъ созданіемъ центральныхъ правительствен-

ныхъ учрежденій. Въ Варшавѣ, по его порученію и плану, возникъ „Верховный національный совѣтъ“, а въ Вильнѣ была основана „Центральная депутація Великаго Княжества Литовскаго“. Эти органы взяли на себя исполненіе всѣхъ административныхъ и судебныхъ функцій освобождающагося государства, что позволило диктатору заняться исполненіемъ военныхъ плановъ.

Хотя возстаніе было направлено исключительно противъ Россіи, однако и Пруссія двинула свои войска противъ Костюшки, который вслѣдствіе этого потерпѣлъ пораженіе подъ Щекоцинами. Пришлось вести войну на два фронта — противъ Россіи и противъ Пруссіи, которая 15-го іюня захватила Краковъ, что подѣйствовало угнетающе на возставшихъ. Въ Варшавѣ распространился слухъ, что виной паденія Кракова была измѣна. Народныя массы заволновались и потребовали новыхъ казней измѣнниковъ, находящихся въ заключеніи. Опять на улицахъ появились висѣлицы. Когда же „Верховный національный совѣтъ“ отвѣтилъ отказомъ на требованіе толпы, послѣдняя напала на тюрьмы и повѣсила извлеченныхъ оттуда нѣсколькихъ шпіоновъ и сторонниковъ Россіи: князя Четвертинскаго и епископа Массальскаго. Виновники этого насилія были отданы подъ судъ и наказаны.

Вскорѣ послѣ этого Костюшко прибылъ въ Варшаву и приготовился защищать ее отъ соединенной сорокатысячной прусско-русской арміи, которая, немного спустя, подошла къ столицѣ Польши. Непріятель осаждалъ Варшаву съ 13-го іюля до 6-го сентября, однако безъ результатовъ. Когда пришло извѣстіе, что въ прусской части Польши тоже вспыхнуло возстаніе и повстанцы

заняли Коло, Конинъ, Брестъ Куявскій и Влоцлавскъ и захватили на Вислѣ транспортъ аммуниціи, идущій въ Варшаву, король Фридрихъ Вильгельмъ отступилъ со своей арміей отъ Варшавы, и его примѣру послѣдовалъ русскій главнокомандующій Ферзенъ.

Въ Литвѣ однако возстанію не повезло. Вильно было взято русскими войсками, что позволило имъ двинуться и въ Польшу черезъ Литву. Положеніе Костюшки съ его 70-ти-тысячной арміей, состоящей въ значительной мѣрѣ изъ необученныхъ и плохо вооруженныхъ крестьянъ, было тѣмъ труднѣе, что къ пруссакамъ и русскимъ присоединились и австріяки, которые провозгласили оккупацію сандомирскаго воеводства. Диктатору пришлось дробить свои силы, что еще больше ослабило его армію. 10-го октября армія Костюшки была разбита подъ Мацѣевицами Суворовымъ, и самъ диктаторъ, раненый, попалъ въ плѣнъ.

4-го ноября Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу, предмѣстье Варшавы, послѣ чего русскія войска вырѣзали и утопили въ Вислѣ болѣе десяти тысячъ однихъ женщинъ и дѣтей. Варшава, охваченная ужасомъ, капитулировала послѣ того, какъ Суворовъ гарантировалъ ея жителямъ неприкосновенность имущества и личную безопасность. Возстаніе Костюшки было подавлено, остатки его арміи разсѣялись, и наступилъ послѣдній актъ исторической трагедіи Польши—третій раздѣлъ Рѣчи Посполитой. 3-го января 1795 г. былъ подписанъ договоръ между Россіей и Австріей, 24-го октября между Россіей и Пруссіей. Послѣдняя заняла польскія земли между Пилицей, Бугомъ и Нѣманомъ. Австрія захватила территорію между Пилицей, Вислой и Бугомъ. Остальная часть Польши перешла къ Россіи.

25-го ноября 1795 г. послѣдній король независимой Польши, Станиславъ Августъ Понятовскій, отказался отъ престола.

III

Раздѣленная Польша вошла въ составъ трехъ совершенно чуждыхъ ей государственныхъ организмовъ, кореннымъ образомъ отличающихся другъ отъ друга по своимъ историческимъ традиціямъ, общему характеру, внутреннему устройству и культурному уровню. Такимъ образомъ жизнь польской націи расчленилась, и между отдѣльными ея частями возникала пропасть, уничтоженіе которой стоило невѣроятныхъ усилій, колоссальной культурной работы цѣлыхъ поколѣній.

Самымъ энергичнымъ образомъ принялась за ассимиляцію своей части Польши Пруссія, въ рукахъ которой очутилась и Варшава—центръ всей національной и культурной жизни Польши. Фридрихъ Вильгельмъ прежде всего постарался арестовать и выслать всѣхъ лицъ, которыя ему казались опасными. Затѣмъ онъ приступилъ къ преобразованіямъ, долженствовавшимъ навсегда закрѣпить за Пруссіей ея новыя польскія владѣнія. Введена была система доноса и шпіонства, охватывающая всѣ стороны жизни. Помѣщикамъ вмѣнялось въ обязанность доносить на своихъ подданныхъ, повинныхъ въ антиправительственныхъ происках. Крестьяне должны были доносить на подозрительныхъ помѣщиковъ. Высшее духовенство должно было слѣдить за низшимъ и наоборотъ. Доносчикамъ обѣщалась

награда, участникамъ же заговоровъ, предававшимъ своихъ товарищей, наказаніе значительно смягчалось. Свобода передвиженія была въ высшей степени стѣснена. Польскіе законы были упразднены и замѣнены нѣмецкими. Нѣмецкій языкъ былъ введенъ въ судопроизводство и въ администрацію, причемъ поляки были совершенно устранены отъ всякихъ казенныхъ должностей. Прусская бюрократія захватила въ свои руки всю власть въ краѣ.

Всѣ классы общества очутились какъ бы въ тискахъ бюрократической регламентаціи каждаго проявленія жизни. Самоуправленіе городского населенія было значительно стѣснено, право пріобрѣтенія земельной собственности ограничено, евреи подверглись ряду варварскихъ преслѣдованій: они были снабжены спеціальными паспортами, безъ которыхъ ни одинъ еврей не могъ появляться на присоединенной отъ Польши территоріи; за поимку безпаспортнаго еврея назначалась денежная награда, евреямъ, не жившимъ на присоединенной къ Пруссіи территоріи до раздѣла Польши, было отказано въ правѣ жительства; они не имѣли права жениться до 25 лѣтъ, мѣнять мѣсто жительства и родъ занятій безъ позволенія властей. Введена была строгая цензура, авторы нецензурныхъ сочиненій, даже еслибъ они издавали ихъ заграницей, подвергались наказанію. До чего доходила бюрократическая регламентація жизни, лучше всего свидѣтельствуетъ фактъ установленія правилъ, касающихся траура, спеціальныхъ для дворянъ, спеціальныхъ для мѣщанъ, особыхъ для прямыхъ наслѣдниковъ, особыхъ для болѣе далекихъ и т. д. За неисполненіе этихъ правилъ грозилъ штрафъ.

Одновременно съ этими мѣрами прусское правитель-

ЗЕМСКАЯ

ство вело въ самыхъ широкихъ размѣрахъ нѣмецкую колонизацію. Множество помѣстій—бывшихъ владѣній старостъ и духовенства—было роздано прусскимъ обѣднѣвшимъ дворянамъ. Въ одной только такъ называемой Южной Пруссіи (варшавское, калишское, познанское и бромбергское регентства) прусскіе дворяне получили 240 такихъ имѣній, стоившихъ 20 милліоновъ талеровъ. Во всѣ эти имѣнія стекались нѣмецкіе служащіе и рабочіе. Нѣмецкіе крестьяне-колонисты тысячами стекались въ прусскую Польшу, образуя тамъ деревни среди польскаго населенія. Ихъ привлекали самыми разнообразными льготами, субсидіями, возвращеніемъ издержекъ по переѣзду съ запада и т. д. Въ города массами съѣзжались нѣмецкіе ремесленники и торговцы. Были придуманы такія формы кредита, которыя бы могли въ теченіе непродолжительнаго времени лишить польскихъ помѣщиковъ ихъ земельной собственности. Школы въ значительной степени стали орудіемъ германизаціи, хотя, въ общемъ, прусское правительство заботилось о распространеніи просвѣщенія такъ же, какъ и о подъемѣ уровня матеріальной культуры края, на что ассигновывались значительныя суммы.

И Австрія, подобно Пруссіи, стремилась всѣми силами германизировать свою часть Польши, получившую названіе Галиціи и Лодомеріи. Польскіе законы были замѣнены общеавстрійскимъ кодексомъ, администрація и судъ заполнились нѣмцами. Введена была—точно такъ же, какъ и въ Германіи—сословная организація. Въ 1782 г. патентъ императора Іосифа II далъ крестьянамъ личную свободу. Барщина вскорѣ послѣ этого была значительно смягчена, взамѣнъ чего была введена воинская повинность. Зависимость крестьянъ отъ помѣ-

щиковъ не была уничтожена. Права евреевъ были ограничены, хотя и не въ такой степени, какъ въ Пруссіи. Въ Галиціи не было сословнаго представительства, существовавшаго въ другихъ провинціяхъ Австріи, и отнятыми у Польши землями правила бюрократія, относящаяся ко всѣмъ классамъ мѣстнаго общества съ одинаковымъ высокомѣріемъ. Германизаторская система была соединена съ безжалостнымъ высасываніемъ экономическихъ соковъ страны. Австрійскій гнетъ поэтому давалъ себя чувствовать гораздо сильнѣе прусскаго и вызывалъ гораздо больше негодованія.

Въ нѣсколько иномъ положеніи очутилась часть Польши, присоединенная къ Россіи. Екатерина II вела руссификаторскую политику, но послѣдняя, опирающаяся исключительно на физическое насиліе, не могла, конечно, имѣть тѣхъ успѣховъ, какіе выпали на долю Пруссіи и Австріи, пускавшихъ въ ходъ и средства культурнаго характера. Руссификація Екатерины II была чисто внѣшней. Множество конфискованныхъ помѣстій перешло дарственнымъ путемъ въ руки русскихъ вельможъ и фаворитовъ. Болѣе $1^1/_2$ милліона уніатъ были присоединены военной силой къ православію. Съ воцареніемъ императора Павла (1796 г.) отношеніе русскаго правительства къ полякамъ сильно измѣнилось.

Павелъ I прекратилъ національныя и религіозныя преслѣдованія. Онъ считалъ раздѣлы Польши актами несправедливости и политическими ошибками, вслѣдствіе чего онъ относился къ полякамъ дружелюбно. По его повелѣнію Костюшко и другіе польскіе плѣнники были освобождены, а изгнанники получили возможность вернуться на родину. Бывшій король Станиславъ Августъ Понятовскій былъ приглашенъ въ Пе-

тербургъ, гдѣ и прожилъ до смерти. Павелъ I возстановилъ Литовскій статутъ, избираемость судей и дворянское самоуправленіе съ сеймиками. Прекратилось и преслѣдованіе католицизма, были даже возстановлены два уніатскихъ епископства.

Съ воцареніемъ Александра I (1801 г.) положеніе присоединенныхъ къ Россіи частей Польши значительно улучшилось, особенно благодаря тому вліянію, которое имѣлъ на молодого императора князь Адамъ Чарторыйскій. Послѣднему была поручена организація школьнаго дѣла въ бывшихъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, отошедшихъ къ Россіи. Въ 1803 г. Чарторыйскій былъ назначенъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, въ составъ котораго вошли губерніи: витебская, могилевская, виленская, гродненская, минская, кіевская волынская и подольская. Въ этомъ же году литовская главная школа была преобразована въ императорскій виленскій университетъ, который сталъ главнымъ средоточіемъ польской науки и культуры. Чарторыйскому помогали въ его дѣятельности всѣ лучшія силы польскаго общества, вслѣдствіе чего удалось организовать сѣть среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, стоявшихъ на высотѣ требованій современной науки и въ то же время распространявшихъ польскую культуру на громадной территоріи. Рядомъ съ виленскимъ университетомъ громадную роль въ этомъ отношеніи сыгралъ основанный Тадеушомъ Чацкимъ лицей въ Кременцѣ (на Волыни).

Послѣ подавленія возстанія Костюшки значительное количество его участниковъ, избѣжавшихъ смерти и плѣна, собралось въ Парижѣ, намѣреваясь продолжать борьбу за независимость Польши при помощи революціоннаго

французскаго правительства. Еще до третьяго раздѣла Польши въ Парижѣ образовалась такъ называемая „польская депутація“ (22 августа 1795 г.). Задачей этой депутаціи было дѣйствовать въ пользу возстановленія Польши, поддерживать сношенія съ родиной и разсѣянными внѣ Франціи эмигрантами и вліять на сочувствующія Польшѣ западноевропейскія правительства. Вскорѣ „польская депутація“ распалась, такъ какъ часть ея членовъ замышляла вызвать въ Польшѣ возстаніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, на что большинство „депутаціи“ не соглашалось. Вмѣсто одной, стали дѣйствовать двѣ „депутаціи“—радикальная и болѣе умѣренная, причемъ обѣ поддерживали сношенія и съ французскимъ революціоннымъ правительствомъ и съ эмигрантами внѣ Парижа.

Эмиграція подготовляла новое возстаніе, и съ этой цѣлью, по совѣту французскаго правительства, желала войти въ соглашеніе съ Турціей, которая съ своей стороны готовилась тогда къ войнѣ съ Россіей и Австріей. Кое-что уже было сдѣлано въ этомъ направленіи, однако этотъ планъ вскорѣ уступилъ мѣсто другому, казавшемуся болѣе практичнымъ, — плану, иниціаторомъ и исполнителемъ котораго сталъ генералъ Генрикъ Домбровскій.

Одинъ изъ лучшихъ костюшковскихъ генераловъ, Домбровскій, рѣшилъ связать судьбу Польши съ успѣхомъ общеевропейской республиканской революціи. Съ этой цѣлью онъ выработалъ планъ организаціи польскаго легіона, который поддерживалъ бы всякую борьбу съ монархами и такимъ образомъ содѣйствовалъ бы и дѣлу освобожденія Польши изъ-подъ власти трехъ монархій. Такъ какъ французскій законъ не позволялъ

принимать на жалованье военныхъ-иностранцевъ, то Домбровскому было предложено французскимъ правительствомъ обратиться къ ломбардскому правительству, образовавшемуся вслѣдствіе побѣдъ французской республики надъ Австріей.

Въ 1797 г. Домбровскій вошелъ дѣйствительно въ соглашеніе съ ломбардскимъ правительствомъ, и польскіе легіоны стали свершившимся фактомъ. Два мѣсяца спустя, у Домбровскаго было уже до 5000 вооруженнаго войска. Это были по большей части французскіе плѣнные поляки изъ австрійскихъ войскъ да дезертиры изъ армій всѣхъ трехъ государствъ, раздѣливщихъ между собой Рѣчь Посполитую. Къ легіонамъ Домбровскаго присоединился генералъ Князевичъ съ нѣсколькими десятками офицеровъ-поляковъ. Легіонисты сохраняли польскіе мундиры и польскую команду. Они носили трехцвѣтную французскую республиканскую кокарду и повязки съ итальянской надписью „Gli uomini liberi sono fratelli (свободные люди—братья). Маршъ легіоновъ „Еще Польша не погибла“ сталъ впослѣдствіи польскимъ національнымъ гимномъ.

Легіоны Домбровскаго постепенно разрослись, благодаря наплыву польской молодежи, которая, узнавъ о ихъ возникновеніи и цѣли, стекалась подъ знамена Домбровскаго и Князевича изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Польши и Литвы. Польскіе легіоны принимали участіе во всѣхъ походахъ Бонапарта, съ нетерпѣніемъ ожидая момента, когда имъ придется поднять оружіе непосредственно за освобожденіе родины. Однако имъ такъ и не пришлось этого дождаться. Франція и Бонапартъ пользовались ихъ услугами повсюду, когда же явилась возможность заключить миръ съ Австріей

и договоръ съ Россіей, всѣ обѣщанія, касающіяся Польши, были забыты, и польскіе легіоны постигла самая плачевная участь. Они частью распались, частью же были предательски высланы на островъ Гаити для усмиренія бунта тамошнихъ негровъ. Изъ 2750 человѣкъ, посланныхъ туда, почти никто не вернулся.

Нельзя однако сказать, чтобы легіоны не имѣли никакого значенія. Самое ихъ существованіе было краснорѣчивымъ протестомъ противъ раздѣловъ Польши, а ихъ отчаянная отвага пріобрѣтала симпатіи и для національности, представителями которой они являлись. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ славные подвиги дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на молодое поколѣніе польскаго общества, пробуждая въ немъ надежды на возстановленіе независимой Польши, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ею бѣдствія подъ игомъ Австріи и Пруссіи. Благодаря легіонамъ, укрѣпилось убѣжденіе, что „еще Польша не погибла“, и что ее ждетъ лучшее будущее.

Разочарованіе въ помощи Франціи заставило польскихъ патріотовъ обратить свои взоры на Россію, гдѣ полякамъ какъ ни какъ жилось несравненно лучше, нежели въ Пруссіи или Австріи.

Когда императоръ Александръ I прекратилъ дипломатическія сношенія съ Франціей Наполеона и привлекъ къ коалиціи противъ послѣдняго Англію, Австрію и Швецію, Пруссія не только не присоединилась къ коалиціи, но даже обѣщала Наполеону не пропускать черезъ свою территорію русскихъ войскъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался князь Адамъ Чарторыйскій (бывшій въ то время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ), выработавшій планъ дѣйствій, заключающій въ себѣ и разрѣшеніе польскаго вопроса. Чарторыйскій

предлагалъ русскому императору занять польскія владѣнія Пруссіи, склонить Австрію къ уступкѣ Галиціи и провозгласить себя королемъ Польши.

Поляки знали объ этомъ планѣ. Было извѣстно и то, что Александръ I относится къ нему съ симпатіей. Поэтому, когда императоръ пріѣхалъ въ Пулавы, навѣстить Чарторыйскихъ, поляки принимали его тамъ съ энтузіазмомъ, какъ будущаго короля. Въ Познани уже шли подготовленія къ возстанію. Однако изъ всего этого плана ничего не вышло, такъ какъ во время посѣщенія Александромъ I Берлина Фридриху-Вильгельму удалось уговорить русскаго императора заключить оборонительно-наступательный союзъ. Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ разбилъ подъ Аустерлицемъ русскія и австрійскія войска (1805 г.).

И опять симпатіи поляковъ обратились къ Франціи и къ ея вождю-Наполеону, который съ своей стороны, послѣ того какъ ему Пруссія объявила войну, рѣшилъ пріобрѣсти расположеніе и содѣйствіе поляковъ. Онъ поручилъ бывшему костюшковскому генералу Заіончеку, поступившему на французскую службу, сорганизовать польскій легіонъ, разбивъ же прусскую армію подъ Іеной (1806 г.), онъ объявилъ „польскую“ войну, приглашая прусскихъ поляковъ поднять знамя возстанія. Чарторыйскій еще разъ умолялъ Александра I содѣйствовать возстановленію Польши, порывая съ Пруссіей, но тотъ не только не пожелалъ этого сдѣлать, но еще послалъ Пруссіи на помощь 9000 войска. Чарторыйскій вышелъ въ отставку, и всѣ симпатіи поляковъ оказались окончательно на сторонѣ Наполеона, который побѣдоносно двигался впередъ.

Польское населеніе Пруссіи возстало. Наполеонъ

торжественно въѣхалъ въ Познань, а Варшава была занята французскими войсками. Поляки не сомнѣвались, что Наполеонъ возстановитъ независимость ихъ родины и толпами хлынули подъ его знамена. Французскій императоръ перезимовалъ въ Варшавѣ, затѣмъ двинулся въ Пруссію, взялъ Данцигъ и разбилъ русско-прусскую армію подъ Фридландомъ. По тильзитскому миру (іюль 1807 г.) надежды поляковъ исполнились, однако только отчасти. Вмѣсто возстановленія Польши въ ея прежнихъ границахъ, послѣдовалъ новый передѣлъ польскихъ земель и учреждалось независимое Герцогство Варшавское.

Въ составъ этого новаго государственнаго организма вошли провинціи Польши, занятыя Пруссіей по второму и третьему раздѣламъ да и то не полностью, такъ какъ Бѣлостокская область отошла къ Россіи, а Данцигъ былъ превращенъ въ вольный городъ. Миніатюрное государство, созданное милостью Наполеона, занимало всего 1860 квадратныхъ миль съ 2.400.000 жителей. Герцогскій престолъ занялъ внукъ предпослѣдняго польскаго короля — Фридрихъ Августъ Саксонскій. 22-го іюля 1807 г. Герцогство Варшавское получило отъ Наполеона же свою конституцію, которая уничтожала крѣпостную зависимость крестьянъ и всѣ сословныя привилегіи, признавала католическую религію господствующей, но вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняла всякія ограниченія, касающіяся другихъ вѣроисповѣданій, и гарантировала польскому языку права государственнаго, право же на занятіе должностей какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ, давала только гражданамъ Герцогства.

Герцогство Варшавское получило внутреннюю организацію по образцу французской, пріуроченной отчасти

только къ традиціоннымъ польскимъ формамъ государственной жизни. Исполнительная власть находилась въ рукахъ наслѣдственнаго короля саксонскаго, законодательная принадлежала двухпалатному сейму, причемъ однако законодательной иниціативой обладалъ только герцогъ, который санкціонировалъ принятые сеймомъ законы и назначалъ всѣхъ епископовъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ. Герцогу помогали министры—числомъ шесть—и государственный совѣтъ.

Герцогство раздѣлялось на департаменты (познанскій, калишскій, бромбергскій, плоцкій, варшавскій и ломжинскій) и 60 округовъ. Во главѣ департаментовъ стояли префекты, во главѣ округовъ—подпрефекты, а въ городахъ бургомистры. Въ департаментахъ, округахъ и городахъ находились мѣстные совѣты: департаментскіе, окружные и муниципальные, состоящіе изъ мѣстныхъ гражданъ и вѣдающіе административныя дѣла. Сеймъ долженъ былъ созываться каждые два года на 15 дней. Онъ состоялъ изъ 100 депутатовъ, избираемыхъ на сеймикахъ и на муниципальныхъ собраніяхъ. Судебная магистратура была одинакова для всѣхъ гражданъ безъ всякихъ различій. Французское гражданское уложеніе (такъ наз. „кодексъ Наполеона“) стало обязательнымъ для всѣхъ жителей Герцогства. Армія Герцогства Варшавскаго состояла изъ 30.000 человѣкъ.

Основывая Герцогство Варшавское, Наполеонъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, создать для себя базисъ для военныхъ дѣйствій на востокѣ Европы, а съ другой—ослабить Пруссію, интересы же поляковъ тутъ не играли никакой роли. Это было понятно для всѣхъ, вслѣдствіе чего поляки, возлагавшіе столь большія надежды на Наполеона, сильно охладѣли къ

послѣднему. И дѣйствительно, Герцогство Варшавское было созданіемъ, полнымъ всякихъ явныхъ недостатковъ, которые не позволяли ему стать жизненнымъ, способнымъ къ развитію государственнымъ организмомъ. Тѣмъ не менѣе, это миніатюрное государство все-таки спасало отъ бюрократическаго произвола и германизаторской политики Пруссіи хоть часть польскаго народа, давая ей возможность развиваться нормально и консолидироваться.

И польское общество дѣйствительно воспользовалось предоставленными ему конституціей правами, чтобы заняться внутренней созидательной, культурной работой. Первый сеймъ вотировалъ 4.800.0000 злотыхъ на покрытіе общественныхъ издержекъ и улучшеніе бѣдственнаго экономическаго положенія края. Организація школьнаго дѣла была проведена въ духѣ традицій „Эдукаціонной Комиссіи“, причемъ особенное вниманіе удѣлялось начальнымъ школамъ, на что указываетъ ихъ быстрый ростъ. Въ 1807 г. ихъ было всего—147, въ 1811—640, въ 1812—750, въ 1814—1110. Количество среднихъ учебныхъ заведеній тоже было увеличено. Въ 1809 г. возникаетъ въ Варшавѣ медицинская школа, а еще раньше юридическая. Развиваются и военныя училища.

Часть своей арміи Герцогство Варшавское обязалось послать на помощь Наполеону, который, получивъ польское войско, отправилъ его въ Испанію, между тѣмъ какъ военныя силы стали крайне необходимы самому Герцогству, такъ какъ ему угрожало нашествіе Австріи. Австрійскія войска напали на Герцогство и заняли Варшаву — впрочемъ, не надолго, потому что войска Герцогства, проникнувъ въ Галицію, стали

завладѣвать тамъ однимъ городомъ за другимъ — отъ Львова до Кракова, а въ самомъ Герцогствѣ уже готово было вспыхнуть возстаніе. Эрцгерцогъ Фердинандъ оставилъ Варшаву, взявъ, впрочемъ, съ нее 400.000 злотыхъ контрибуціи, а побѣда Наполеона надъ австрійскими войсками подъ Ваграмомъ не только освободила Герцогство отъ Австріи, но и способствовала его территоріальному росту. По вѣнскому договору 1809 г. Герцогство Варшавское увеличилось на 919 кв. миль и $1^1/_2$ милліона жителей, такъ какъ къ нему были присоединены вся Западная Галиція вмѣстѣ съ Краковомъ и замостьскій округъ.

Новыя пріобрѣтенія Герцогства были раздѣлены на четыре департамента. Въ сеймѣ количество сенаторовъ увеличилось на 12, а депутатовъ на 66. Армія Герцогства была увеличена до 60.000 человѣкъ. Ростъ силъ Герцогства Варшавскаго сопровождался оживленіемъ надеждъ поляковъ на возстановленіе Польши въ ея полномъ составѣ. Эти надежды поддерживались и Наполеономъ, который готовился къ походу на Россію.

Лѣтомъ 1812 г. въ Варшаву прибылъ посолъ французскаго императора Прадтъ, который долженъ былъ неофиціально побудить поляковъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ съ цѣлью возстановленія Польши. Фридрихъ Августъ передалъ верховную власть Герцогства совѣту министровъ, который тотчасъ же созвалъ экстренный сеймъ. Маршаломъ сейма былъ избранъ опять Адамъ Чарторыйскій-отецъ, который на первомъ же засѣданіи сейма приказалъ прочесть просьбу отъ имени поляковъ, подданныхъ Россіи, молящую сеймъ заняться возстановленіемъ исторической Польши. На слѣдующій день

пришло извѣстіе объ объявленіи Наполеономъ Россіи войны, названной имъ „второй польской войной“. Это вызвало взрывъ энтузіазма. Сеймъ объявилъ независимость Польши въ ея прежнихъ границахъ, учредилъ „Генеральный совѣтъ конфедераціи Королевства Польскаго“, постановилъ выслать депутаціи къ Наполеону и къ саксонскому королю, послѣ чего прекратилъ свое существованіе, а государственная власть перешла къ „Генеральному совѣту“, состоявшему изъ десяти членовъ сейма подъ предсѣдательствомъ Чарторыйскаго.

Между тѣмъ Наполеонъ прибылъ въ Вильно и учредилъ тамъ временное правительство изъ поляковъ. Выбицкому, явившемуся съ депутаціей отъ „Генеральнаго совѣта“, Наполеонъ заявилъ, что онъ признаетъ образъ дѣйствій поляковъ правильнымъ, но категорическаго отвѣта относительно возстановленія Польши депутація отъ него не услышала. Это подѣйствовало угнетающимъ образомъ на все польское общество. „Генеральный совѣтъ“ не рѣшался дѣйствовать, не имѣя гарантій Наполеона, Чарторыйскій уѣхалъ изъ Варшавы. Войска Герцогства Варшавскаго вмѣстѣ съ состоящими на французской службѣ польскими полками присоединились къ арміи Наполеона и участвовали во всѣхъ ея побѣдахъ и пораженіяхъ. Изъ 80.000 польскаго войска уцѣлѣло въ концѣ концовъ всего нѣсколько тысячъ, которымъ послѣ паденія Наполеона было позволено вернуться въ Варшаву, съ трепетомъ ожидавшую своей участи отъ конгресса, созваннаго въ 1814 г. въ Вѣнѣ.

Вѣнскій конгрессъ упразднилъ Герцогство Варшавское и предпринялъ новый раздѣлъ земель бывшей Рѣчи Посполитой между тремя ея сосѣдями. Австрія

получила обратно Галицію и Лодомерію вмѣстѣ съ принадлежавшими ей въ 1809 г. збаражскимъ и тарнопольскимъ округами и окрестностями Кракова, а также соляными копями въ Величкѣ. Пруссіи были отданы тѣ провинціи, которыми она владѣла на основаніи договора въ Тильзитѣ: Данцигъ съ округомъ и два департамента Герцогства Варшавскаго (познанскій и бромбергскій), составившихъ княжество Познань. За Россіей остались всѣ провинціи Рѣчи Посполитой, взятыя на основаніи трехъ раздѣловъ, и Бѣлостокская область. Кромѣ того изъ оставшихся неподѣленныхъ между Австріей и Пруссіей владѣній Герцогства Варшавскаго (безъ Кракова) было создано автономное Царство Польское *), соединенное съ Россіей. Наконецъ Краковъ съ округомъ въ $23^1/_2$ кв. м. былъ признанъ „вольнымъ городомъ“—независимой республикой, находящейся подъ покровительствомъ трехъ сосѣднихъ государствъ. Вѣнскій конгрессъ обязывалъ каждое изъ этихъ послѣднихъ дать польскимъ подданнымъ конституцію, соотвѣтствующую ихъ національнымъ потребностямъ и политическимъ условіямъ.

Такимъ образомъ о прежнемъ независимомъ существованіи Польши свидѣтельствовалъ лишь одинъ ея маленькій осколокъ — краковская республика, получившая конституцію, позволявшую ей хранить завѣты историческаго прошлаго города, развивать національную культуру при помощи университета, который оказывалъ вліяніе, распространявшееся далеко за предѣлы крошечной территоріи миніатюрнаго „государства“.

Въ Галиціи было учреждено сословное представи-

*) Royaume de Pologne, т. е. Королевство Польское.

тельство въ видѣ сейма съ крайне ограниченной компетенціей. Во Львовѣ былъ возстановленъ университетъ. Въ общемъ же въ Галиціи по-прежнему господствовала бюрократія, обнаруживавшая явно германизаціонныя замашки. Въ прусской Польшѣ положеніе поляковъ было еще хуже. Сначала имъ были обѣщаны многочисленныя льготы въ области самоуправленія и національныхъ правъ, а впослѣдствіи прежняя германизаторская политика опять взяла верхъ. Только императоръ Александръ I отнесся вполнѣ добросовѣстно къ принятымъ на себя по вѣнскому договору обязательствамъ, поскольку это касалось организаціи новаго пріобрѣтенія.

27-го ноября 1815 г. Александръ I подписалъ въ Варшавѣ конституцію Царства Польскаго, опирающуюся на слѣдующія основанія.

Царство Польское соединено навсегда съ Россійской Имперіей. Польскимъ наслѣдственнымъ королемъ является русскій императоръ. На время своего отсутствія онъ назначаетъ намѣстника. Русскій императоръ коронуется польской королевской короной въ Варшавѣ и присягаетъ на вѣрность конституціи. Онъ обладаетъ полной исполнительной властью и назначаетъ всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ, должностныхъ лицъ. Учреждается пять министерствъ: 1) вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, 2) юстиціи, 3) внутреннихъ дѣлъ и полиціи, 4) военное, 5) доходовъ и финансовъ. Одинъ изъ министровъ скрѣпляетъ своей подписью королевскія распоряженія и несетъ отвѣтственность за ихъ несогласованность съ конституціей. Каждый изъ министровъ является предсѣдателемъ спеціальной правительственной комиссіи:

юстиціи, военной и т. д. При императорѣ состоитъ статсъ-секретарь, черезъ котораго намѣстникъ получаетъ постановленія императора, касающіяся Польши, и къ которому направляются всѣ представленія по дѣламъ Царства Польскаго. Въ отсутствіи короля его власть переходитъ къ государственному совѣту, въ которомъ главную роль играетъ намѣстникъ. Постановленія намѣстника въ государственномъ совѣтѣ нуждаются въ скрѣпѣ одного изъ министровъ.

Все Царство Польское раздѣляется на восемь воеводствъ, 77 уѣздовъ и 51 округъ. Въ каждомъ воеводствѣ существуетъ воеводская комиссія для исполненія распоряженій правительственныхъ комиссій. Въ городахъ административныя функціи исполняются муниципальными присутствіями, въ сельскихъ общинахъ эта роль принадлежитъ войту. Мѣстное самоуправленіе опирается на избираемыхъ гражданами воеводскихъ совѣтахъ.

Средоточіемъ законодательной власти является сеймъ, состоящій изъ короля и двухъ палатъ: сенаторской и депутатской. Сеймъ созывается каждые два года на тридцать дней. Сенатъ составляется изъ членовъ по назначенію, члены депутатской палаты (числомъ 128) избираются на сеймикахъ дворянъ и собраніяхъ городскихъ обществъ. Въ продолженіе дѣятельности сейма его члены пользуются неприкосновенностью. Они могутъ быть арестованы и судимы уголовнымъ судомъ только съ согласія палаты, къ которой они принадлежатъ.

Обсужденію сейма подлежатъ всѣ проекты административныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, передаваемыхъ ему королемъ черезъ государственный

совѣтъ, затѣмъ составленіе бюджета, наборъ рекрутъ, монетная система, подати, налоги и повинности и наконецъ проекты измѣненій конституціонныхъ властей. Сеймъ принимаетъ ходатайства и сообщенія своихъ членовъ въ пользу ихъ довѣрителей, передавая ихъ государственному совѣту для представленія королю, который приказываетъ отослать ихъ въ сеймъ и въ такомъ случаѣ послѣдній обсуждаетъ законопроекты, вызванные этими ходатайствами. Засѣданія обѣихъ палатъ сейма публичны.

Устанавливалась независимость судебной власти, которая была одинакова для всѣхъ гражданъ безъ различія состоянія и религіи. Кромѣ различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ магистратуръ, учреждался сеймовый судъ, состоявшій изъ всѣхъ членовъ сенаторской палаты, долженствовавшій разбирать дѣла лицъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи и привлеченныхъ къ отвѣтственности королемъ, намѣстникомъ или палатой депутатовъ высшихъ чиновниковъ и министровъ.

Всѣ граждане равны и пользуются одинаковымъ покровительствомъ закона. Свобода печати гарантирована. Никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ согласно установленнымъ формамъ и въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Всякому арестованному арестующія его власти должны сообщить тотчасъ же причины лишенія его свободы. Не позже 3-хъ дней онъ долженъ быть предъявленъ соотвѣтственному трибуналу для допроса или суда. Никто не можетъ быть высланъ за предѣлы Царства Польскаго, за исключеніемъ случаевъ изгнанія. Конфискація имущества уничтожается и не можетъ быть возстановлена. Государственнымъ

языкомъ является польскій. Онъ нераздѣльно господствуетъ въ администраціи, судопроизводствѣ и въ войскѣ. Католическая религія является предметомъ спеціальнаго правительственнаго покровительства, однако религіозные обряды другихъ вѣроисповѣданій могутъ быть безвозбранно исполняемы публично.

Количество польскаго войска, сохраняющаго національный мундиръ, устанавливается королемъ въ зависимости отъ доходовъ, опредѣляемыхъ бюджетомъ. Польское войско не можетъ быть употребляемо внѣ Европы. Въ общемъ армія Царства Польскаго зависитъ отъ короля.

Царство Польское получало такимъ образомъ конституцію, дававшую ему полную возможность нормальнаго національнаго развитія — при условіи, конечно, чтобы эта конституція не оставалась во многихъ отношеніяхъ мертвой буквой, что произошло на самомъ дѣлѣ.

IV.

Одинъ изъ дипломатовъ сказалъ, что конституціонное Царство Польское, соединенное съ самодержавной Россіей, напоминаетъ глиняный горшокъ, привязанный къ желѣзному котлу. И дѣйствительно, этому дѣтищу вѣнскаго конгресса пришлось испытать судьбу такого горшка. Уже черезъ два года послѣ полученія Царствомъ Польскимъ конституціи Александръ I

выразился, что она обязываетъ только народъ, а не короля, а въ 1820 г. въ первый разъ была императоромъ высказана угроза полнаго упраздненія конституціи. И хотя она не была уничтожена сразу, однако съ теченіемъ времени не осталось почти ни одного параграфа конституціи, который не былъ бы нарушенъ.

Главнокомандующимъ польской арміей былъ назначенъ великій князь Константинъ Павловичъ—человѣкъ самаго необузданнаго характера. Его безпримѣрная жестокость, соединенная со страшной вспыльчивостью и безтактностью, сдѣлала совершенно невозможнымъ его пребываніе въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего онъ былъ посланъ въ Варшаву какъ бы въ почетную ссылку. Онъ развелся съ оставившей его княжной Саксенъ-Кобургской и женился на полькѣ, Іоаннѣ Грудзинской. Хотя онъ имѣлъ неограниченную власть только надъ войскомъ, однако фактически въ его рукахъ была сосредоточена верховная власть во всемъ Царствѣ Польскомъ—тѣмъ болѣе, что намѣстникомъ былъ назначенъ генералъ Іосифъ Заіончекъ—личность слабохарактерная, заискивавшая передъ великимъ княземъ и выше всего цѣнившая его расположеніе. Заіончекъ былъ игрушкой въ рукахъ Константина Павловича, на котораго въ свою очередь оказывалъ громадное вліяніе Николай Новосильцевъ, императорскій комиссаръ при правительствѣ Царства Польскаго.

Бывшій либералъ, Новосильцевъ заявилъ себя непримиримымъ врагомъ свободныхъ конституціонныхъ учрежденій и всякихъ проявленій самодѣятельности гражданъ. Онъ ненавидѣлъ поляковъ и задался цѣлью

лишить ихъ политической свободы, сознательно подкапывая довѣріе къ нимъ императора и изображая положеніе дѣлъ въ Польшѣ въ самомъ антипатичномъ для него видѣ. Новосильцевъ, вмѣстѣ съ Константиномъ Павловичемъ, организовали тайную полицію, опутавшую своими сѣтями весь край. Кадры этой тайной полиціи пополнялись всевозможнымъ сбродомъ: выпущенными изъ тюремъ ворами, мошенниками и другими преступниками. Всѣ выдающіеся общественные дѣятели были окружены шпіонами, вторгавшимися даже въ ихъ частную жизнь.

Хозяйничанье великаго князя въ арміи заставило подать въ отставку уважающихъ себя генераловъ и высшихъ офицеровъ — покрытыхъ славой участниковъ легіоновъ и наполеоновскихъ полковъ. Среди офицеровъ, оставшихся въ арміи, преобладалъ элементъ сервилистическій. Молодое поколѣніе офицеровъ относилось къ своему вождю съ затаенной ненавистью. Сеймы 1818 и 1820 гг. домогались изданія военнаго кодекса, который могъ бы обуздать своеволіе главнокомандующаго, но эти усилія не привели ни къ чему.

Уже на засѣданіи перваго сейма произошло столкновеніе между представительствомъ народа и правительствомъ. Законопроектъ, вводящій въ гражданскій кодексъ измѣненія ярко клерикальнаго характера, былъ отвергнутъ. Въ 1820 г. сеймъ собирался при такихъ условіяхъ, которыя предвѣщали неминуемую бурю. Дѣло въ томъ, что въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ сеймомъ правительство позволило себѣ цѣлый рядъ насилій, находящихся въ противорѣчіи съ параграфами конституціи. Оппозиціонная

„Gazeta Codzienna“ была закрыта, ея типографія опечатана, а редакторъ арестованъ. Въ маѣ 1819 г. была учреждена цензура періодическихъ изданій, распространенная потомъ и на книги. Заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ происках гражданъ стали подвергать тюремному заключенію. Такимъ образомъ были уничтожены двѣ основныя конституціонныя гарантіи: свобода печати и неприкосновенность личности.

Александръ I, открывая сеймъ въ 1820 г., обратился къ полякамъ съ рѣчью, въ которой онъ предостерегалъ ихъ отъ увлеченія западно-европейскими либеральными идеями и призывалъ къ умѣренности. Оппозиція выступила очень рѣзко противъ правительственныхъ законопроектовъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ въ виду лишить палату депутатовъ возможности привлекать къ отвѣтственности министровъ, — другой, касающійся реформъ уголовной процедуры, ни словомъ не упоминалъ о судѣ присяжныхъ, котораго требовали поляки. Во главѣ сплоченной оппозиціи стояли братья Немоевскіе, калишскіе депутаты, одинъ изъ которыхъ потребовалъ отдачи подъ судъ министра народнаго просвѣщенія, скрѣпившаго своей подписью незаконныя административныя распоряженія, учреждающія цензуру.

Такой характеръ сейма 1820 г. произвелъ на Александра I очень дурное впечатлѣніе. Возвратившись въ Петербургъ, онъ готовился было издать указъ, совершенно упразднявшій конституцію Царства Польскаго, однако отъ этого шага его удержали министръ иностранныхъ дѣлъ и англійскій посланникъ. Придумывая способъ обуздать оппозицію, избѣгая мѣръ, способныхъ вызвать осложненія дипломатическаго ха-

рактера, Александръ I не созывалъ сейма—опять-таки вопреки конституціи—въ теченіе пяти лѣтъ.

Между тѣмъ автономныя власти Царства Польскаго старались, несмотря на противодѣйствіе Новосильцева и центральнаго правительства, укрѣпить экономическое и культурное развитіе края путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій. Министръ финансовъ, князь Любецкій, оградилъ казну Царства Польскаго отъ незаконныхъ посягательствъ великаго князя Константина, прекратилъ злоупотребленія въ этой области петербургскихъ властей и самымъ энергичнымъ образомъ, не останавливаясь иногда передъ крутыми фискальными мѣрами, изыскивалъ новые источники государственныхъ доходовъ. Этимъ путемъ ему удалось упорядочить финансы Царства Польскаго. Министръ народнаго просвѣщенія, Станиславъ Потоцкій, человѣкъ въ высшей степени прогрессивный, дѣйствовалъ въ духѣ традицій „Эдукаціонной Комиссіи“ и Герцогства Варшавскаго. Благодаря его усиліямъ, въ 1818 г. возникъ варшавскій университетъ и было учреждено много среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Потоцкій велъ неутомимую борьбу съ преобладаніемъ духовенства. Онъ добился, между прочимъ, изданія буллы папы Пія VII (1819), упразднявшей цѣлый рядъ богатѣйшихъ монастырей. Поддерживая масонство, онъ самъ принималъ участіе въ публицистической борьбѣ съ клерикализмомъ и реакціей.

Дѣятельность прогрессивныхъ элементовъ польскаго общества встрѣчала постоянное противодѣйствіе со стороны русскаго правительства, поддерживавшаго польскія реакціонные и клерикальные элементы. Результатомъ этого противодѣйствія было возникновеніе и ши-

рокое развитіе тайныхъ патріотическихъ обществъ и союзовъ, сыгравшихъ очень важную роль въ дальнѣйшей исторіи Царства Польскаго.

Новосильцеву удалось при содѣйствіи высшаго духовенства и аристократіи заставить Потоцкаго подать въ отставку. Его мѣсто занялъ ставленникъ Новосильцева—клерикалъ Грабовскій. Помощникомъ послѣдняго былъ крайній мракобѣсъ Шанявскій, который, въ качествѣ цензора, почти уничтожилъ польскую прогрессивную литературу. Эта троица—Новосильцевъ, Грабовскій и Шанявскій—принялась искоренять всѣ лучшіе элементы въ области школьнаго дѣла. Множество школъ было закрыто, программа остальныхъ была сужена, университетъ и студенты попали подъ полицейскій надзоръ „генеральной кураторіи“, —учрежденія, созданнаго спеціально для борьбы со свободомыслящими профессорами и студентами. Реакція смѣло поднимала голову, преслѣдуя всѣ прогрессивные элементы не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ.

Виленскій университетъ оказывалъ громадное вліяніе на молодежь—особенно съ того времени, когда онъ, благодаря усиліямъ Чарторыйскаго, обогатился рядомъ блестящихъ профессорскихъ силъ. Среди студентовъ виленскаго университета возникли тайные кружки самообразованія и самосовершенствованія, въ которыхъ лучшая часть студенчества подготовлялась къ предстоящей общественной дѣятельности. Новосильцевъ давно уже обратилъ свое вниманіе на виленскій университетъ и только выжидалъ случая, чтобы нанести смертельный ударъ этому очагу просвѣщенія. Вскорѣ такой случай дѣйствительно представился. 12-лѣтній ученикъ виленской гимназіи написалъ на доскѣ, уходя

изъ класса, „да здравствуетъ конституція 3-го мая!“ Преподаватель русскаго языка донесъ объ этомъ губернатору, а тотъ сообщилъ о „преступленіи“ ребенка великому князю Константину Павловичу.

Въ Вильно для разслѣдованія дѣла былъ присланъ Новосильцевъ, который путемъ обысковъ и арестовъ докопался до существованія тайныхъ студенческихъ обществъ. Руководители послѣднихъ Занъ, Мицкевичъ и другіе были арестованы, и виленскій университетъ былъ разгромленъ. Новосильцевъ составилъ рапортъ, въ которомъ университетъ былъ представленъ очагомъ революціонной агитаціи. Въ результатѣ четыре лучшихъ профессора были лишены кафедръ, больше десятка студентовъ подверглись высылкѣ въ Россію, Чарторыйскаго смѣстили, а должность попечителя виленскаго учебнаго округа перешла отъ него къ Новосильцеву. Университетъ былъ обреченъ на вѣрную гибель.

Судьба виленскихъ кружковъ молодежи постигла и тайныя общества въ Царствѣ Польскомъ. Послѣ указа 1821 г., запрещавшаго всякія тайныя общества, полиція напала на слѣдъ одной изъ такихъ организацій и заключила заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ ней въ тюрьму. Слѣдствіе производилось два года, послѣ чего трое изъ обвиняемыхъ были преданы—вопреки конституціи—вполнѣ зависящему отъ Константина Павловича военному суду, который приговорилъ ихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ каторжнымъ работамъ на девять и шесть лѣтъ.

Это насиліе вызвало всеобщее негодованіе. Но оно не было послѣднимъ. Созывъ сейма въ 1825 году сопровождался цѣлымъ рядомъ новыхъ. Главарь оппози-

ціи, Немоевскій, не былъ впущенъ въ Варшаву. Королевскій декретъ уничтожилъ навсегда публичность засѣданій сейма. Чтеніе протоколовъ предыдущихъ засѣданій не было допущено, несмотря на требованіе всего сейма. Бюджетъ не былъ предложенъ сейму, несмотря на то, что правительство обязывалось къ этому конституціей. Газетамъ было запрещено печатать протоколы засѣданій сейма. Однимъ словомъ, наканунѣ смерти Александра I отъ дарованной имъ Царству Польскому конституціи остались одни лоскутья.

Вступленіе на престолъ Николая I ознаменовалось новыми репрессіями. Слѣдствіе по дѣлу русскихъ декабристовъ обнаружило связь послѣднихъ съ польскимъ „Національно-патріотическимъ обществомъ“, что вызвало массу арестовъ среди поляковъ Царства Польскаго, Литвы и Украйны. Когда слѣдствіе по этому дѣлу было окончено, привлеченныхъ къ отвѣтственности отдали — вопреки настояніямъ великаго князя Константина Павловича и Новосильцева — не подъ военный, а подъ сеймовый судъ, какъ этого требовала конституція. Это рѣшеніе административнаго совѣта (исполнительный органъ государственнаго совѣта) было проявленіемъ оппозиціоннаго настроенія министровъ, засѣдавшихъ въ государственномъ совѣтѣ, что вызвало крайнее неудовольствіе великаго князя и Новосильцева. Однако приговоръ сеймоваго суда былъ для нихъ еще большей неожиданностью и не могъ не вызвать ихъ негодованія. Судъ оправдалъ всѣхъ осужденныхъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и приговорилъ ихъ къ 2—3 мѣсяцамъ ареста за участіе въ запрещенныхъ сообществахъ и недонесеніе правительству о заговорахъ, возникшихъ внѣ предѣловъ Царства

Польскаго. Только одинъ изъ подсудимыхъ былъ приговоренъ къ 3-мъ годамъ заключенія.

Этотъ приговоръ былъ встрѣченъ всеобщей радостью. Когда предсѣдатель сеймоваго суда умеръ, населеніе Варшавы устроило на его похоронахъ грандіозную манифестацію. Приговоръ суда не былъ, по приказанію изъ Петербурга, опубликованъ, а судьямъ-сенаторамъ было запрещено покидать Варшаву. Въ концѣ концовъ, спустя полгода, приговоръ былъ обнародованъ, но судъ получилъ выговоръ отъ императора Николая I. Если бы не русско-турецкая война, отвлекшая вниманіе императора отъ Польши, послѣдней пришлось бы пережить новую эпоху гоненій. Однако, внѣшняя политика требовала, чтобы въ Польшѣ не было волненій, и реакціонная антипольская политика правительства не принимаетъ рѣзкихъ формъ.

Николай I прибылъ въ Варшаву на коронацію, присягнулъ конституціи и видимо старался снискать расположеніе поляковъ, говоря повсюду по-польски, выступая въ мундирѣ польскаго полка и т. д. Все это, однако, не производило должнаго впечатлѣнія, и польское общество не обнаруживало и сотой доли того довѣрія, съ которымъ былъ встрѣченъ Александръ I. Вторично Николай I пріѣхалъ въ Варшаву, чтобы открыть сеймъ, который онъ, наконецъ, рѣшилъ созвать въ маѣ 1830 г.

Оппозиціонный духъ сейма усилился, благодаря всѣмъ репрессіямъ и постоянному попиранью конституціи со стороны правительства. Законопроектъ въ клерикальномъ духѣ, касавшійся реформы законовъ о бракѣ и разводѣ, былъ сеймомъ отвергнутъ почти единогласно, несмотря на то, что Николай I заявилъ о своей непреклонной волѣ провести его. На одномъ изъ засѣ-

даній сейма было выставлено требованіе преданія суду министра юстиціи, скрѣпившаго своей подписью незаконный рескриптъ короля относительно неопубликованія приговора сеймоваго суда. Кромѣ того, въ сеймъ подавались многочисленныя петиціи, касающіяся цензуры, ареста депутата Немоевскаго и т. п. беззаконій. Николай I закрылъ сеймъ рѣчью, выражающей неодобреніе его поведенія и покинулъ Варшаву.

Ни для кого въ Польшѣ не подлежало сомнѣнію, что дальнѣйшая зависимость Царства Польскаго отъ Россіи приведетъ къ полному уничтоженію остатковъ постоянно попираемой конституціи и къ превращенію Польши въ простую русскую провинцію, управляемую на тѣхъ же основаніяхъ, что и остальная Россія. Вслѣдствіе этого, желаніе борьбы за независимость стало быстро охватывать польское общество и, прежде всего, конечно, молодежь, особенно военную.

Возникло тайное патріотическое общество, организованное подпоручикомъ Высоцкимъ. Ядромъ этого общества были молодые унтеръ-офицеры, воспитывавшіеся въ основанномъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ военномъ училищѣ. Современемъ къ военному ядру присоединились студенты, литераторы и др. Іюльская революція въ Парижѣ и освобожденіе Бельгіи оказали революціонизирующее вліяніе и на Польшу, въ результатѣ чего 29-го ноября 1829 г. вспыхнуло возстаніе.

Возстаніе, начатое въ Варшавѣ горстью молодежи, очень скоро охватило весь край и превратилось въ регулярную польско-русскую войну, продолжавшуюся почти годъ и закончившуюся побѣдой Россіи. Сеймъ, войско съ военноначальниками, значительное количество

*

политическихъ дѣятелей различныхъ оттѣнковъ и вообще выдающихся личностей эмигрировали, и эмиграція стала на долгое время очагомъ польской умственной и политической жизни, въ то время какъ Польшу всей своей тяжестью придавила николаевская реакція.

Данное въ августѣ 1831 г. обѣщаніе, что Царство Польское будетъ сохранено, не было приведено въ исполненіе. Когда англійская дипломатія утверждала, что сохраненіе конституціи въ Царствѣ Польскомъ является обязанностью русскаго правительства, принятой имъ передъ всей Европой, Нессельроде заявилъ англійскому посланнику, что „Россія не думаетъ о радикальныхъ измѣненіяхъ: она хочетъ только упразднить польское войско и замѣнить сеймъ провинціальнымъ собраніемъ, которое будетъ лучше галиційскаго". Въ 1832 г. Царство Польское получило новую „конституцію" въ видѣ „Органическаго статута", который сохранилъ отъ прежней только самостоятельность правительственныхъ властей въ Царствѣ Польскомъ да кое-какія крохи прежней автономіи. Впрочемъ, всѣ положительныя стороны „Органическаго статута", изданнаго больше для успокоенія общественнаго мнѣнія Европы, остались мертвой буквой. Въ дѣйствительности же правительство неуклонно стремилось къ обезличенію Царства Польскаго, къ лишенію его всякой самостоятельности и къ полной ассимиляціи съ Россіей.

Мало-по-малу всѣ установленныя „Органическимъ статутомъ" учрежденія Царства Польскаго были либо упразднены, либо измѣнены до неузнаваемости. Свобода и неприкосновенность личности и собственности не существовали точно такъ же, какъ и свобода печати. Воеводства были превращены въ губерніи, вѣ-

домство народнаго просвѣщенія, и почта очутились въ полной зависимости отъ центральныхъ властей. Высшіе административные посты были замѣщены русскими генералами. Руссификаціи подверглись и судебныя учрежденія. Введены были русскіе наименованія мѣры и вѣса. Русскимъ сановникамъ раздавались польскія помѣстья участниковъ возстанія и эмигрантовъ. Варшавскій и виленскій университеты точно такъ же, какъ и лицей въ Кременцѣ, были закрыты. Закрывались и среднія учебныя заведенія, куда запрещено было поступать сыновьямъ не-дворянъ и не-чиновниковъ. Начальныя школы пришли въ полный упадокъ. Варшавское „Общество ревнителей наукъ“ было закрыто, а его зданіе конфисковано. Богатая библіотека была вывезена въ Петербургъ. Цензура запрещала не только сочиненія лучшихъ польскихъ писателей,—Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго, Лелевеля, Мохнацкаго,—но даже самое упоминаніе ихъ именъ въ печати, а за чтеніе запрещенныхъ сочиненій ссылали на Кавказъ въ солдаты.

Католицизмъ и унія подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ—особенно въ Литвѣ, гдѣ уніатъ обращали въ православіе съ помощью военныхъ экзекуцій и пытокъ. Изъ Литвы и Украйны Николай I приказалъ выслать 45.000 семействъ польскихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ на Волгу, въ Бессарабію, на Кубань и т. д. Для предупрежденія поѣздокъ молодыхъ людей за границу, лицамъ, не достигшимъ до 25-лѣтняго возраста, не выдавали заграничныхъ паспортовъ, стоившихъ сначала 50, а затѣмъ и 200 рублей въ годъ. Система, направленная къ ухудшенію взаимныхъ отношеній между различными сословіями и группами населенія, примѣнялась въ самыхъ широкихъ раз-

мѣрахъ. Однимъ словомъ, страшный гнетъ—политическій и національный—царствовалъ въ присоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ Польши.

Едва ли не хуже еще было положеніе Галиціи послѣ 1830 г., такъ какъ система бюрократической германизаціи достигла тамъ въ это время апогея своего развитія. Несчастный край былъ эксплоатируемъ самымъ безжалостнымъ образомъ, всякая свободная мысль въ немъ подавлялась въ самомъ зародышѣ. Казалось, что польскій элементъ въ Австріи обреченъ на неминуемую гибель. Сравнительно съ тѣми преслѣдованіями, которымъ подвергались поляки въ Австріи и Россіи, ихъ положеніе въ Пруссіи—далеко не завидное—все-таки было нѣсколько лучше, такъ какъ тамъ можно было въ началѣ сороковыхъ годовъ хоть развивать литературу, науку и публицистическую дѣятельность.

Средоточіемъ польской жизни стала Франція, куда направилось послѣ возстанія 1830 г. большинство польскихъ эмигрантовъ. Во Франціи возникъ рядъ польскихъ политическихъ организацій и органовъ печати различныхъ направленій, сыгравшихъ выдающуюся роль въ жизни польскаго общества всѣхъ трехъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Принятые гостепріимно французскимъ правительствомъ и пользующіеся его поддержкой, польскіе эмигранты имѣли возможность заняться обсужденіемъ причинъ неудачи возстанія. Большинство эмигрантовъ сваливало вину пораженія на руководителей движенія—военачальниковъ, членовъ національнаго правительства и сейма. Первыхъ обвиняли въ неспособности и даже въ предательствѣ, вторыхъ—въ недостаткѣ энергіи, третьихъ, наконецъ, въ сословномъ эгоизмѣ, не позволившемъ имъ путемъ крестьян-

ской реформы привлечь на сторону возстанія народныя массы. Демократическая оппозиція взяла верхъ среди эмигрантовъ, и «Національный Комитетъ», руководимый знаменитымъ историкомъ Лелевелемъ, сталъ организаціей, вліяніе которой распространилось на большую часть эмигрантовъ.

«Національный Комитетъ» рѣшилъ подготовлять новое возстаніе за независимость Польши, причемъ онъ разсчитывалъ на поддержку не правительствъ Европы, а народовъ, къ которымъ онъ обращался съ воззваніями, выясняющими, что Польша борется не только за свои личные интересы, но и за интересы всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Подъ эгидой „Національнаго Комитета“ было организовано партизанское предпріятіе Заливскаго. Заливскій возлагалъ свои надежды на помощь народныхъ массъ, которыя-де должны поднять знамя бунта и присоединиться къ организаторамъ возстанія, если послѣдніе выступятъ въ защиту экономическихъ интересовъ крестьянства. Нѣсколько сотъ эмигрантовъ, проникнувъ въ Польшу и Литву, пытались въ 1833 г. вызвать народное возстаніе, но эта попытка окончилась полной неудачей. Организаторы партизанскаго предпріятія Заливскаго, попавшіеся въ руки Россіи, были казнены, тѣ же, которымъ удалось скрыться на австрійскую территорію, поплатились свободой и были заключены въ крѣпость Куфштейнъ.

Однако, однимъ этимъ результаты предпріятія Заливскаго не исчерпывались. Такъ какъ одновременно съ отправленіемъ единомышленниковъ Заливскаго въ Польшу нѣсколько сотъ польскихъ эмигрантовъ приняло участіе въ междоусобной борьбѣ аристократической и демократической партіи въ кантонѣ Базель и намѣре-

валось идти на помощь возставшимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ демократамъ, то русскому правительству не трудно было убѣдить всю европейскую реакцію въ необходимости общей борьбы съ польской революціей. Въ сентябрѣ 1833 г. состоялся въ Богеміи съѣздъ Николая I съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ. На этомъ съѣздѣ рѣшено было, что три правительства, принимавшія участіе въ раздѣлахъ Польши, будутъ дѣйствовать сообща и помогать другъ другу при подавленіи польскихъ революціонныхъ происковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ краковская республика, дававшая пріютъ польскимъ эмигрантамъ, лишилась фактически своей свободы. Представители трехъ сосѣднихъ государствъ, поселившіеся въ Краковѣ, выработали для нея новую конституцію, передававшую въ ихъ руки всю власть вольнаго города.

Между тѣмъ среди эмигрантовъ во Франціи шелъ процессъ дальнѣйшей дифференціаціи. Въ 1832 г. возникло „Демократическое общество“, сгруппировавшее вокругъ своего знамени самые радикальные элементы эмиграціи, связывающіе судьбу Польши съ коренными преобразованіями соціальнаго строя. Члены „Демократическаго общества“, настроенные крайне враждебно по отношенію къ дворянамъ-землевладѣльцамъ, вели ожесточенную публицистическую борьбу съ консервативными писателями и органами. „Демократическое общество“ стремилось къ возстановленію Польши путемъ всенароднаго возстанія, причемъ въ освобожденной Польшѣ земля должна была бы перейти въ собственность обрабатывающихъ ее. Среди членовъ „Демократическаго общества“, кромѣ крайнихъ демократовъ, было не мало

и соціалистовъ, выдѣлившихся впослѣдствіи въ самостоятельную организацію.

Количество членовъ „Демократическаго общества“ росло очень быстро. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло и его вліяніе, распространяемое во всѣхъ провинціяхъ прежней Польши путемъ тайно ввозимой туда (обыкновенно при помощи эмиссаровъ) эмиграціонной литературы. Въ Познани было основано филіальное отдѣленіе „Демократическаго общества“ въ видѣ „Познанскаго центральнаго комитета“, использовавшаго для своихъ цѣлей сравнительную свободу, господствовавшую въ то время въ прусской Польшѣ.

Консервативная партія, боровшаяся съ соціальнымъ радикализмомъ и антиклерикальными тенденціями „Демократическаго общества“, стремилась къ возстановленію Польши путемъ дипломатическаго воздѣйствія на правительства Франціи, Англіи, Турціи и Папской области. Стоявшій во главѣ консерваторовъ кн. Адамъ Чарторыйскій былъ признанъ этими правительствами законнымъ представителемъ Польши, и отъ него они получали сообщенія о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Во дворцѣ Чарторыйскаго, Hôtel Lambert, было организовано дипломатическое бюро, имѣвшее своихъ агентовъ при европейскихъ дворахъ. Въ рукахъ консерваторовъ находился цѣлый рядъ очень важныхъ учрежденій литературно-научнаго и филантропическаго характера, школъ, органовъ печати. Однако, все это не давало имъ перевѣса надъ демократами, имѣвшими гораздо большее вліяніе какъ среди эмигрантовъ, такъ и въ самой Польшѣ.

Къ „Демократическому обществу“ примкнули самые энергичные и преданные идеѣ свободы люди, не от-

ступавшіе ни передъ какими жертвами, если только дѣло касалось интересовъ Польши и демократіи. Исполнительный органъ „Демократическаго общества“ подготовлялъ путемъ энергичной пропаганды новое возстаніе, долженствовавшее вспыхнуть въ 1846 г., одновременно во всѣхъ трехъ частяхъ Польши. Планъ возстанія былъ выработанъ генераломъ Мѣрославскимъ, который въ концѣ 1845 г. пріѣхалъ въ Познань, чтобы тамъ заняться организаціей этого предпріятія.

Когда всѣ приготовленія къ началу возстанія уже были готовы и организація должна была приступить къ осуществленію плана, выработаннаго Мѣрославскимъ, послѣдняго совершенно неожиданно арестовали вмѣстѣ со всѣмъ его штабомъ прусскія власти. Австрія, увѣдомленная о грозящей ей опасности, поспѣшила занять своими войсками Краковъ, который долженъ былъ стать мѣстопребываніемъ революціоннаго правительства. Распоряженіе революціонныхъ властей объ отсрочкѣ возстанія не дошло во-время ко всѣмъ организаціямъ, и возстаніе, дѣйствительно, вспыхнуло, но только въ одномъ Краковѣ и въ Западной Галиціи. Оно, конечно, было скоро подавлено, причемъ австрійское правительство натравило крестьянъ тарновскаго округа на помѣщиковъ. Крестьяне, предводимые переодѣтыми австрійскими чиновниками, перерѣзали больше 2000 человѣкъ, не щадя ни пола, ни возраста. Кое-гдѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Галиціи были организованы подобные же погромы, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

Результатомъ неудачной вспышки 1846 г. было, съ одной стороны, присоединеніе краковской республики къ Австріи, а съ другой—новыя репрессаліи, постигнувшія польскій элементъ и въ Пруссіи, и въ Австріи, и

въ Россіи. Казни, заключенія въ крѣпостяхъ и высылки въ Сибирь покрыли всю Польшу трауромъ, такъ какъ мало было семействъ, которыхъ бы не коснулись эти преслѣдованія.

Всѣ эти преслѣдованія не могли, однако, убить стремленій польскаго общества къ возстановленію государственной независимости Польши. Революція 1848 г. въ Берлинѣ вызвала возстаніе въ Познани. Торжество революціи въ Пруссіи оживило надежды поляковъ, не сомнѣвавшихся, что Фридрихъ-Вильгельмъ объявитъ войну Россіи. Этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться, точно такъ же, какъ и надеждамъ, связаннымъ съ судьбой венгерскаго національнаго возстанія, въ которомъ поляки принимали самое дѣятельное участіе, или съ помощью Турціи, готовившейся къ войнѣ съ Россіей. Ни познанское возстаніе, ни революціонныя вспышки въ Краковѣ и во Львовѣ, аналогичныя движеніямъ въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, не сопровождались ничѣмъ подобнымъ въ русской части Польши, изнывавшей въ тискахъ николаевской реакціи. Попытки „Демократическаго Общества“ вызвать возстаніе въ Царствѣ Польскомъ въ 1853 г. точно также не увѣнчались успѣхомъ. Національное возстаніе начинало казаться чѣмъ-то несбыточнымъ.

V.

Смерть Николая I, послѣдовавшая въ 1855 г., оживила надежды поляковъ на измѣненіе режима въ Царствѣ Польскомъ. Александра II, пріѣхавшаго въ 1856 г.

въ Варшаву, населеніе послѣдней приняло съ искреннимъ радушіемъ, ожидая отъ него послабленій и льготъ для польскаго элемента. Однако это настроеніе круто измѣнилось послѣ того, какъ стало ясно, что система Николая I будетъ сохранена. Историческія слова императора Александра II „Point de réveries, messieurs!“, сказанныя имъ польской депутаціи, произвели угнетающее впечатлѣніе и убили въ зародышѣ всѣ надежды на лучшее будущее.

И дѣйствительно, антипольскій режимъ продолжалъ существовать, хотя антипольскія мѣры и не примѣнялись съ прежней строгостью. Либеральныя вѣянія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ отразились и въ Польшѣ—не въ системѣ управленія, а въ мелкихъ уступкахъ требованіямъ польской культурной жизни. Въ Варшавѣ возникла медико-хирургическая академія. Удалось выхлопотать позволеніе учредить земледѣльческое общество. Цензура сняла запретъ съ нѣкоторыхъ сочиненій Мицкевича. Кое-кому изъ эмигрантовъ и сосланныхъ въ Сибирь было позволено вернуться.

Этихъ, самихъ по себѣ мелкихъ, отступленій отъ господствующей системы, было достаточно для того, чтобы польское общество оживилось, чтобы въ немъ исчезло прежнее уныніе. Въ медико-хирургическую академію хлынули толпы молодежи, и такимъ образомъ это спеціальное учебное заведеніе стало центромъ, оказывавшимъ громадное вліяніе на все молодое поколѣніе. Еще большее значеніе получило „Земледѣльческое общество“, въ которомъ сосредоточилась вся интеллигенція, жаждущая общественной дѣятельности. Такъ какъ „Земледѣльческое общество“ получило возможность обсуждать вопросы, связанные съ предстоя-

щей крестьянской реформой, то его засѣданія стали привлекать вниманіе всей Польши. Эмигранты и ссыльные, вернувшіеся на родину, въ очень сильной степени содѣйствовали оживленію общественной жизни. Однимъ словомъ, отъ прежняго застоя не осталось и слѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и недовольство существующимъ режимомъ, порождающее желаніе новой борьбы.

Антиправительственное настроеніе очень быстро охватывало все польское общество. 11-го іюня 1860 г. произошла импозантная манифестація на похоронахъ вдовы одного изъ польскихъ революціонныхъ генераловъ, послѣ чего громадная толпа демонстративно почтила память возстанцевъ, павшихъ при защитѣ Варшавы на окопахъ Воли въ 1831 г. Въ октябрѣ 1860 г. демонстраціи возобновились. Тріумфальная арка, выстроенная для встрѣчи императора Александра II, который пріѣхалъ въ Варшаву, была сожжена. Императора австрійскаго, Франца Іосифа, толпа приняла кликами“: Vive Solferino et Magenta“. Въ годовщину возстанія 1830 г. Варшава опять была свидѣтельницей манифестацій. Въ костелахъ и на улицахъ раздавались національно-религіозные гимны. Всеобщее возбужденіе охватывало все болѣе и болѣе широкія сферы. Какое-то экстатическое желаніе мученическихъ подвиговъ и жертвъ овладѣвало обществомъ.

25-го февраля 1861 г. манифестанты были разогнаны казаками и жандармами, а два дня спустя генералъ Заболоцкій приказалъ стрѣлять по мирно двигавшейся по улицамъ Варшавы процессіи. Пять труповъ осталось на мѣстѣ. Эта звѣрская расправа съ безоружной толпой, пѣвшей религіозные гимны и несшей кресты

и церковныя хоругви, вызвала взрывъ негодованія. Къ намѣстнику Горчакову отправилась депутація, которая требовала удовлетворенія. Горчаковъ устранилъ всѣмъ ненавистнаго оберъ-полицеймейстера Трепова, согласился на торжественныя похороны убитыхъ и обязался принять и представить императору адресъ, составленный комитетомъ „Земледѣльческаго общества". Намѣстникъ сожалѣлъ о случившемся и заявилъ, что расправа съ манифестантами произошла помимо его воли и безъ его приказаній.

Адресъ былъ посланъ въ Петербургъ, а въ Варшавѣ была устроена грандіозная демонстрація на похоронахъ пяти убитыхъ 27-го февраля. 100.000 человѣкъ приняло участіе въ этой демонстраціи, прошедшей въ образцовомъ порядкѣ. Образовавшаяся въ эпоху демонстрацій делегація гражданъ, организовавшая депутацію къ Горчакову, была признана имъ легальнымъ представительствомъ жителей Варшавы. Она устраивала свои засѣданія въ ратушѣ и сносилась непосредственно съ намѣстникомъ, пользовавшимся ея указаніями. Хотя отвѣтъ на адресъ „Земледѣльческаго общества", полученный изъ Петербурга, и не давалъ предлога думать, что режимъ, господствующій въ Польшѣ, подвергнется измѣненіямъ, однако центральное правительство было сильно обезпокоено событіями въ Польшѣ и подъ давленіемъ Горчакова, понимавшаго серьезность положенія, рѣшило принять мѣры, которыя бы успокоили польское общество.

Горчаковъ, видя, что нѣкоторое успокоеніе можетъ внести только рѣшительный поворотъ отъ николаевскихъ традицій къ болѣе справедливому отношенію къ національнымъ нуждамъ поляковъ, поспѣшилъ уволить

ненавистнаго полякамъ директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ и попечителя варшавскаго учебнаго округа Муханова—человѣка, во многихъ отношеніяхъ напоминавшаго Новосильцева. Вмѣстѣ съ тѣмъ Горчаковъ далъ себя убѣдить, что объ успокоеніи края нечего и думать, пока школьнымъ дѣломъ и дѣломъ римско-католическаго духовенства будетъ завѣдывать русскій и православный, и пока упраздненная въ 1832 г. комиссія вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія не будетъ возстановлена. Единственнымъ подходящимъ кандидатомъ на должность директора послѣдняго учрежденія Горчаковъ считалъ маркиза Александра Велiопольскаго, человѣка, видѣвшаго въ единеніи Польши съ Россіей единственную гарантію полнаго національнаго развитія первой, одареннаго непреклонной волей, большимъ умомъ и недюжинными способностями, хотя и очень непопулярнаго среди поляковъ. Вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Горчакова, 26-го марта 1861 г. появился указъ, допускающій рядъ реформъ въ политической организаціи Царства Польскаго.

Указомъ 26-го марта учреждался государственный совѣтъ изъ видныхъ представителей польскаго общества для разсмотрѣнія нуждъ страны, просьбъ и жалобъ ея населенія. Рядомъ съ этимъ центральнымъ учрежденіемъ вводились органы мѣстнаго самоуправленія—губернскіе, уѣздные и городскіе совѣты. Комиссія вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія возстановлялась, и ея директоромъ назначался маркизъ Велiопольскій, который приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей на слѣдующій день послѣ обнародованія указа.

На долю Велiопольскаго выпала въ высшей сте-

пени важная и отвѣтственная роль. Онъ въ сущности являлся вершителемъ судьбы польскаго населенія, и отъ его тактики зависѣлъ дальнѣйшій ходъ событій въ Царствѣ Польскомъ. Къ сожалѣнію, личныя качества маркиза—его высокомѣріе, заносчивость, деспотизмъ и безтактность—съ одной стороны лишили его довѣрія общества, а съ другой—создавали ему множество враговъ въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ.

Веліопольскій счелъ возможнымъ стремиться къ полной автономіи Царства Польскаго, не выходя изъ рамокъ указа 26-го марта 1861 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ подавлять силой всякія манифестаціи. Своимъ высокомѣріемъ онъ возстановилъ противъ себя католическое духовенство, а распущеніемъ „Земледѣльческаго общества“, далекаго отъ всякихъ манифестацій, онъ превратилъ въ своихъ враговъ всѣ умѣренные элементы края. Населеніе Варшавы отвѣтило на распущеніе „Земледѣльческаго общества“ уличной демонстраціей. Веліопольскій склонилъ Горчакова издать распоряженіе, на основаніи котораго противъ толпы, не желающей разсѣяться послѣ трехкратнаго приглашенія полиціи, должна быть употреблена вооруженная сила. На другой же день Варшава была свидѣтельницей ужасныхъ сценъ, такъ какъ распоряженіе, о существованіи котораго громадное большинство жителей Варшавы еще ничего не знало, было приведено въ исполненіе съ рѣдкой жестокостью. Въ результатѣ было много убитыхъ и нѣсколько сотъ раненыхъ. Дѣло Веліопольскаго было проиграно въ общественномъ мнѣніи Польши. Отъ него отшатнулись всѣ, но онъ остался на своемъ посту, занялъ кромѣ того постъ подавшаго въ отставку

директора комиссіи юстиціи Воловскаго и приступилъ къ преобразованіямъ организаціи Царства Польскаго.

Онъ осуществилъ полное равноправіе евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, замѣнилъ барщину постепенно вводимымъ чиншемъ, организовалъ на новыхъ, вполнѣ современныхъ и прогрессивныхъ началахъ школьное дѣло, начиная съ элементарныхъ училищъ и кончая университетомъ (т. н. главной школой) въ Варшавѣ. Однако все это принималось польскимъ обществомъ съ недовѣріемъ. Общество отказывало Веліопольскому въ содѣйствіи, поляки, имѣвшіе возможность ему помочь, не хотѣли занимать предлагаемыхъ имъ Веліопольскимъ постовъ и, такимъ образомъ, Веліопольскій, не находя почвы въ собственномъ обществѣ, сталъ относиться къ его вліятельнѣйшимъ представителямъ съ затаенной ненавистью, началъ преслѣдовать выступавшихъ противъ него публицистовъ, запрещать галиційскія газеты и т. д. Когда же со сцены сошелъ Горчаковъ, умершій въ маѣ 1861 г., Веліопольскій лишился поддержки и въ намѣстничествѣ.

Новый намѣстникъ Сухозанетъ склонялся къ николаевскому режиму, а смѣнившій его Ламбертъ сопротивлялся Веліопольскому, поскольку тотъ предлагалъ какія нибудь репрессивныя мѣры, вслѣдствіе чего уличныя манифестаціи опять стали повторяться съ постоянно возраставшей силой. Перепуганный этимъ, Ламбертъ рѣшилъ подавить манифестаціонное движеніе силой. Войско ворвалось въ костелы, куда скрывались демонстранты, вслѣдствіе чего администраторъ варшавской архіепархіи приказалъ закрыть всѣ костелы и не открывать ихъ до тѣхъ поръ, пока правительство не дастъ гарантіи ихъ неприкосновенности. Были произведены

массовые аресты въ различныхъ сферахъ общества. Въ концѣ концовъ Ламбертъ захворалъ, покинулъ свой постъ, занятый вторично Сухозанетомъ, котораго вскорѣ замѣнилъ Людерсъ, Веліопольскій же былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ онъ доказывалъ Александру II настоятельную необходимость дальнѣйшихъ уступокъ полякамъ.

Между тѣмъ Людерсъ принялся за усмиреніе Царства Польскаго террористическими мѣрами, что не только не успокоило общества, но еще больше усилило его оппозицію и содѣйствовало развитію тайныхъ кружковъ, стремившихся къ организаціи вооруженнаго возстанія. Подготовленіемъ возстанія руководилъ „Центральный національный комитетъ“ красныхъ (революціонеровъ и крайнихъ демократовъ), завязавшій сношенія съ эмигрантами, которые организовали спеціальную польскую военную школу въ Италіи. На цѣли возстанія собирались деньги. Шла поспѣшная заготовка оружія. Петербургское правительство, перепуганное всѣмъ этимъ, рѣшило послѣдовать совѣту Веліопольскаго и радикально преобразовать управленіе Царства Польскаго.

Намѣстникомъ былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Подъ его руководствомъ военное управленіе должно было находиться въ рукахъ главнокомандующаго войсками, барона Рамсая, гражданское же всецѣло переходило въ руки Веліопольскаго, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ правительственныя комиссіи: вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и доходовъ и финансовъ. Спеціальнымъ указомъ онъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя государственнаго совѣта Царства Поль-

скаго или, иными словами, помощникомъ намѣстника.

Эта реформа, при условіи проведенія ея въ жизнь за полгода раньше, по всей вѣроятности могла бы еще предотвратить возстаніе. Однако петербургское правительство спохватилось слишкомъ поздно, да и личность Веліопольскаго, занявшаго такой высокій постъ въ краѣ, гдѣ онъ не пользовался ни симпатіей, ни вліяніемъ, могла скорѣе дѣйствовать провоцирующимъ нежели успокоительнымъ образомъ.

Въ іюнѣ 1862 г. Веліопольскій возвратился въ Варшаву, и въ томъ же мѣсяцѣ начался рядъ террористическихъ актовъ, организованныхъ революціонерами. Были совершены покушенія на Лидерса, на Константина Николаевича и — два раза — на Веліопольскаго. Покушенія были неудачны; совершившихъ ихъ рабочихъ повѣсили, но это нисколько не повліяло на замедленіе дѣйствій „красныхъ“, подготовлявшихъ возстаніе.

Веліопольскій очутился въ безвыходномъ положеніи. Дворянская партія („бѣлые“), руководимая Замойскимъ и состоящая изъ элементовъ, могущихъ поддержать маркиза, совершенно отказывала ему въ поддержкѣ. „Бѣлые“ требовали соединенія въ одно автономное цѣлое всѣхъ присоединенныхъ къ Россіи провинцій бывшей Рѣчи Посполитой, съ чѣмъ Веліопольскій, стоявшій на почвѣ конституціи 1815 г., принципіально не соглашался. Однимъ словомъ, маркизу не на комъ было опереться въ Царствѣ Польскомъ, вслѣдствіе чего онъ опять прибѣгнулъ къ репрессіямъ, рѣшивъ переловить „красныхъ“, которые покрыли сѣтью своей организаціи всѣ земли бывшей Рѣчи Посполитой, создали

свое тайное правительство, располагали тайнымъ органомъ печати и вообще представляли серьезную силу.

Великопольскій выхлопоталъ въ Петербургѣ изданіе указа, по которому въ Царствѣ Польскомъ долженъ былъ послѣдовать усиленный рекрутскій наборъ не по жребію, а по именнымъ спискамъ. Въ эти списки была внесена вся молодежь въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, причемъ помѣщики и крестьяне земледѣльцы освобождались отъ исполненія воинской повинности, такъ что жертвою этого усиленнаго набора становилась именно та молодежь, которая неминуемо вошла бы въ революціонные отряды. Узнавъ объ этомъ планѣ, революціонное національное правительство предупредило его исполненіе, сконцентрировавъ молодежь, принадлежавшую къ революціонной организаціи, въ лѣсахъ. Планъ Великопольскаго не удался, но его прямымъ слѣдствіемъ было то, что подготовляемое „красными“ возстаніе вспыхнуло гораздо раньше, чѣмъ это предполагали его организаторы.

22-го января 1863 г. „Временное національное правительство“ обнародовало манифестъ, объявляющій прекращеніе барщины и всякихъ обязательствъ крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ и надѣленіе крестьянъ землей. Въ ночь съ 22-го на 23 января произошли первыя стычки возстанцевъ съ русскими войсками. „Бѣлые“ присоединились къ организаторамъ возстанія, и такимъ образомъ оно получило общенаціональный характеръ. Хотя силы революціонеровъ въ 1863 г. были сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ располагало возстаніе 1830 г., совершенно ничтожны, однако борьба была очень упорна и продолжалась гораздо дольше. Въ концѣ концовъ силы возставшихъ были сломлены, вмѣшатель-

ство державъ, на которое они разсчитывали, ограничилось однѣми дипломатическими нотами—и Польша вмѣстѣ съ Литвой очутились въ полной власти усмирителей—гр. Берга въ Варшавѣ и Муравьева-Вѣшателя въ Вильнѣ. Николаевскій режимъ былъ возстановленъ во всемъ его объемѣ, послѣ чего начались преслѣдованія, направленныя къ полному искорененію польскаго элемента внѣ Царства Польскаго и подготовленію почвы для такой же политики въ предѣлахъ послѣдняго.

Въ Литвѣ и въ правобережной Украйнѣ польскій элементъ былъ признанъ подлежащимъ уничтоженію путемъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ, изъ которыхъ главныя состояли въ запрещеніи говорить попольски во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ,—въ ресторанахъ, театрахъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и т. д.,—печатать что бы то ни было на польскомъ языкѣ, обучать польскому языку даже частнымъ образомъ и т. д. Полякамъ и „лицамъ польскаго происхожденія“ было запрещено покупать землю и поступать на государственную службу. Католицизмъ въ качествѣ польскаго вѣроисповѣданія подвергся самымъ строгимъ преслѣдованіямъ, причемъ дѣлались попытки ввести русскій языкъ въ католическіе костелы.

Въ Царствѣ Польскомъ направленіе правительственной политики было совершенно такое же, но здѣсь трудно было прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя были осуществлены въ Литвѣ. Поэтому систематическая руссификація проводилась въ Царствѣ Польскомъ исподволь. Постепенно была уничтожена польская школа, которую замѣнила русская—съ университета до начальныхъ сельскихъ училищъ. Польскій языкъ былъ вы-

тѣсняемъ изъ судопроизводства и администраціи по мѣрѣ того какъ поляки замѣнялись пріѣзжими русскими чиновниками. Католицизмъ подвергся различнымъ стѣсненіямъ, а уніаты были насильственно возсоединены съ православіемъ. Всѣ отличительныя черты организаціи Царства Польскаго были уничтожены и въ то же время тѣ органы самоуправленія, которые существовали въ Россіи, въ Польшѣ не вводились (земство, городское самоуправленіе, судъ присяжныхъ). Намѣстникъ замѣняется генералъ-губернаторомъ, отъ котораго вполнѣ зависитъ судьба управляемаго имъ края. Общественная самодѣятельность поляковъ подвергается неслыханнымъ стѣсненіямъ, цензура убиваетъ печать и литературу, всякое проявленіе польской національной идеи преслѣдуется строжайшимъ образомъ.

Въ то самое время, когда польскій элементъ въ Россіи подвергался такимъ гоненіямъ, въ прусской Польшѣ восторжествовала система германизаціи, направленной къ искорененію поляковъ въ Познани и Западной Пруссіи. Высылка 30.000 поляковъ изъ предѣловъ Пруссіи, учрежденіе „Колонизаціонной комиссіи“ для выкупа польской земли и передачи ея нѣмецкимъ колонистамъ, фактическое запрещеніе полякамъ пользоваться конституціей въ области ихъ національной жизни,—все это создало въ Пруссіи страшно тягостныя для поляковъ условія. Только въ Галиціи, гдѣ нѣкогда поляки подвергались самымъ свирѣпымъ преслѣдованіямъ, положеніе дѣлъ измѣнилось кореннымъ образомъ. Галиція получила въ 1867 г., автономію—правда, въ высшей степени недостаточную, однако дающую возможность свободно развивать національную жизнь. И Галиція является съ этого времени единственнымъ оча-

гомъ польской науки, свободнаго развитія литературы, публицистики, убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ, кто былъ лишенъ возможности работать въ предѣлахъ двухъ другихъ частей Польши. Значеніе Галиціи въ этомъ отношеніи постоянно возрастаетъ, что даетъ себя чувствовать не только полякамъ въ Россіи и Пруссіи, но и правительствамъ послѣднихъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Переворотъ въ экономической жизни Царства Польскаго.—Развитіе фабричной и заводской промышленности.—Индустріализація края, какъ политическій лозунгъ. — Роль заграничныхъ капиталовъ въ развитіи польской промышленности.—Покровительство Герцогства Варшавскаго и автономнаго Царства Польскаго иностраннымъ ремесленникамъ и фабрикантамъ.—Лодзь.—Пабьяницы.—Заверце.—Сосновицы.— Ченстоховъ.—Иностранные капиталы въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности. — Жирардовъ.—Горное дѣло и металлургія.—Домбровско-сосновицкій районъ.—Механическіе заводы.—Дѣятельность Польскаго банка. — Уничтоженіе таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и Имперіей.—Таможенная политика Россіи и ея вліяніе на промышленность Царства Польскаго —Завоеваніе восточныхъ рынковъ.—Царство Польское, какъ рынокъ сбыта русской промышленности.—Развитіе путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ.—Варшавско-Вѣнская ж. д.—Водные пути сообщенія. — Ростъ количества фабричныхъ рабочихъ.—Пролетаризація ремесленниковъ.—Иммиграція въ города сельскаго населенія.—Ростъ населенія Царства Польскаго.—Варшава.—Лодзь.—Ростъ городовъ.—Развитіе фабрично-заводской промышленности.—Увеличеніе количества ремесленниковъ. — Взаимоотношеніе городского и сельскаго населенія Ц. П.— Измѣненія въ области поземельныхъ отношеній. — Распредѣленіе крестьянской собственности.—Характеристика различныхъ категорій мелкой собственности.—Безземельный пролетаріатъ.—Эмиграція.

I.

Едва ли найдется въ Европѣ другой край, въ которомъ всѣ устои жизни подверглись бы такимъ кореннымъ измѣненіямъ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ. Политической катастрофѣ,

какой была неудача возстанія 1863 г., соотвѣтствуетъ экономическій переворотъ, пережитый краемъ подъ вліяніемъ совокупности условій, привелшихъ къ полному торжеству капитализма, захватившаго всѣ силы страны и наложившаго свою печать на всѣ проявленія ея жизни.

Основнымъ моментомъ въ экономической эволюціи Царства Польскаго является колоссальное развитіе заводской и фабричной промышленности послѣ 1870 года. Чтобы понять причины и оцѣнить значеніе этого момента, слѣдуетъ познакомиться ближе съ судьбой промышленности Царства Польскаго съ самаго ея возникновенія.

Въ первой части нашей книги мы говорили о попыткахъ отдѣльныхъ личностей изъ среды польской знати насадить въ различныхъ провинціяхъ Рѣчи Посполитой фабричную промышленность. Эти, довольно многочисленныя, попытки въ большинствѣ случаевъ не увѣнчались успѣхомъ, и правительству Герцогства Варшавскаго, а затѣмъ автономнаго Царства Польскаго пришлось почти все въ этой области начинать сызнова. Польское общество, начиная съ конца XVIII ст., всегда было убѣждено, что политическое возрожденіе края неразрывно связано съ его экономическимъ развитіемъ. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что послѣ каждой катастрофы, постигавшей Польшу, всѣ болѣе прозорливые и дальновидные умы были озабочены развитіемъ промышленности. Во время существованія Герцогства Варшавскаго и автономнаго Царства Польскаго рядомъ съ пропагандой идеи необходимости способствовать развитію промышленности идутъ практическія мѣры осуществленія этой идеи. Послѣ 1830 г. „Польскій банкъ“

является могучимъ факторомъ индустріализаціи Царства Польскаго, считавшейся тогдашнимъ польскимъ обществомъ одной изъ самыхъ важныхъ задачъ національной политики. Послѣ 1864 г. идея „органическаго труда“, сводящаяся въ своемъ осуществленіи къ насажденію капитализма, была господствующей идеей передовыхъ слоевъ польскаго общества.

Въ развитіи польской промышленности рѣшающую роль сыграли заграничные капиталы. Герцогство Варшавское, озабоченное привлеченіемъ въ Польшу заграничныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, давало имъ различныя льготы и привилегіи. Они освобождались отъ воинской повинности, получали землю, не платили пошлинъ за привозимое изъ-за границы имущество и т. д. Законодательство автономнаго Царства Польскаго освобождало всѣхъ поселившихся въ Польшѣ иностранныхъ ремесленниковъ отъ всякихъ налоговъ и повинностей въ теченіе 6 лѣтъ. Отъ военной службы освобождались не только сами пришельцы, но и ихъ сыновья. Они пользовались спеціальной опекой властей, казенными субсидіями и т. п. Значительное количество городовъ, принадлежавшихъ казнѣ Царства Польскаго, было превращено въ фабричные посады, пользовавшіеся спеціальными привилегіями. Въ городахъ, предназначенныхъ для фабрикъ и заводовъ, иностранцамъ отводились площади для постройки промышленныхъ заведеній, причемъ строительный матеріалъ выдавался имъ даромъ. Въ бюджетѣ автономнаго Царства Польскаго находились постоянно увеличиваемыя суммы для выдачи изъ нихъ ссудъ иностраннымъ ремесленникамъ, поселяющимся въ Польшѣ.

Въ результатѣ болѣе 10.000 семействъ ремеслен-

никовъ переселилось въ Польшу, вслѣдствіе чего ничтожныя села и мѣстечки стали превращаться въ крупные очаги мануфактурнаго производства. Въ іюнѣ 1823 г. въ Лодзи не было еще ни одного промышленнаго предпріятія, ни одного заграничнаго ремесленника, а въ сентябрѣ того же года въ ней уже работаетъ рядъ суконныхъ мастерскихъ, основанныхъ выходцами изъ Силезіи. Въ слѣдующемъ году въ Лодзи появляется хлопчатобумажная мануфактура, обязанная своимъ возникновеніемъ переселенцамъ изъ Силезіи и Богеміи. Рядомъ съ Лодзью возникаютъ другіе промышленные центры: Згержъ, Пабьяницы, Томашовъ, Озорковъ, Здуньска Воля, и вездѣ мы видимъ семьи нѣмецкихъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, привлеченныхъ благопріятными условіями, гарантируемыми имъ правительствомъ Царства Польскаго.

Правительство Царства Польскаго отправило заграницу спеціальнаго агитатора, который посѣтилъ главные центры фабричной промышленности Богеміи, Саксоніи и Пруссіи для ознакомленія тамошнихъ фабрикантовъ съ льготами и привилегіями, даваемыми переселенцамъ въ Польшѣ. Цѣль этой агитаціи состояла въ томъ, чтобы рядомъ съ предпріимчивыми ремесленниками привлечь въ Польшу и богатыхъ фабрикантовъ, что и удалось осуществить. Среди фабрикантовъ, переселившихся въ Польшу, находился и Людовигъ Гейеръ изъ Циттау въ Саксоніи, основавшій первую крупную бумагопрядильню въ Лодзи и положившій тамъ основаніе машинному производству въ хлопчатобумажной промышленности. Въ самомъ концѣ 40 гг. въ Лодзи уже существовало нѣсколько крупныхъ фабрикъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, основанныхъ иностранцами.

Новый толчокъ развитію хлопчатобумажной промышленности Лодзи и лодзинскаго округа былъ данъ въ тридцатыхъ годахъ Карломъ Шейблеромъ, основавшимъ бумагопрядильню съ 18.000 веретенъ и ткацкую мастерскую со 100 станками. Въ 1869 г. число веретенъ въ бумагопрядильнѣ Шейблера доходило уже до 40.000, а количество ткацкихъ станковъ учетверилось. Въ 1885 г. первыхъ было 232.000, а вторыхъ 3600.

Быстрый ростъ предпріятій Шейблера повліялъ на возникновеніе цѣлаго ряда другихъ промышленныхъ предпріятій какъ въ Лодзи, такъ и въ ближайшихъ ея окрестностяхъ. Предпріятіе Шейблера стало школой, изъ которой выходило молодое поколѣніе фабрикантовъ. Мастера и администраторы отдѣльныхъ частей фабрикъ Шейблера—тоже иностранцы—основывали собственныя промышленныя заведенія. Такъ возникли громадныя промышленныя предпріятія І. Познанскаго, Гейнцеля, Куницера и др.

Исторія развитія промышленности Пабьяницъ аналогична. Роль Шейблера въ нихъ сыгралъ саксонскій выходецъ Круше. Вошедшій въ компанію съ нимъ другой нѣмецъ—Эндеръ—превратилъ его мануфактуру въ фабрику дешевыхъ ситцевыхъ издѣлій, разсчитанныхъ на самый широкій сбытъ. Слѣдствіемъ этого было завоеваніе новыхъ рынковъ, что заставило цѣлый рядъ фабрикантовъ послѣдовать примѣру Круше и Эндера. Возникаютъ новыя фабрики, основанныя иностранцами.

Хлопчатобумажная промышленность сосредоточилась въ Лодзи и въ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ не потому, что естественныя условія послѣднихъ способствовали развитію промышленности. Какъ разъ наоборотъ,—лодзинскій округъ, лишенный воды, отрѣзанный

отъ главныхъ путей сообщенія, былъ самой неподходящей для развитія промышленности частью края. Однако у заграничныхъ переселенцевъ не было выбора. Они поселились тамъ, гдѣ этого желали мѣстныя власти, и преодолѣвали неблагопріятныя естественныя условія своей предпріимчивостью. Съ теченіемъ времени, когда заграничные капиталы начали стекаться въ Польшу уже не въ надеждѣ на всякія льготы и поощреніе мѣстныхъ властей, а единственно потому, что это представлялось выгоднымъ и безъ поддержки правительства, иностранные фабриканты и капиталисты создаютъ новые очаги промышленности.

Въ 1873 г. прусскіе подданные, братья Гинзберги, основываютъ громадную бумагопрядильню въ деревнѣ Заверце при одной изъ станцій Варшавско-Вѣнской ж. д. недалеко отъ австрійской и прусской границъ. Мало-по-малу Заверце превращается въ крупный фабричный центръ, такъ какъ примѣру Гинзберговъ послѣдовалъ рядъ другихъ фабрикантовъ.

Въ семидесятыхъ годахъ возникаетъ новый очагъ текстильной промышленности—Сосновицы, гдѣ сосредоточились фабрики шерстяныхъ издѣлій. Первую изъ нихъ основалъ въ 1879 г. саксонецъ Дитель, вторую братья Шёны—тоже саксонцы. Успѣхъ гребенныхъ шерстопрядиленъ въ Сосновицахъ побудилъ иностранныхъ фабрикантовъ обратить серьезное вниманіе именно на эту отрасль промышленности. Алларъ и Руссо изъ Рубэ основываютъ шерстопрядильню въ Лодзи. Англичане Бриггсъ и Поссельтъ открываютъ громадное предпріятіе этого рода въ Маркахъ подъ Варшавой. Новый, очень быстро растущій центръ польской промышленности, Ченстоховъ, становится крупнымъ очагомъ

шерстяного производства (Пельцеръ, Мотте, Делютръ, Мейесу, Кюйэ). Полушерстяныя издѣлія производятся также на фабрикахъ, основанныхъ иностранцами. Нѣкоторые изъ этихъ фабрикъ являются прямо филіальными отдѣленіями крупныхъ заграничныхъ предпріятій (напр., въ Згержѣ, фабрика Кюрцеля—отдѣленіе фабрикъ въ Криммичау).

Значеніе иностранныхъ капиталовъ въ польской хлопчатобумажной и шерстяной промышленности характеризуютъ въ достаточной мѣрѣ слѣдующія цифры. Въ 23 самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ иностранцевъ въ 1897—1898 гг. работало 42.000 рабочихъ, между тѣмъ какъ во всей хлопчатобумажной и шерстяной промышленности Царства Польскаго (740 промышленныхъ заведеній, въ томъ числѣ громадное количество среднихъ и мелкихъ, принадлежащихъ иностранцамъ) ихъ работало 87.000. Ихъ общая производительность равнялась 210 милл. рублей, сумма же производительности 23 самыхъ крупныхъ иностранныхъ фабрикъ доходила до 95.000.000 руб.

Въ области производства льняныхъ издѣлій иностранные капиталисты сдѣлали, пожалуй, сравнительно еще больше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности. Знаменитая жирардовская мануфактура (въ Жирардовѣ, неподалеку отъ Варшавы), въ которой работаетъ до 12.000 рабочихъ, основана французомъ Жираромъ. Жирардовская мануфактура, переданная польскимъ банкомъ Гилле и Дитриху на льготныхъ условіяхъ, почти монополизировала полотняное производство въ Царствѣ Польскомъ *).

*) Жирардовская мануфактура является въ настоящее время крупнѣйшей въ Европѣ фабрикой полотняныхъ издѣлій.

Какое громадное значеніе имѣютъ заграничные капиталы въ промышленности Царства Польскаго, обрабатывающей волокнистыя вещества, показываютъ наглядно слѣдующія данныя за 1901—1902 гг.

Въ хлопчатобумажной промышленности общее число промышленныхъ предпріятій равнялось 153, ихъ производительность 89.000.000 руб., а число занятыхъ въ нихъ рабочихъ 51.000. На долю 72 иностранныхъ предпріятій приходилось 72.200.000 руб. производительности и 40.600 рабочихъ. Въ шерстяной промышленности промышленныхъ предпріятій было 327, ихъ производительность достигала 89.500.000 руб., а число рабочихъ 44.000. Въ рубрикѣ иностранныхъ предпріятій эти цифры представляются слѣдующимъ образомъ: 102, 65.000.000 и 27.000. Въ льняной промышленности господствуетъ Жирардовъ. Въ шелковомъ производствѣ на 19 фабрикъ было 9 иностранныхъ фирмъ, производящихъ на 2.000.000 (общая сумма производительности 3.000.000). Число рабочихъ въ иностранныхъ фабрикахъ равнялось 1.200 изъ всего количества 1.800. Наконецъ въ производствѣ другихъ издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ на 115 промышленныхъ предпріятій съ производительностью въ 14.400.000 руб. и 11.500 рабочихъ, иностранныхъ фирмъ было 41 съ производительностью въ 7.400.000 руб. и съ 5.600 рабочихъ. Такимъ образомъ на фабрики, принадлежащія иностранцамъ или лицамъ иностраннаго происхожденія, составляющія третью часть фабрикъ Царства Польскаго, падаетъ $^3/_4$ общей производительности въ этой отрасли промышленности. Въ нихъ работаютъ $^2/_3$ общаго числа рабочихъ. На одно иностранное промышленное предпріятіе приходится 373 рабочихъ и 685.000 руб. произ-

водительности, на одно предпріятіе, находящееся въ рукахъ мѣстныхъ (польскихъ и еврейскихъ) капиталистовъ—86 рабочихъ и 123.000 руб. производительности. Изъ этого видно, что самые крупные фабрики и заводы Царства Польскаго принадлежатъ иностранцамъ или лицамъ иностраннаго происхожденія.

Въ горномъ дѣлѣ и металлургіи Царства Польскаго иностранные капиталы сыграли такую же роль. Залежи каменнаго угля и желѣзной руды подвергались эксплоатаціи издавна, но только съ конца 60 гг., когда и въ эту отрасль промышленности хлынули заграничные капиталы, она стала быстро развиваться. Въ 1868 г. русское правительство ввело новый тарифъ для перевозки желѣза и стали, крайне неблагопріятный для иностранныхъ капиталистовъ, сбывающихъ свои издѣлія въ Россію. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ сочли выгоднымъ перенести свои металлургическіе заводы въ предѣлы Царства Польскаго, такъ какъ здѣсь они могли получать заграничный чугунъ, оплачивая его всего на-всего 5 коп. пошлины, въ то время какъ за готовое желѣзо приходилось платить 35, а за сталь 80 коп. съ пуда. Кромѣ того они могли провозить безпошлинно чугунъ и желѣзо для машинныхъ заводовъ. Современемъ—съ конца 70 гг.—пошлина на заграничный чугунъ была постепенно увеличиваема, что заставило владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ заняться переработкой мѣстной руды. Это повліяло, съ одной стороны, на расширеніе производительности существовавшихъ заводовъ, а съ другой—на усиленную эксплоатацію мѣстныхъ каменноугольныхъ залежей. Металлургическая и горная промышленность сосредоточилась въ юго-западномъ углу Царства Польскаго (Домбровско-

Сосновицкій районъ), гдѣ возникаетъ цѣлый рядъ крупныхъ заводовъ, основанныхъ иностранцами и иностранными акціонерными компаніями. Кромѣ „Гуты Банковой“, созданной Польскимъ банкомъ, но затѣмъ перешедшей въ руки иностранныхъ капиталистовъ, почти всѣ металлургическіе заводы этого округа обязаны своимъ происхожденіемъ иностраннымъ капиталамъ.

Значеніе иностранныхъ каниталовъ въ металлургической промышленности Царства Польскаго станетъ для насъ ясно изъ слѣдующихъ цифръ. Общая сумма производительности въ этой отрасли промышленности равнялась въ 1897 г. 43.000.000 руб., причемъ на долю Петроковской губ., гдѣ сосредоточены всѣ иностранныя предпріятія, приходилось 35.000.000. Что же касается горной промышленности, то изъ 19 каменноугольныхъ копей Домбровскаго округа, принадлежащихъ 13 фирмамъ, въ рукахъ иностранцевъ сосредоточены почти всѣ самыя крупныя. Только одно предпріятіе изъ добывающихъ въ годъ болѣе 20.000.000 пуд. угля принадлежитъ мѣстнымъ капиталистамъ, остальныя же четыре находятся въ рукахъ заграничныхъ акціонерныхъ компаній.

Самые крупные механическіе заводы въ Варшавѣ (Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ, Борманъ, Шведе, Гандтке, Норблинъ и др.) и въ Сосновицахъ (Фицнеръ и Гамперъ, Гульдшинскій) тоже были основаны иностранцами. Впрочемъ, то же самое наблюдается и въ кожевенной промышленности (Темлеръ, Шведе, Пфейферъ, Фрелихъ и др.), въ пивоваренномъ производствѣ (Габербушъ, Шиле, Юнгъ, Махлейдъ), въ химическомъ (Шольцъ, Шписъ, Пульсъ). Только въ области обработки пищевыхъ продуктовъ, въ сахарозаводствѣ и вп-

ЗЕМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ

нокуреніи преобладаютъ мѣстные капиталы, и здѣсь роль иностранныхъ капиталистовъ очень незначительна.

II.

Намъ приходилось уже упоминать о „Польскомъ банкѣ". Это учрежденіе, возникшее въ 1828 г., имѣло своей задачей, между прочимъ, и развитіе промышленности края. Дѣйствительно, Польскій банкъ сыгралъ выдающуюся роль въ исторіи экономическаго развитія Царства Польскаго, такъ какъ только благодаря его поддержкѣ могли возникнуть многія промышленныя предпріятія, и многія изъ нихъ получили возможность прочнаго развитія, пользуясь его покровительствомъ, которое позволяло имъ устоять въ тяжелое время кризиса. За 50 лѣтъ (особенно же въ періодъ времени съ 1833 по 1859 г.) Польскій банкъ выдалъ ссудъ на 90 милліоновъ рублей различнымъ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ. Мало того, Польскій Банкъ самъ основывалъ фабрики и заводы, принималъ въ свое вѣдѣніе клонящіяся къ упадку промышленныя заведенія и, затѣмъ, поставивъ ихъ на ноги, передавалъ въ частныя руки. Такъ, напр., жирардовская мануфактура погибла бы навѣрное, если бы Польскій банкъ не спасъ ее. То же самое можно сказать и относительно первой въ Польшѣ фабрики машинъ (Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ), администрированной Польскимъ банкомъ въ теченіе 20 лѣтъ. Съ 1833 по 1843 годъ все горное дѣло Царства Польскаго находилось въ вѣдѣніи

Польскаго банка. Онъ развивалъ металлургическую промышленность въ Радомской губ. и въ Домбровскомъ округѣ до появленія тамъ иностранныхъ капиталовъ. По его почину возникло значительное количество заводовъ и фабрикъ. Польскій банкъ заботился объ улучшеніи и развитіи путей сообщенія Царства Польскаго, прокладывая шоссейныя дороги (въ общемъ до 1000 верстъ). По его иниціативѣ и при его денежной помощи была построена первая въ Царствѣ Польскомъ желѣзная дорога (Варшавско-Вѣнская). Польскій банкъ закончилъ постройку Августовскаго канала, соединившаго Вислу съ Нѣманомъ. Онъ же спустилъ на Вислу въ 1840 г. первый пароходъ.

Эта разносторонняя, въ высшей степени благотворная, дѣятельность Польскаго банка стала съ теченіемъ времени подвергаться стѣсненіямъ со стороны русскаго правительства, усматривавшаго въ самомъ существованіи этого пережитка эпохи автономіи Царства Польскаго фактъ весьма нежелательный. Мало-помалу Польскій банкъ лишается своей самостоятельности, и съ 1870 г. начинается его ликвидація. Наконецъ въ 1885 г. онъ былъ окончательно упраздненъ, а его отдѣлы въ разныхъ городахъ Царства Польскаго были превращены въ отдѣленія русскаго Государственнаго банка. Варшавская контора Государственнаго банка и ея провинціальныя отдѣленія уже не играли той роли, которая выпала на долю Польскаго банка, тѣмъ болѣе, что съ 70 гг. начинаютъ развиваться все болѣе и болѣе многочисленныя акціонерныя и частныя кредитныя учрежденія, старающіяся удовлетворить потребностямъ экономическаго развитія Царства Польскаго.

*

Упраздненіе въ 1850 г. таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и Россіей поставило первое въ полную зависимость отъ общегосударственной экономической политики. Покровительственная система, создавшая условія, благопріятныя для развитія крупной промышленности въ предѣлахъ Россійской имперіи, способствовала и росту промышленности въ Царствѣ Польскомъ, для котораго конкуренція съ заграничной производительностью вслѣдствіе географической близости съ Германіей была особенно тяжела. Мы уже видѣли, какъ тарифъ 1868 г. отразился на судьбѣ польской металлургической промышленности и горнаго дѣла въ домбровскомъ районѣ. Съ 1-го января 1887 г. таможенныя пошлины стали взиматься золотомъ, что опять ослабило шансы заграничной конкуренціи. Въ 1881 г. таможенныя пошлины на всѣ товары, за исключеніемъ соли, были повышены на 10%, послѣ чего наступаетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ мѣръ въ 1884, 1885, 1887 и 1890 гг. Въ 1891 г. былъ утвержденъ новый тарифъ, окончательно упразднявшій тарифъ 1868 г. и значительно повышавшій пошлину на всѣ заграничныя издѣлія.

Тарифъ 1891 г. вызвалъ сильный ростъ текстильной, металлургической, механической и горнозаводской промышленности Царства Польскаго, потому что ввозъ изъ-за границы хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ тканей, руды, чугуна, желѣза, стали, металлическихъ издѣлій и угля долженъ былъ сильно уменьшится.

Упраздненіе въ 1850 г. таможенной границы между Царствомъ Польскомъ и Россіей вызвало еще одно послѣдствіе. Оно открыло польской промышленности новые рынки сбыта, отъ которыхъ Царство Польское

было отрѣзано послѣ 1831 г. Сначала промышленность Царства Польскаго завоевываетъ рынокъ Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны—провинцій, связанныхъ съ Польшей узами историческихъ традицій и тяготѣющихъ къ Польшѣ—поскольку это касается ихъ польскаго населенія—какъ къ своей культурной метрополіи. Затѣмъ однако польская промышленность находитъ сбытъ для своихъ произведеній и въ болѣе отдаленныхъ губерніяхъ Россіи. Новороссія, центральныя великорусскія губерніи съ Московской во главѣ, отчасти Кавказъ и Закавказье — вотъ рынки, которые начала завоевывать польская промышленность въ концѣ 70-хъ и въ 80 гг. Мало-по-малу этотъ рынокъ расширяется, захватывая Поволжье. Польскіе промышленники устраиваютъ свои склады въ Новгородѣ и въ Ирбитѣ, завязывая сношенія сначала съ Западной, а послѣ и Юго-восточной Сибирью. Въ 1894 г. польскіе товары появляются въ Омскѣ. Предпріимчивые агенты лодзинскихъ фирмъ не довольствуются территоріей Россіи. Они проникаютъ черезъ Баку въ Персію, въ Центральную Азію, въ Китай, а съ другой стороны въ Константинополь, Румынію, Болгарію, въ послѣднее же время даже въ Испанію и въ сѣверную Африку. Англійскій консулъ въ Варшавѣ предупреждаетъ своихъ земляковъ о серьезной опасности, угрожающей имъ на востокѣ со стороны лодзинской промышленности.

Пониженіе тарифа для товаровъ, высылаемыхъ на востокъ и югъ, (февраль 1901 г.) и новый тарифъ для торговыхъ сношеній съ Дальнимъ Востокомъ и персидскими портами (ноябрь 1901 г.) благопріятствуютъ расширенію рынковъ сбыта для товаровъ, высылаемыхъ изъ Царства Польскаго. Проведеніе великой сибирской

магистрали дало новый толчокъ стремленію польской промышленности на восточные рынки.

Въ 1886—1887 гг. слишкомъ 50% производства Царства Польскаго находило сбытъ на восточныхъ рынкахъ. Съ теченіемъ времени вывозъ товаровъ изъ Царства Польскаго, несомнѣнно, увеличился, хотя точныхъ данныхъ для иллюстраціи этого увеличенія нѣтъ, и польскіе экономисты, занимающіеся этимъ вопросомъ, сильно расходятся въ оцѣнкѣ этого явленія. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что восточные рынки являются однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ роста польской промышленности—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ея отраслей и прежде всего текстильной.

Слѣдуетъ однако обратить вниманіе и на тотъ фактъ, что само Царство Польское все болѣе и болѣе становится рынкомъ сбыта для русской промышленности. Изъ Имперіи въ Царство Польское прежде всего идутъ земледѣльческіе продукты: рожь, пшеница, мука, крупа, овесъ и т. п. Ввозъ этихъ продуктовъ постоянно увеличивается вслѣдствіе дифференціальнаго тарифа, позволяющаго русской ржи и пшеницѣ конкурировать на рынкахъ Царства Польскаго съ мѣстной. Имперія поставляетъ Царству Польскому громадную часть потребляемаго послѣднимъ сырья, 60% хлопка, 50% шерсти, значительная часть шелку и льну, перерабатываемаго на фабрикахъ и заводахъ Царства Польскаго, ввозится изъ Имперіи. Криворожская руда въ большомъ количествѣ потребляется польской металлургической промышленностью. То же самое можно сказать о полуфабрикатахъ, какъ пряжа и др. Любопытно, что Царство Польское поглощаетъ постоянно возрастающее количество готовыхъ издѣлій московскихъ, владимірскихъ и ярослав-

скихъ фабрикъ. Бумажныя, шерстяныя и льняныя издѣлія русскихъ фирмъ сбываются въ Царствѣ Польскомъ на сумму около 40 милліоновъ руб. ежегодно. Ярославское полотно и кимрская обувь идутъ въ большемъ количествѣ въ Польшу въ то время какъ варшавскіе сапожники работаютъ на всю Россію, а склады издѣлій жирардовской мануфактуры имѣются во всѣхъ русскихъ центрахъ.

Развитіе промышленности и торговли въ значительной степени зависитъ отъ развитія путей сообщенія, доказательствомъ чему можетъ быть, между прочимъ, ростъ промышленности Царства Польскаго, параллельный распространенію сѣти желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей.

Первая желѣзная дорога въ Царствѣ Польскомъ должна была соединить Варшаву съ Домбровскимъ каменноугольнымъ райономъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ Вѣной, Бреславлемъ и Краковомъ. Она была построена по иниціативѣ Польскаго банка въ 1848 г., находилась въ теченіе 9 лѣтъ въ вѣдѣніи казны, а затѣмъ перешла въ руки частной компаніи (1857 г.) Однако вплоть до 1862 г., когда Варшава была соединена съ Петербургомъ желѣзнодорожной линіей, Варшавско-Вѣнская ж. д. (461 в. длины) не играла важной роли въ торговомъ отношеніи. Доходы съ пассажирскаго движенія на ней были все время выше доходовъ съ торговыхъ оборотовъ. Соединеніе Варшавы съ Петербургомъ (101 верста въ предѣлахъ Ц. П.) повліяло на усиленіе транзитнаго движенія товаровъ и сильно подняло доходность В.-В. ж. д.

Нормальное развитіе этой линіи начинается въ 70 гг., когда были проведены линіи, направляющіяся въ Имперію и соединенныя съ русскими желѣзными дорогами.

Росло транзитное движеніе товаровъ, расширялись рынки сбыта, вслѣдствіе чего увеличивалась производительность польскихъ очаговъ промышленности, а это усиливало доходность желѣзной дороги и способствовало ея развѣтвленію. Громадное количество промышленныхъ центровъ и отдѣльныхъ фабричныхъ пунктовъ соединяется желѣзнодорожными вѣтвями съ Варшавско-Вѣнской магистралью. Каждая такая мѣстность сейчасъ же начинаетъ расти и развиваться въ промышленномъ отношеніи.

Въ 1866 г. была закончена постройка фабрично-лодзинскихъ ж. д. (26 в. длины), соединяющихъ Лодзь съ Колюшками—станціей Варшавско-Вѣнской ж. д., что вызвало усиленный ростъ лодзинской промышленности. Въ слѣдующемъ году Варшавско-Тереспольская ж. д. соединяетъ польскіе очаги промышленности съ русскимъ рынкомъ. Эта желѣзная дорога получила особенное значеніе послѣ того какъ въ 1872 г. была построена Московско-Брестская, а въ 1873 г. Брестско-Кіевская желѣзная дорога.

Въ 1877 г. была открыта Привислянская ж. д., подобно Тираспольской соединяющая Царство Польское съ его восточными рынками сбыта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющая громадное значеніе для промышленнаго развитія той части Царства Польскаго, которую она прорѣзала. Въ 1900 г. къ Привислинской ж. д. присоединяется Ивангородъ-Домбровская, и такъ какъ къ ней еще прежде была присоединена Тираспольская, то ея длина дошла до 1713 верстъ.

Важную роль сыграла Калишская ж. д. (250 в. длины), соединяющая Варшаву съ отрѣзаннымъ до сихъ поръ отъ всякаго сообщенія съ остальной частью Царства Польскаго Калишемъ, гдѣ крупная промышленность

имѣетъ всѣ шансы развитія. Подобно тому, какъ построенная въ 1895 г. Ивангородъ-Домбровская ж. д. вызвала сильный ростъ промышленности въ Радомской и Кѣлецкой губерніяхъ, Калишская повліяетъ на индустріализацію Калишской губерніи.

Въ настоящее время сѣть желѣзнодорожныхъ сообщеній въ Царствѣ Польскомъ находится въ стадіи усиленнаго роста. Строятся подъѣздные пути, соединяющіе различные промышленные пункты съ главными желѣзнодорожными артеріями, и проектируется цѣлый рядъ новыхъ линій, такъ какъ существующія еще далеко не удовлетворяютъ экономическимъ потребностямъ Царства Польскаго.

Что касается водныхъ путей сообщенія, то Царство Польское располагаетъ въ настоящее время всего 3000 верстъ сплавныхъ рѣкъ и Августовскимъ каналомъ. Водные пути служатъ преимущественно для перевозки земледѣльческихъ продуктовъ и лѣса. Вообще водные пути играютъ въ Царствѣ Польскомъ очень незначительную роль.

III.

Эдиктъ 1807 г. упразднилъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ крѣпостную зависимость крестьянъ, что имѣло громадное значеніе для экономическаго развитія края, такъ какъ позволяло населенію, прикованному прежде къ землѣ, имѣть заработокъ въ городахъ и другихъ средоточіяхъ промышленности. Мелкія про-

мышленныя предпріятія, основанныя выходцами изъ-за границы, могли довольствоваться первоначально иностранными рабочими. По мѣрѣ же своего развитія и расширенія они должны были привлекать постепенно и мѣстныя рабочія руки. Возникновеніе крупныхъ фабрикъ ускорило этотъ процессъ. Въ 1845 г. рабочихъ въ Царствѣ Польскомъ было 46.000, пять лѣтъ спустя—50.000, въ 1860 г.—75.000, а въ 1864—болѣе 78.000.

Ростъ количества фабричныхъ рабочихъ объясняется, съ одной стороны, пролетаризаціей мелкихъ ремесленниковъ, а съ другой—усиленнымъ наплывомъ въ города сельскаго безземельнаго и малоземельнаго населенія.

Пролетаризація ремесленниковъ шла очень быстро. Такъ, напр., въ теченіе десятилѣтія 1871—1880 гг. въ одномъ хлопчатобумажномъ производствѣ исчезло около 7000 мелкихъ мастерскихъ, владѣльцы которыхъ вмѣстѣ со своими подмастерьями должны были перейти на фабрики. То же самое наблюдается и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Одна жирардовская мануфактура поглотила нѣсколько тысячъ мелкихъ полотняныхъ „фабрикъ“. Съ 1855 по 1866 г. около 25.000 ремесленниковъ превратилось въ фабричныхъ рабочихъ. Для періода времени съ 1866 по 1889 г. эта цифра равняется 22.000. Въ общемъ ежегодно 1% ремесленниковъ переходятъ изъ мелкихъ мастерскихъ въ фабрики.

Въ 30-лѣтіе 1866—1897 гг. количество фабричныхъ рабочихъ Царства Польскаго увеличилось съ 69.000 до 250.000, т. е. на 181.000. За это время 34.000 ремесленниковъ превратились въ фабричныхъ рабочихъ, на естественный приростъ приходится 50—60.000, такъ что общее количество рабочихъ должно

было бы увеличиться всего на 94.000, если бы не было постояннаго наплыва сельскаго населенія на фабрики и заводы. Почти 100.000 фабричныхъ рабочихъ вышло изъ рядовъ безземельнаго и малоземельнаго крестьянства.

Общее количество сельскаго населенія, иммигрировавшаго въ города за тотъ же 30 лѣтній періодъ времени, доходитъ до полумилліона. Сильное развитіе этой иммиграціи объясняется прежде всего большой плотностью и необычайно быстрымъ ростомъ населенія Царства Польскаго. По плотности населенія оно слѣдуетъ въ ряду европейскихъ странъ сейчасъ же послѣ Бельгіи, Голландіи, Англіи, Италіи и Германіи, занимая такимъ образомъ 6 мѣсто. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ Царства Польскаго плотность населенія доходитъ до голландской и англійской нормы, какъ это наблюдается, напр., въ Варшавской и Петроковской губ. Что же касается быстроты естественнаго роста населенія Царства Польскаго, то въ этомъ отношеніи оно занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ странъ Европы. Въ 1816 г. число жителей Царства Польскаго равнялось 2.717.287, въ 1831 г.—3.762.003, въ 1840 – 4.488.009, въ 1850 г.—4.810.735, въ 1860—4.840.466. въ 1862 —4.972.193, что давало плотность населенія въ размѣрѣ 45,8 человѣкъ на 1 квадратную версту. Черезъ 30 лѣтъ, т. е. къ 1-му января 1893 г , населеніе Царства Польскаго достигло 8.808.969 чел., а плотность населенія дошла до 81,2 на кв. версту. Наконецъ, спустя еще одиннадцать лѣтъ—къ 1 января 1904 г.—населеніе края равнялось уже 11.588.585 чел., а плотность его —106.9 чел. на кв. версту. Общій приростъ населенія въ Царствѣ Польскомъ съ 1862 по 1904 годъ равняется 6.616 412 чел.,

съ 1889 же по 1904 г.—3.363.717. Слѣдовательно, приростъ населенія за послѣднія пятнадцать лѣтъ (1889—1904) равняется 42,63%, а со времени всеобщей переписи 1897 г.—23,25%.

Иммиграціей сельскаго населенія въ промышленные пункты объясняется быстрый ростъ населенія промышленныхъ губерній въ сравненіи съ остальными. Такъ, съ 1872 по 1897 годъ населеніе Сувалкской губ. увеличилось на 14%, Калишской—на 25%, Кѣлецкой—на 26%, Варшавской же на 80%, а Петроковской даже на 100%. Промышленные пункты растутъ „по-американски". Маленькія мѣстечки и села въ теченіе какихъ нибудь 2—3 десятковъ лѣтъ превращаются въ крупные города съ громаднымъ количествомъ населенія, массой промышленныхъ предпріятій и солиднымъ бюджетомъ. Населеніе болѣе крупныхъ городовъ удваивается и утраивается.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1805 г., въ Варшавѣ было всего 68.000 жителей. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія число ея жителей немногимъ превышало 140.000, въ шестидесятыхъ годахъ оно возросло до 248.000, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ цифра варшавскаго населенія уже превосходитъ 400.000, по переписи 1897 г. она равняется 683.692, къ 1-му января 1903 г. народонаселеніе Варшавы, за исключеніемъ войскъ и пріѣзжихъ, составляло 756.426, а къ 1-му января 1905 г.—767.897. Такимъ образомъ, за сто лѣтъ населеніе столицы Царства Польскаго увеличилось болѣе чѣмъ въ 11 разъ. Число домовъ въ Варшавѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ равнялось 3.339, а въ 1904 г. ихъ значится 6.832. Въ 1873 г. число всѣхъ фабрикъ и заводовъ ограничивалось 259 съ 8.923 ра-

бочими и 16.497.220 руб. суммы производства. При сопоставленіи съ цифрами 1903 г. оказывается, что число фабрикъ и заводовъ Варшавы почти удвоилось, число рабочихъ увеличилось въ $3^1/_2$ раза, а сумма производства въ $4^1/_2$ раза. Что касается ремесленнаго производства, то съ 1873 по 1903 гг. число ремесленныхъ заведеній возросло съ 2.950 до 3.137, число ремесленниковъ съ 11.513 до 18.439, а стоимость выдѣланныхъ ремесленныхъ издѣлій съ 6 603.000 до 13.682.400 руб.

Поразительны расходы и доходы Варшавы. Съ 1893 по 1904 г. общая сумма городскихъ доходовъ увеличилась на 266%, расходовъ же на 277%. Въ 1893 г. на одного жителя приходилось доходовъ 9—41 руб., расходовъ—9.40 руб. Спустя 12 лѣтъ, т. е. въ 1904 г., дохода было 22.40 руб., а расходовъ—23.01 руб.

Еще внушительнѣе ростъ „польскаго Манчестера“—Лодзи. Въ 1827 г. ея населеніе не превышало 2.843 человѣкъ; въ 1878 г. оно уже достигаетъ 100.000, а къ 1904 г.—328.586 ч. Въ 1840 г. цѣнность годового лодзинскаго производства равнялась милліону рублей; въ 1873—10.734.025 руб. при числѣ рабочихъ 8.739; въ 1877 г.—сумма производительности достигала 17.363.600 руб. при 11.142 рабочихъ. Слѣдовательно, съ 1840 по 1877 г. сумма производства Лодзи возрасла болѣе чѣмъ въ семнадцать разъ. Съ 1877 г. она расгетъ еще быстрѣе, достигая въ 1885 г.—40 милліоновъ руб., въ 1897 г. — 100 милліоновъ. По даннымъ 1903 г. въ Лодзи было фабрикъ и заводовъ 482, рабочихъ 65.253, а сумма производства 124.586.154 руб. Съ 1897 г. она опять увеличилась на 25 милліоновъ. Ремесленныхъ заведеній къ 1904 г. было 2.015 съ 5.250 ремесленниками.

Бюджетъ Лодзи: доходы 1.019.930 руб., расходы 1.256.371 руб., долговъ нѣтъ, а превышеніе расходовъ покрывается изъ запаснаго капитала городской кассы.

Для характеристики благосостоянія городовъ Царства Польскаго мы приводимъ общія цифры бюджета двадцати одного болѣе значительнаго города края.

Названіе городовъ.	Доходы.	Расходы.	Долги.
Варшава	19.653.735	19.653.735	40.706.000
Лодзь	1.019.930	1.256.371	нѣтъ.
Люблинъ	253.941	253.941	„
Калишъ	104.141	104.141	„
Ченстоховъ	98.897	86.547	„
Сосновицы	92.930	68.977	30.000
Плоцкъ	86.358	86.358	нѣтъ
Радомъ	82.561	75.876	„
Петроковъ	71.688	55.530	„
Холмъ	53.639	53.639	20.808
Влоцлавскъ	52.444	45.672	нѣтъ
Кѣльцы	49.995	46.781	24.879
Пабьяницы	48.618	48.618	нѣтъ
Сувалки	47.346	47.346	„
Сѣдлецъ	45.990	37.681	„
Згержъ	45.724	45.724	„
Гостынинъ	43.523	35.989	„
Ломжа	38.793	37.414	„
Томашевъ Брез. у.	36.482	36.482	„
Бендинъ	35.422	31.930	„
Гомбинъ	35.370	31.753	„

Въ 1857 г. въ Царствѣ Польскомъ было всего 7 городовъ съ количествомъ жителей болѣе 10.000. Въ

1872 г. такихъ городовъ было уже 15, а въ 1897 г. 36, причемъ въ 17 городахъ было 10—20.000 жителей, въ 17—20—50.000, въ одномъ болѣе 300.000 и въ одномъ болѣе 600.000. Постоянное увеличеніе количества болѣе значительныхъ городовъ и ихъ населенія объясняется исключительно развитіемъ индустріи.

Ростъ фабрично-заводской промышленности въ 10 губернскихъ городахъ Царства Польскаго и въ Лодзи изображенъ наглядно слѣдующей таблицей:

Названіе городовъ.	въ 1873 г.			1903—04 г.		
	Фабрикъ и заводовъ.	Рабочихъ въ нихъ.	Сумма производства въ руб.	Фабрикъ и заводовъ.	Рабочихъ въ нихъ.	Сумма производства въ руб.
Варшава	259	8.923	16.497.220	491	31.497	74.345.122
Калишъ	16	437	705.550	51	2.291	2.137.000
Кѣльцы	10	39	86.099	27	737	1.493.175
Ломжа	11	18	14.490	29	104	158.070
Люблинъ	16	416	636.462	88	1.580	1.598.184
Петроковъ	23	156	152.185	21	636	683.280
Плоцкъ	15	99	94.124	32	344	325.260
Радомъ	22	207	931.047	43	780	2.563.493
Сувалки	2	21	27 800	19	220	274.380
Сѣдлецъ	15	49	16.387	27	178	291.000
Лодзь	790	8.739	10.734.025	482	65.253	124.586 154

Такой же ростъ фабрично-заводской промышленности наблюдается почти по всѣмъ городамъ Царства Польскаго. Въ 1873 г. въ нихъ было 1.925 фабрикъ и заводовъ, 27.200 рабочихъ, сумма же производства этихъ фабрикъ и заводовъ доходила до 37.659.000 руб. Въ 1904 г. въ городахъ Царства Польскаго было фабрикъ и заводовъ

2585, рабочихъ 153.838, а сумма производства равнялась уже 289.567.615 руб.

Слѣдующая таблица иллюстрируетъ этотъ процессъ.

Въ городахъ 10 губерній Царства Польскаго.	въ 1873 г. Фабрикъ и заводовъ	Рабочихъ.	Сумма производства въ руб.	въ 1903—04 г. Фабрикъ и заводовъ	Рабочихъ.	Сумма производства въ руб.
Варшавской . .	337	9.268	17.063 091	509	34.348	79.426.589
Калишской . .	199	3.148	2.587.034	196	9.753	11.937.899
Кѣлецкой . . .	41	187	145.283	79	991	1.607.780
Ломжинской . .	54	126	64.160	122	461	451.115
Люблинской . .	40	480	680.392	190	2.047	2.254.255
Петроковской .	1.038	12.944	16.268.607	770	102.000	187.226.543
Плоцкой	67	187	167.409	120	511	527.490
Радомской . . .	61	406	1.026.700	148	1.697	4.137.909
Сувалкской . . .	33	65	65.666	83	920	1.278.630
Сѣдлецкой . . .	54	137	90.731	286	1.110	719.405

Несмотря на постоянный ростъ фабрично-заводской промышленности и увеличеніе числа рабочихъ, количество ремесленниковъ въ Царствѣ Польскомъ не только не уменьшается, но даже увеличивается, хотя, какъ мы уже видѣли, извѣстная часть ремесленниковъ переходитъ на фабрики. Въ 1855 г. во всемъ Царствѣ Польскомъ было 86.000 ремесленниковъ, въ 1866—94.000 а въ настоящее время число ихъ доходитъ до 130.000. Впрочемъ, данныя статистики въ этой области не отличаются точностью. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что относительный ростъ количества ремесленниковъ значительно ниже роста всего населенія края.

По мѣрѣ роста промышленности и городовъ измѣнялось и взаимоотношеніе городского и сельскаго населенія Царства Польскаго. Въ 1857 г. городское населеніе составляло 23,3% общаго количества жителей края, въ 1872 г.—26%, въ 1893 г.—28%, въ 1897 г.—31,5%. Въ періодъ времени съ 1872 по 1897 г. все населеніе увеличилось на 45,5%, сельское только на 35%, городское же на 75%. За четыре года—съ 1893 по 1897 г. общее количество населенія Царства Польскаго увеличилось на 7,3%, причемъ сельское населеніе увеличилось на 2,3%, а городское на 20%.

IV.

И въ области поземельныхъ отношеній Царства Польскаго произошли въ теченіе XIX ст. коренныя измѣненія. Аграрная реформа 1864 г. въ значительной степени подорвала преобладаніе дворянскаго землевладѣнія. Рядомъ съ крупной и средней помѣщичьей земельной собственностью появляется мелкая—крестьянская, постоянно увеличивающаяся за счетъ уменьшенія первой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, капитализмъ вторгается въ земледѣліе Царства Польскаго. Развитіе путей сообщенія и вліяніе фабрично-заводской производительности вызываетъ быстрый процессъ капитализаціи сельскохозяйственнаго производства, убиваетъ мелкую крестьянскую промышленность и обособляетъ сельскохозяйственную промышленность отъ земледѣлія. Кризисъ 1885 г., вызванный конкуренціей американскаго хлѣба,

паденіе цѣнъ на мѣстный хлѣбъ, дифференціальный тарифъ, превращающій Царство Польское въ рынокъ сбыта русской пшеницы и ржи,—все это наноситъ ударъ за ударомъ польскому помѣщику-землевладѣльцу.

Хлѣбная производительность переходитъ все болѣе и болѣе изъ рукъ помѣщиковъ въ крестьянскія. Уже въ 70 гг. въ Царствѣ Польскомъ посѣвъ и сборъ на крестьянскихъ земляхъ стали превышать посѣвъ и сборъ на помѣщичьихъ. Въ 1898 г. это превышеніе выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ. На помѣщичьихъ земляхъ было посѣяно зернового хлѣба 2.097.488 чт., а собрано 12.571.984 чт. На крестьянскихъ же земляхъ зернового хлѣба посѣяно 2.596.217 чт., а собрано 14.260.851 чт. Изъ этого видно, что главными производителями хлѣба въ настоящее время становятся все болѣе крестьяне. Крестьянское производство хлѣба является болѣе устойчивымъ, такъ какъ оно разсчитано не на вывозъ за границу, а главнымъ образомъ на мѣстное потребленіе. Вслѣдствіе этого оно не боится паденія цѣнъ на хлѣбъ и даже развивается еще больше во время этого паденія, потому что тогда покупка земли у помѣщиковъ и арендованіе дѣлаются для нихъ болѣе доступными.

Крупные землевладѣльцы переходятъ къ болѣе интенсивнымъ способамъ обработки земли, къ скотоводству, молочному хозяйству и къ сельскохозяйственной промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщики все чаще и чаще прибѣгаютъ къ парцеллированію своей земельной собственности, продавая ее по частямъ крестьянамъ.

Общее пространство земли во всемъ краѣ (данныя 1894 г.) опредѣлилось въ 11.297.089 десятинъ. 43,1%

принадлежали въ 1894 г. крестьянамъ, 2,6% жителямъ посадовъ, 5,9% мелкой шляхтѣ, казнѣ 5,9%, 40,6%— помѣщикамъ и 1,9% городамъ. Общее число помѣщичьихъ имѣній равнялось 11.500. Ихъ было больше всего въ Калишской губ. (52,7%), меньше всего въ Ломжинской (21,9%).

Относительно мелкой собственности мы располагаемъ менѣе устарѣвшими данными.

По губерніямъ Царства Польскаго общее количество земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ (данныя 1904 г.).

Губерніи.	Надѣльная земля.	Купленная.	Итого.
Варшавская . .	602.493 дес.	140.032 дес.	742.525 дес.
Калишская . .	399.118 „	123,871 „	522.989 „
Кѣлецкая . . .	384.032 „	79.409 „	463.441 „
Ломжинская . .	254.673 „	25.283 „	279.956 „
Люблинская . .	632.782 „	147.868 „	780.650 „
Петроковская .	486.421 „	97.173 „	583.594 „
Плоцкая	269.893 „	44.060 „	313.953 „
Радомская . . .	445.385 „	157.034 „	602.419 „
Сувалкская . .	613.202 „	11.663 „	624.865 „
Сѣдлецкая . . .	502.326 „	91.374 „	593.700 „

При сравненіи этихъ цифръ съ данными 1894 г. видно, что за десятилѣтній срокъ поземельная собственность крестьянства въ Царствѣ Польскомъ значительно увеличилась, именно съ 4.871.493 до 5.508.092, т. е. на 636.599 десятинъ. Иначе обстоитъ дѣло съ другой группой мелкихъ землевладѣльцевъ Царства Польскаго— мелкой шляхтой. Въ 1894 г. въ десяти губерніяхъ

Царства Польскаго мелко-шляхетской земли значилось 670.820 десятинъ, спустя же десять лѣтъ общій итогъ земель, принадлежащихъ мелкой шляхтѣ, понизился до 651.745 десятинъ, слѣдовательно, уменьшился на 19.074 десятинъ. Только въ одной Ломжинской губ. замѣчается небольшое расширеніе поземельной собственности мелкой шляхты (на 19.196 десятинъ). Зато въ Калишской и Радомской губерніяхъ она совершенно исчезла за это десятилѣтіе, а въ Кѣлецкой уменьшилась до крайняго минимума.

Что касается посадскаго землевладѣнія, то его размѣръ отличается наибольшей устойчивостью. Посадскіе землевладѣльцы относительно слишкомъ бѣдны, чтобы расширить свои земли путемъ прикупки, а случаи полученія земли за отказъ отъ правъ на сервитуты среди посадскаго населенія гораздо рѣже, нежели среди крестьянскаго. Въ 1904 г. всей посадской земли въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго было 292.367 десятинъ.

Все количество надѣльныхъ земель въ Царствѣ Польскомъ простиралось къ началу 1904 г. до 4.590.325 десятинъ, что составляетъ 40% общаго пространства. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ процентное отношеніе надѣльныхъ земель ко всему пространству подвергается значительнымъ колебаніямъ. Наибольшимъ, относительно, количествомъ надѣльныхъ земель отличается Сувалкская губернія (55%), затѣмъ Петроковская, Кѣлецкая и Люблинская (43—44%). Меньше всего надѣльной земли въ Ломжинской и Плоцкой губерніяхъ (28 и 31%), что объясняется максимальнымъ количествомъ мелкошляхетскихъ земель въ этихъ губерніяхъ. Въ остальныхъ губерніяхъ процентъ надѣльной земли

приближается къ среднему для всего Царства Польскаго (39—40½%).

Общее количество надѣльныхъ земель Царства Польскаго постоянно возрастало: съ 4.135.000 десятинъ въ 1873 г. до 4.202.000 въ 1877 г., до 4.539.000 дес. въ 1889 г. и до 4.590.000 дес. въ 1904. Слѣдовательно, въ теченіе 30-лѣтняго періода оно увеличилось на 455.600 дес., или на 11%. Наибольшій приростъ наблюдается въ Варшавской губ., затѣмъ въ Кѣлецкой и Плоцкой. Только въ одной Сувалкской губ. не замѣчается прироста.

Общая для всего Царства Польскаго цифра хозяйствъ на надѣльныхъ земляхъ въ 1904 году равнялась 77.8445. Она распадается по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Люблинская	118.936 хозяйствъ.
Петроковская	96.092 „
Кѣлецкая	93.048 „
Варшавская	92.985 „
Радомская	89.572 „
Калишская	76.429 „
Сѣдлецкая	76.025 „
Сувалкская	59.351 „
Плоцкая	39.249 „
Ломжинская	36.758 „

Если мы сравнимъ эти цифры съ данными 34-лѣтняго періода, начиная съ 1870 г., то увидимъ, что за это время количество крестьянскихъ надѣльныхъ владѣній увеличилось на 31% (на 185.000 хозяйствъ), причемъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ этотъ ростъ подвергается

очень значительнымъ уклоненіямъ въ обѣ стороны. Такъ, напр., въ Люблинской и Сѣдлецкой губ. цифра надѣльныхъ усадебъ возрасла на 63—68%, а въ Варшавской, Калишской, Ломжинской и Сувалкской всего отъ 9 до 20%.

Во всѣхъ губерніяхъ (исключеніемъ является Сувалкская) наиболѣе многочисленной является категорія хозяйствъ средней величины,—отъ $1^1/_2$ до $7^1/_2$ десятинъ,—составляющихъ 65% общаго числа хозяйствъ. Въ Люблинской, Петроковской и Кѣлецкой губерніяхъ количество среднихъ хозяйствъ превышаетъ 70%. Второе мѣсто занимаютъ крупныя крестьянскія хозяйства—болѣе $7^1/_2$ десятинъ. Ихъ во всемъ краѣ 19%, причемъ наибольшее количество приходится на Сувалкскую губернію (44%), затѣмъ Плоцкую, Ломжинскую и Варшавскую (27—28%). Къ третьей, послѣдней, категоріи принадлежатъ малоземельныя крестьянскія хозяйства—до $1^1/_2$ десятины. Всѣхъ такихъ участковъ 126.295, т. е. немногимъ болѣе 16%. Въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ ихъ около 10%, въ Кѣлецкой до 25%.

Въ половинѣ губерній Царства Польскаго, именно: въ Варшавской, Ломжинской, Сувалкской, Плоцкой и Калишской число крестьянскихъ хозяйствъ послѣдней категоріи уменьшилось въ періодъ времени съ 1870 по 1904 г. на 30,3%. Въ Плоцкой губ. количество ихъ сократилось почти на половину (на 48%), а въ Варшавской и Сувалкской на одну треть ($32^1/_2$%). Процессъ уменьшенія количества малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ объясняется эмиграціоннымъ движеніемъ—какъ въ Америку, такъ и въ Западную Европу.

Малоземельные крестьяне находятся въ положеніи гораздо худшемъ, нежели безземельные. Послѣдніе живутъ исключительно заработками, нанимаясь въ большомъ количествѣ къ помѣщикамъ въ качествѣ годовыхъ фольварочныхъ рабочихъ, что для владѣльцевъ мелкихъ хозяйствъ не всегда доступно, потому что они какъ бы прикрѣплены къ мѣсту жительства своей землей и необходимостью обрабатывать ее. Въ силу этого малоземельные крестьяне пограничныхъ губерній и вообще мѣстностей, находящихся не особенно далеко отъ границы, стали продавать свои участки сосѣдямъ, сами же уходили на заработки въ Восточную и Западную Пруссію, Познань, Силезію, Данію, Англію и Сѣверо-Американскіе Штаты или же эмигрировали въ Сѣверную и Южную Америку навсегда. Сокращеніе цифръ мелкихъ крестьянскихъ владѣній идетъ параллельно росту эмиграціи и выходу рабочихъ за границу, что видно изъ слѣдующаго сопоставленія 1889—1904 гг.

	Сувалк. губ.	Кал. губ.	Плоцк. губ.	Ломж. губ.	Неш. уѣз.	Влодл. Варш. г.
Эмиграція	2.260	900	2.030	1.400	310	250
Отхожіе промыслы	2.500	60.000	27.000	16.000	6.700	?
Уменьш. кол. мелк. хоз.	32,5%	21,6%	48%	10,5%	43%	51%

Чѣмъ дальше данная губернія или данный уѣздъ отъ границы, тѣмъ меньшій процентъ населенія принимаетъ участіе въ заграничныхъ передвиженіяхъ, что сейчасъ же отражается на положеніи мелкой крестьянской собственности.

Въ общемъ число малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ уменьшилось на 2,2% съ конца 60 годовъ.

Число крестьянскихъ надѣльныхъ владѣній первой категоріи—среднія—увеличилось во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго за 34-лѣтній періодъ. Общая цифра ихъ болѣе чѣмъ удвоилась, увеличившись съ 240.900 въ 1870 г. до 506.600 къ началу 1904 г. Въ Сѣдлецкой губ. встрѣчается наибольшій приростъ—съ 13.200 до 52.400. За Сѣдлецкой слѣдуетъ Люблинская—приростъ съ 28.300 до 91.700. Самый слабый приростъ приходится на Плоцкую, Калишскую, Ломжинскую и Варшавскую (28—75%), что опять-таки объясняется эмиграціей и выходомъ за границу на заработки, потому что среднія владѣнія самаго мелкаго типа (отъ $1^1/_2$ до 3 десятинъ) продаются уходящими за границу ихъ владѣльцами наравнѣ съ мелкими усадьбами въ собственномъ смыслѣ.

Количество крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ (свыше $7^1/_2$ дес.) за послѣднее время уменьшилось во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго за исключеніемъ Плоцкой, гдѣ, впрочемъ, оно возрасло, всего на 5%. Общая цифра этихъ хозяйствъ сократилась съ 222.700 во время надѣла крестьянъ до 145.560 къ 1904 г., слѣдовательно, на 35%. Наименѣе замѣтно это уменьшеніе въ Сувалкской, Ломжинской и Варшавской губ. ($2^1/_2$%—$15^1/_2$%). Въ Радомской оно доходитъ до 54%, въ Люблинской до 59% и, наконецъ, въ Кѣлецкой до 64%.

Средняя величина крестьянскаго надѣльнаго хозяйства въ 1904 г. доходила до 5,9 десятинъ. По отдѣльнымъ губерніямъ эта средняя представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губ.	Средн. вел. хоз.	Губ.	Средн. вел. хоз.
Сувалкская	10,3 дес.	Люблинская	5,3 дес.
Плоцкая	6,9 „	Калишская	5,2 „
Ломжинская	6,9 „	Петроковская	5,1 „
Сѣдлецкая	6,6 „	Радомская	5,0 „
Варшавская	6,5 „	Кѣлецкая	4,1% „

Средняя величина крестьянскихъ надѣльныхъ владѣній въ Царствѣ Польскомъ постоянно уменьшается. Въ 1877 г. она равнялась 7,2 десятинъ, слѣдовательно, къ 1904 г. она уменьшилась на 1,3 десятины. Единственнымъ исключеніемъ является Плоцкая губ., гдѣ средняя величина крестьянскаго надѣльнаго хозяйства увеличилась на 11,3%. Наибольшее сокращеніе размѣровъ крестьянскихъ усадебъ произошло въ Люблинской и Сѣдлецкой губ.—на 3 десятины или на 33—36%. Очевидно, что, при ростѣ количества владѣній, средняя величина ихъ сокращается, вслѣдствіе возникновенія новыхъ участковъ. При исчезновеніи же извѣстнаго количества хозяйствъ, вслѣдствіе ихъ перепродажи выходцами, размѣры ихъ увеличиваются, какъ это наблюдается въ Плоцкой губ.

Кромѣ 4.590.325 дес. земель, подходящихъ подъ дѣйствіе указовъ 1864 и 1866 гг., крестьяне Царства Польскаго владѣютъ еще 917.767 дес. земли, купленной ими отъ не-крестьянъ (помѣщиковъ, мелкой штяхты и т. д.) до 1904 г. и составляющей 20% принадлежащихъ крестьянамъ земель. Максимальное число десятинъ пріобрѣтенной крестьянами отъ не-крестьянъ земли находится въ Радомской губ.—157.000 дес., минимальное въ Сувалкской—11.663 дес.

Пріобрѣтеніе крестьянами помѣщичьихъ и другихъ не-крестьянскихъ земель особенно усилилось съ наступленіемъ въ 80 гг. XIX столѣтія сельскохозяйственнаго кризиса, выразившагося въ большомъ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ и поставившаго крупныхъ землевладѣльцевъ въ необходимость уменьшить площадь земель подъ посѣвами хлѣбовъ и продавать часть имѣній, не дающихъ достаточнаго дохода, мѣстнымъ крестьянамъ. Открытіе въ 1890 г. въ Царствѣ Польскомъ отдѣленій крестьянскаго банка позволило малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ пріобрѣтать отъ помѣщиковъ парцеллируемыя послѣдними земли на деньги, получаемыя изъ банка подъ залогъ покупаемой земли. Парцелляція, предпринимаемая въ послѣднее время самимъ банкомъ, еще болѣе облегчила крестьянамъ доступъ къ продаваемой помѣщичьей землѣ. Громадное вліяніе на увеличеніе количества купленныхъ крестьянами помѣщичьихъ земель оказали выходъ польскихъ крестьянъ на заработки на европейскій Западъ и временная эмиграція въ Соединенные Штаты.

Слѣдуетъ замѣтить, что главными покупателями помѣщичьей земли являются не крестьяне-собственники, а безземельные, которые пріобрѣли 42% купленной крестьянами помѣщичьей земли (553.048 дес.). Только въ двухъ губерніяхъ—Сѣдлецкой и Сувалкской количество купленныхъ земель у безземельныхъ крестьянъ оказывается меньшимъ, нежели у крестьянъ-собственниковъ.

Количество владѣній на купленной крестьянами отъ не-крестьянъ землѣ равняется 179.000. Изъ этого количества 121.000—т. е. болѣе $^2/_3$ общаго числа вла-

дѣній на купленной крестьянами у не-крестьянъ землѣ—принадлежитъ къ категоріи средней величины ($1^1/_2$—$7^1/_2$ дес.), 16,6% или 29.819—къ мелкой и 15.6%, или 27.762, къ крупной. Средніе размѣры этихъ участковъ ограничиваются 5 десятинами—отъ 7,2 дес. въ Плоцкой до 3,2 дес. въ Кѣлецкой губ. Такимъ образомъ, средняя величина владѣній на купленной крестьянами землѣ оказывается почти на десятину меньше средняго надѣльнаго хозяйства.

Во владѣніи мелкой шляхты къ 1904 г. находилось въ Царствѣ Польскомъ всего около 6% общей территоріи (651.745 дес.). Мелкошляхетское землевладѣніе сосредоточено преимущественно въ трехъ губерніяхъ—Ломжинской (57 гминъ), Сѣдлецкой (70 гминъ) и Плоцкой (59 гминъ). Мелкой шляхтѣ принадлежитъ 52.993 владѣнія. Большая часть послѣднихъ (46%) принадлежитъ къ категоріи средней величины, 43% къ категоріи крупныхъ (свыше $7^1/_2$ дес.) и 11% къ категоріи мелкихъ владѣній. Средняя величина мелкошляхетскихъ владѣній доходитъ до 12,3 дес., между тѣмъ какъ въ 1873 г. она равнялась 10,8 десятинъ.

Данныя, касающіяся сельскаго безземельнаго пролетаріата Царства Польскаго, собранныя варшавскимъ статистическимъ комитетомъ, относятся къ 1893 г. Хотя эти данныя значительно устарѣли, однако, за неимѣніемъ болѣе новыхъ, мы должны пользоваться ими.

Категорія безземельнаго сельскаго населенія была очень многочисленна въ теченіе всего XIX столѣтія. Къ аграрной реформѣ 1864 г. цифра безземельнаго сельскаго пролетаріата выражалась 1.300.000. Надѣленіе землей въ 1864 г. уменьшило его количество до

220.000. Однако съ того времени онъ опять сталъ быстро возрастать, такъ что въ 1891 г. онъ достигъ почти милліона душъ (13,2% населенія). Такое увеличеніе произошло вслѣдствіе перехода массы крестьянъ-собственниковъ, особенно малоземельныхъ, въ состояніе безземельныхъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ количество безземельныхъ подвергается значительнымъ колебаніямъ.

Варшавская	209.242	21,0%	общ. колич. насел.
Калишская	129.980	18,9%	„ „ „
Кѣлецкая	46.361	7,9%	„ „ „
Ломжинская	32.821	7,8%	„ „ „
Люблинская	93.230	11,5%	„ „ „
Петроковская	79.638	9,8%	„ „ „
Плоцкая	85.134	19,3%	„ „ „
Радомская	45.195	7,7%	„ „ „
Сувалкская	68.427	13,5%	„ „ „
Сѣдлецкая	59.290	10,6%	„ „ „

По занятіямъ сельскій пролетаріатъ Царства Польскаго распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Общ. кол.	общ. чис. без.
Фольварочные рабочіе	369.378	43,5
Поденщики	317.904	37,4
Крестьянскіе рабочіе	18.443	2,2
Ремесленники	53.921	6,3
Фабричные рабочіе	24.856	2,9
Торговцы	4.405	0,5
Лица другихъ профессій	37.711	4,4
Арендаторы и огородники	22.700	2,8

Фольварочные рабочіе составляютъ главный контингентъ сельскаго безземельнаго населенія. По отноше-

нію къ общему числу сельскаго пролетаріата эта категорія составляетъ 43,5%, причемъ это отношеніе по отдѣльнымъ губерніямъ колеблется въ довольно широкихъ размѣрахъ — отъ 32,6% въ Петроковской до 52,2% въ Сѣдлецкой губ. Въ первой изъ этихъ губерній на пониженіе процента фольварочныхъ рабочихъ вліяетъ высокій процентъ фабричныхъ рабочихъ, въ Сѣдлецкой же, напротивъ, процентъ повышается вслѣдствіе незначительности другихъ категорій безземельнаго населенія.

Большинство поденщиковъ точно также работаетъ на помѣщичьихъ фольваркахъ, но они отличается отъ постоянныхъ годовыхъ работниковъ тѣмъ, что получаютъ поденную плату.

Крестьянскіе рабочіе составляютъ небольшую группу среди сельскаго безземельнаго пролетаріата—всего 2,2%, причемъ разница по отдѣльнымъ губерніямъ тутъ весьма значительна. Такъ, Сувалкская губ. въ этомъ отношеніи занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Изъ общаго числа крестьянскихъ работниковъ (18.443) на нее приходится болѣе четверти (4.956).

Изъ общей массы сельскаго безземельнаго населенія рѣзко выдѣляется, какъ по имущественному положенію, такъ и по характеру своей дѣятельности, группа арендаторовъ. Въ противоположность другимъ классамъ безземельныхъ, это не рабочіе,—въ тѣсномъ смыслѣ слова, экономически вполнѣ зависящіе отъ работодателей, но, напротивъ, самостоятельные хозяева, приближающіеся по положенію и образу жизни къ типу крестьянъ-собственниковъ. Впрочемъ, и этотъ классъ арендаторовъ далеко не однороденъ по своему составу. Рядомъ съ вполнѣ обезпеченными зажиточ-

ными хозяевами мы видимъ и такихъ арендаторовъ, которые арендуютъ совершенно ничтожные клочки земли и которые поэтому должны прибѣгать къ посторонниммъ заработкамъ. Иногда даже на аренду приходится смотрѣть прямо какъ на особый видъ вознагражденія, какъ на особый родъ рабочей платы. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда арендная плата взимается владѣльцемъ земли не въ видѣ опредѣленной суммы денежнаго вознагражденія, но когда арендаторъ обязуется работать въ пользу владѣльца земли на другихъ его участкахъ.

Крестьянскія аренды въ Царствѣ Польскомъ составляютъ довольно рѣдкое явленіе. Средняя величина арендуемыхъ участковъ весьма незначительна— 5,45 дес.

Другую группу арендаторовъ составляютъ такъ наз. „огородники“, которые берутъ землю не за денежную плату, но за обязательность работать извѣстное число дней въ году на помѣщичьихъ земляхъ за условленную поденную плату. Эта группа еще малочисленнѣе предыдущей, а пространство земли, которымъ она пользуется, едва превышаетъ 1000 десятинъ, такъ что на одну семью приходится въ среднемъ 0,6 десятинъ.

Малоземельное и безземельное крестьянство даетъ наибольшій контингентъ эмигрантовъ въ Америку и рабочихъ, нанимающихся въ крупныхъ помѣстьяхъ европейскаго запада. Къ сожалѣнію, данныя, касающіяся эмиграціи и выхода на заработки населенія Царства Польскаго, собранныя варшавскимъ статистическимъ комитетомъ, въ высшей степени не полны. Они составлены на основаніи свѣдѣній, собранныхъ городскими, уѣздными и гминными управленіями.

Между тѣмъ значительная часть сельскохозяйственныхъ рабочихъ, отлучающихся на заработки за границу, и большинство эмигрантовъ переходитъ границу нелегально—при помощи контрабандистовъ и спеціальныхъ тайныхъ эмигрантскихъ бюро, охватившихъ сѣтью своей организаціи весь край. Во всѣхъ пограничныхъ пунктахъ Царства Польскаго (и Литвы) существуютъ многочисленные агентуры этихъ бюро, куда направляются эмигранты изъ всѣхъ мѣстностей, охваченныхъ эмиграціоннымъ движеніемъ.

Въ силу этого цифры варшавскаго статистическаго комитета значительно ниже дѣйствительныхъ. По его даннымъ общее число эмигрировавшихъ изъ городовъ и гминъ Царства Польскаго за границу въ 1904 г. равнялось 17.239, отлучившихся же на заработки за границу 149.071 и въ Имперію—4.327.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Результаты разгрома 1863—1864 гг.—Роль эмиграціи.—Международное значеніе польскаго вопроса.—Идеологія буржуазіи.—Развитіе руссификаціи.—Политическое самосознаніе народныхъ массъ. — Настроеніе интеллигенціи. — „Польская Лига“.—Активная оборона.—„Glos“.—Ростъ патріотическаго движенія.—Соціализмъ и его новая программа.—П. П. С.—Національ-демократія.—Партія примирителей и ея дѣятельность.—Докладная записка Имеретинскаго. — Ростъ національ-демократіи и ея эволюція. — Отношеніе къ Россіи.—Вліяніе русско-японской войны. — Революціонная дѣятельность П. П. С.

I.

Неудачный исходъ возстанія 1863 — 64 гг. отразился самымъ роковымъ образомъ на дальнѣйшей судьбѣ польскаго народа. Цвѣтъ молодежи погибъ въ стычкахъ съ русскими войсками. Самые видные и энергичные борцы за національную свободу и интересы крестьянскихъ массъ были повѣшены, разстрѣляны или сосланы въ Сибирь на каторгу и на поселеніе. Правительственная реакція съ ожесточеніемъ уничтожала все, что только казалось подозрительнымъ съ точки зрѣнія интересовъ русской государственности. Невиннѣйшія проявленія самобытности Польши подавлялись, и всѣ

мѣстныя учрежденія съ лихорадочной поспѣшностью замѣнялись явно преслѣдующими цѣль руссификаціи поляковъ.

Польскимъ обществомъ, гонимымъ и преслѣдуемымъ на каждомъ шагу, удрученнымъ роковой неудачей и лишеннымъ самыхъ цѣнныхъ элементовъ, овладѣла гнетущая апатія. Апатичность и полный политическій индифферентизмъ явились самыми характерными чертами того поколѣнія польскаго общества, которое смѣнило борцовъ 1863-го года. И если послѣ также неудачнаго возстанія 1831 г. бодрость настроенія поляковъ, оставшихся на родинѣ, поддерживалась эмиграціей, то послѣ 1863 г. и съ этой стороны польскому обществу нельзя было ожидать помощи.

Послѣ 1831 г. за границу эмигрируетъ 70-ти тысячная армія польскихъ солдатъ, которые, разсѣявшись по Франціи, Англіи и Швейцаріи, ни на одно мгновеніе не разстаются съ планами возобновленія борьбы. Среди эмигрантовъ возникаетъ рядъ сильныхъ организацій, развивающихъ самую энергичную дѣятельность. Пропаганда основаннаго въ 1832 г. „Демократическаго общества“ очень сильно вліяетъ на русскую Польшу, а эмиссары различныхъ революціонныхъ организацій вызываютъ въ ней могучее демократическое движеніе. Если мы припомнимъ еще, что среди эмигрантовъ очутились всѣ лучшія литературныя силы Польши, начиная съ троицы ея величайшихъ поэтовъ—Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго — и кончая историками и критиками вродѣ Лелевеля и Мохнацкаго, то намъ нетрудно будетъ понять, почему вліяніе эмиграціи 1831 г. было такъ велико. Эмиграціонныя изданія проникали въ Польшу и распространялись тамъ въ гро-

мадномъ количествѣ. Ими зачитывались и въ Варшавѣ, и въ Литвѣ, и на юго-восточныхъ окраинахъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Совсѣмъ не то было послѣ разгрома 1863—64 гг. Тутъ ужъ эмигрировали не солдаты по приказу своихъ начальниковъ, а бѣглецы, удрученные неудачей, деморализованные пораженіемъ, лишенные всякой надежды на возможность возобновленія борьбы. Выдающихся личностей, къ голосу которыхъ прислушивалась бы вся Польша, среди этихъ эмигрантовъ не было. Эмигрантскія изданія не имѣли вліянія на далекую родину, да и сами эмигранты понимали, что не имъ руководить дальнѣйшимъ политическимъ развитіемъ Польши. Эта задача оказалась для нихъ совершенно непосильной—тѣмъ болѣе, что и общее положеніе дѣлъ въ Европѣ подверглось кореннымъ измѣненіямъ.

Послѣ 1831 года польскій вопросъ поднимался при всякомъ случаѣ. Этимъ вопросомъ занималась европейская дипломатія, пользуясь имъ въ качествѣ извѣстнаго рода пугала по отношенію къ Россіи. Польская аристократія съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ поддерживала самыя оживленныя сношенія съ правительствами Франціи, Англіи, Турціи и т. д., стараясь подогрѣвать интересъ Европы къ польскому вопросу. Каждая попытка выдвинуть этотъ послѣдній на очередь въ одномъ изъ парламентовъ или же въ какомъ нибудь изъ вліятельныхъ органовъ печати дѣйствовали возбуждающе на польское общество. Такимъ образомъ, всѣ внѣшнія обстоятельства заставляли его интересоваться политическими вопросами и съ нетерпѣніемъ ожидать возобновленія борьбы за независимость, тѣмъ болѣе, что возникающіе отъ времени до

времени слухи о вмѣшательствѣ державъ въ польско-русскія отношенія не позволяли отказываться отъ надеждъ на болѣе благопріятное будущее.

Ничего подобнаго не было послѣ 1863 г. Сношенія эмиграціонныхъ политиковъ съ европейскими правительствами были прерваны. Когда же подъ конецъ 60-хъ годовъ вліяніе Бисмарка стало преобладать на аренѣ международныхъ отношеній, польскій вопросъ былъ снятъ съ очереди, и всякая надежда на помощь Европы должна была исчезнуть. Разсѣялись также и надежды, возлагавшіяся на крестьянство, которое должно было спасти родину своими мозолистыми руками. Русское правительство использовало работу демократовъ-повстанцевъ, санкціонируя провозглашенное ими надѣленіе крестьянъ землею, и превратило аграрную реформу 1864 г. въ средство привлечь польское крестьянство на свою сторону.

Чувствуя свое полное безсиліе, интеллигенція русской Польши, разочарованная и истощенная, порвала со всѣми своими прежними идеалами и мало-по-малу стала вырабатывать новое политическое міросозерцаніе, прямо противоположное традиціонному. Новые политическіе взгляды, возникая подъ впечатлѣніемъ недавней катастрофы, въ то же самое время отражали тѣ коренныя измѣненія, которымъ подвергся соціальный укладъ Царства Польскаго. Новыя силы польскаго общества, занявшія мѣсто старыхъ, создали новую идеологію, пріуроченную къ матеріальнымъ интересамъ выдвинувшагося на первый планъ буржуазнаго класса.

Въ предыдущую эпоху выразителемъ польской національной идеи, ея носителемъ и защитникомъ было среднее помѣстное землевладѣніе. Такъ называемое

„фольварочное“ дворянство сыграло главную роль во время возстанія, поэтому-то на него и обрушились всѣ его послѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и аграрная реформа 1864 г. отразилась прежде всего на благосостояніи именно этого класса польскаго общества, подрывая его значеніе въ національной жизни. Роль „фольварочнаго“ дворянства, такимъ образомъ, свелась почти на нѣтъ, тѣмъ болѣе, что Царство Польское начинаетъ въ высшей степени быстро превращаться изъ страны по преимуществу земледѣльческой въ очагъ крупной капиталистической промышленности.

Наплывъ безземельнаго и малоземельнаго пролетаріата въ такіе города, какъ Варшава, Лодзь, Ченстоховъ, Жирардовъ, Домброва, Сосновицы, Заверце и т. д., усиливается по мѣрѣ развитія въ нихъ крупной промышленности. Промышленные центры Царства Польскаго растутъ со сказочной быстротой. Населеніе ихъ удваивается и утраивается совсѣмъ по-американски. Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ ростъ городской интеллигенціи, всѣ жизненные интересы которой связаны съ развитіемъ крупной промышленности. Эта интеллигенція, вышедшая въ громадномъ большинствѣ случаевъ изъ дворянской среды, становится выразительницей интересовъ и идеаловъ промышленной буржуазіи.

Представители прежнихъ взглядовъ, господствовавшихъ въ польскомъ обществѣ до 1863 г., теряютъ всякое вліяніе. Они не обнаруживаютъ ни способности, ни силъ, необходимыхъ для привлеченія на свою сторону хотя бы части активной интеллигенціи. Поэтому имъ не остается ничего другого, какъ пассивно сохранять въ глубинѣ души воспоминаніе о прежнихъ идеалахъ, въ которые у нихъ самихъ уже нѣтъ вѣры, и

позволить вытѣснить себя со всѣхъ позицій идеологамъ буржуазіи.

Что касается этихъ послѣднихъ, то они выставляютъ совершенно новыя требованія, идущія вразрѣзъ со всѣми традиціями. Слѣдуетъ бросить всѣ романтическіе мечты о возстановленіи Польши путемъ вооруженнаго возстанія, не нужно вообще заниматься политикой, а вмѣсто этого необходимо направить всѣ силы общества на „органическій трудъ“,—говорили публицисты молодого поколѣнія.

Рѣзкая критика всѣхъ проявленій романтизма, стремленіе къ укрѣпленію экономическихъ силъ страны и къ поднятію ея культурнаго уровня, пріобщеніе Польши къ прогрессивнымъ движеніямъ Западной Европы путемъ популяризаціи въ польскомъ обществѣ результатовъ современныхъ научныхъ изслѣдованій—вотъ программа сторонниковъ „органическаго труда“, такъ называемыхъ варшавскихъ позитивистовъ. Эти послѣдніе, собравъ подъ свое знамя всѣ лучшія и самыя талантливыя силы молодого поколѣнія, наносили одинъ за другимъ удары отживавшему романтизму.

Процессъ вытѣсненія идеологіи періода, предшествовавшаго возстанію 1863 г., развивается тѣмъ легче, что романтики не могли противопоставить новому теченію никакой положительной программы. Отличаясь отъ позитивистовъ по своимъ взглядамъ на задачи національной дѣятельности, романтики, точно такъ же, какъ и ихъ противники, совершенно отрицательно относились ко всякой политической борьбѣ.

Между тѣмъ развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ выдвинуло на арену общественной дѣятель-

ности не только идеологовъ буржуазнаго либерализма. Какъ разъ въ то время, когда сторонники программы „органическаго труда“ торжествовали побѣду надъ дискредитированнымъ романтизмомъ, появляются первые идеологи рабочаго класса—пролетаріата.

Подъ конецъ 70-хъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ зарождается соціалистическое движеніе, во главѣ котораго встаютъ люди, прошедшіе школу позитивизма, но отбросившіе его буржуазную идеологію. Руководители первыхъ соціалистическихъ кружковъ въ Польшѣ тѣмъ не менѣе не вполнѣ освободились отъ идейнаго вліянія позитивистовъ. Они, между прочимъ, переняли отъ нихъ лозунгъ воздержанія отъ всякой политической дѣятельности, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, покуда развитіе рабочаго движенія не толкнуло ихъ на путь активной политической борьбы.

Такимъ образомъ, воздержаніе отъ политики было почвой, на которой сходились представители всѣхъ направленій, существовавшихъ въ польскомъ обществѣ до половины 80-хъ гг. минувшаго столѣтія. Консерваторы-дворяне схоронили въ глубинѣ души свои романтическіе идеалы, не думая ихъ реализировать. Либералы-позитивисты говорили, что „въ какомъ бы положеніи ни находилось общество, всегда найдется сфера, въ которой оно можетъ работать себѣ на пользу“. Наконецъ, соціалисты замѣняли политическую программу дня довольно туманными фразами о всеобщей соціальной революціи, которая должна разрѣшить всѣ наболѣвшіе вопросы — какъ политическіе, такъ и соціально-экономическіе.

Между тѣмъ жизнь русской Польши развивалась независимо отъ идеологіи разныхъ группъ польскаго

общества. Руссификаторская дѣятельность правительственныхъ органовъ захватывала все новыя и новыя позиціи по мѣрѣ того, какъ русская бюрократія усиливалась въ краѣ количественно.

Первоначально руссификаціи подверглись только тѣ сферы жизни, съ которыми были тѣсно связаны интересы интеллигентнаго общества. Закрытіе „главной школы“ въ Варшавѣ и замѣна ея университетомъ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, устраненіе польскаго преподаванія изъ среднихъ учебныхъ заведеній и введеніе русскаго языка въ высшія административныя учрежденія — все это давало себя чувствовать только интеллигенціи и болѣе зажиточнымъ классамъ польскаго общества. То же самое можно сказать и относительно чудовищнаго цензурнаго гнета, подъ которымъ изнемогала польская литература и печать.

Однако, мало-по-малу руссификація опускалась все ниже и ниже. Къ концу 70-хъ гг. польскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ городскихъ и сельскихъ училищъ, изъ сельскихъ судовъ и всѣхъ учрежденій самоуправляющейся (на бумагѣ) гмины. Конечная цѣль этой политики въ странѣ, гдѣ никто не думалъ о новомъ возстаніи и гдѣ лозунгъ воздержанія отъ всякой политической борьбы вошелъ въ плоть и кровь общества, сталъ ясенъ для всѣхъ. Польское общество поняло, что дѣло клонится къ полной руссификаціи польскаго элемента.

Правительство старается, съ одной стороны, увеличить количество русскихъ въ Польшѣ, а съ другой — заставить какъ можно больше поляковъ покинуть родину. Съ этой цѣлью поляки-новобранцы высылаются въ коренную Россію или на ея азіатскіе окраины, меж-

ду тѣмъ какъ въ Польшу присылаются русскіе солдаты. Этимъ послѣднимъ дается возможность поселиться въ Польшѣ по окончаніи военной службы. Поляковъ мало-по-малу вытѣсняютъ съ государственной службы въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, и эта мѣра постепенно распространяется на все болѣе и болѣе низкія степени служебной іерархіи. Вся администрація, все судебное вѣдомство очищается отъ поляковъ, которыхъ оставляютъ—да и то лишь до поры, до времени—только на самыхъ низшихъ мѣстахъ. Изъ университета польскій элементъ изгоняется систематически, и поляки не получаютъ въ немъ кафедръ. Полякамъ-преподавателямъ закрывается доступъ и въ гимназіи Царства Польскаго. Наконецъ, и въ народные школы Польши назначаются учителями русскіе, незнакомые съ языкомъ населенія. Очистивъ отъ польскаго элемента школьное и судебное вѣдомства, администрація принимается за изгнаніе поляковъ съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Сначала высшія должности на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ замѣщаются русскими, а затѣмъ руссификація распространяется и на мѣста носильщиковъ и сторожей. Мало того, правительство начинаетъ привозить русскихъ рабочихъ на всѣ производимые въ Польшѣ казной работы, а затѣмъ вводитъ въ обычай требованіе, чтобы лица, получившія концессію на постройки частной желѣзной дороги или моста въ Польшѣ, давали заработокъ извѣстному количеству русскихъ рабочихъ. Всѣ эти мѣры, конечно, способствуютъ количественному росту русскихъ въ Царствѣ Польскомъ, въ то время какъ поляки принуждены эмигрировать въ поискахъ за заработкомъ, котораго они не находятъ дома.

Вмѣстѣ съ такимъ механическимъ вытѣсненіемъ польскаго элемента и замѣной его русскимъ руссификаторская политика правительства стремится въ возможно большему суженію правъ польскаго языка въ учрежденіяхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе публичный характеръ. Банки, фабрики и всякаго рода общества должны вести переписку на русскомъ языкѣ. Отчеты всѣхъ этихъ учрежденій должны печататься по-русски, и только рядомъ съ русскимъ текстомъ можетъ быть помѣщенъ польскій. Всѣ вывѣски должны имѣть русскій текстъ на первомъ мѣстѣ. Въ клубахъ, членами которыхъ состоятъ люди на государственной службѣ, запрещено говорить по-польски. Такое же запрещеніе распространяется и на среднія учебныя заведенія.

Гарантируя русскому элементу въ Польшѣ и Литвѣ господствующее положеніе, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ за нимъ полную безнаказанность. Неслыханныя внѣ „окраинъ“ безобразія, учиняемыя представителями русской бюрократіи, сходятъ ей съ рукъ, несмотря на то, что всѣ эти вопіющія злоупотребленія хорошо извѣстны высшему начальству. Полиція, составляющая одну шайку съ разбойниками и конокрадами и дѣлящаяся выручкой съ ними,—почти обычное явленіе въ Царствѣ Польскомъ. Профессоръ университета, систематически насилующій больныхъ женщинъ и, несмотря на то, что это его преступленіе доказано, продолжающій исполнять свои служебныя обязанности—это одинъ изъ болѣе скромныхъ цвѣтковъ руссификаторской системы въ Польшѣ [1]). Колоссальное взяточничество, раскрадываніе общественныхъ

---

[1]) Дѣло проф. Зенца

капиталовъ, самое нахальное превышеніе власти на каждомъ шагу—вотъ характерныя черты этого режима. И правительство прибѣгаетъ къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ, чтобы не допустить до скандальнаго разоблаченія дѣяній зарвавшагося мѣстнаго сатрапа: можетъ, молъ, пострадать престижъ русской власти на иноплеменной окраинѣ.

Вмѣстѣ съ руссификаціей идетъ энергичное насажденіе православія. Въ 70 хъ гг., путемъ безпримѣрныхъ насилій и страшныхъ преслѣдованій, были „возсоединены“ (на бумагѣ, конечно) сѣдлецкіе и люблинскіе уніаты. Православныя миссіи развиваютъ лихорадочную дѣятельность въ Польшѣ и Литвѣ, причемъ практикуется формальная покупка католическихъ сиротъ съ цѣлью воспитать ихъ въ православіи. Православныя церкви и часовни воздвигаются повсюду, гдѣ имѣется хоть нѣсколько десятковъ православныхъ, причемъ средства на постройку православныхъ церквей должны давать мѣстные жители-католики. Фабриканты и помѣщики принуждены давать строительный матеріалъ на эти церкви и часовни, обыкновенно пустующія вслѣдствіе недостатка въ православныхъ.

Руссификаторскій режимъ даетъ такимъ образомъ чувствовать себя уже всѣмъ слоямъ польскаго населенія, а не однимъ лишь его верхушкамъ, какъ это было до возстанія 1863 г. Польскій крестьянинъ тогда еще вовсе не сталкивался съ проявленіями руссификаціи. И въ школѣ, и въ судѣ, и въ присутственныхъ мѣстахъ господствовалъ польскій языкъ, а тѣ представители русской государственной власти, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, были тоже поляки. Гоненій за вѣру (по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Царства

Польскаго) не было. Вслѣдствіе всего этого не могло быть и рѣчи о національномъ антагонизмѣ польскихъ народныхъ массъ по отношенію къ Россіи. Если же еще прибавить, что аграрная реформа 1864 г. имѣла явно демагогическій характеръ, разсчитанный на то, чтобы привязать польскихъ крестьянъ къ русскому правительству, то намъ станетъ понятнымъ, почему польская народная масса первоначально не только не питала ненависти къ Россіи, но даже чувствовала извѣстнаго рода благодарность за проведенную русскими властями реформу въ области поземельныхъ отношеній.

Однако по мѣрѣ того, какъ руссификаторская система охватывала все новыя и новыя области польской жизни, и польскій крестьянинъ сталъ чувствовать на себѣ результаты этой системы. Угнетеніе католицизма и пропаганда православія не могли не возмущать польскихъ народныхъ массъ, чувствующихъ привязанность къ вѣрѣ отцовъ. Устраненіе польскаго языка и замѣна его русскимъ въ сельскихъ школахъ, судахъ и въ гминномъ самоуправленіи вмѣстѣ съ наплывомъ въ польскія деревни и мѣстечки русскаго чиновничьяго элемента не могло не вызывать у польскихъ крестьянъ антагонизма ко всему русскому. Этотъ антагонизмъ усиливался по мѣрѣ того, какъ крестьянство знакомилось ближе съ результатами злоупотребленій русскихъ властей. Неслыханное взяточничество сельской полиціи, самоуправство крестьянскихъ комиссаровъ и начальниковъ уѣздовъ, противозаконныя дѣйствія всей администраціи,—все это пробуждаетъ ненависть къ русскому владычеству.

Мало-по-малу жизнь польской деревни усложняется.

Эмиграція на заработки въ города, въ Пруссію и въ Америку, столкновенія съ помѣщиками на почвѣ аграрной неурядицы, парцелляція и другія подобныя явленія заставляютъ польское крестьянство все чаще и чаще сталкиваться съ русской правительственной властью. И каждое такое столкновеніе усиливаетъ взаимный антагонизмъ. „Благодѣяніе“ 1864 г. довольно скоро забывается, а благодарность за аграрную реформу замѣняется глухой ненавистью, представляющей очень благодарную почву для всякой антиправительственной пропаганды. Къ концу 80 гг. польскій крестьянинъ перестаетъ быть „единственнымъ оплотомъ русскаго господства въ Царствѣ Польскомъ“ (какъ въ этомъ сознаются сами русскіе администраторы). Изъ зрителя, пассивно относившагося ко всѣмъ политическимъ явленіямъ, волновавшимъ польское общество, польскій мужикъ постепенно превращается въ элементъ, стремящійся къ активной дѣятельности и становится матеріаломъ, на который могутъ опереться политическія группы, борющіяся съ правительствомъ.

Еще скорѣе, нежели крестьянство, созрѣваетъ политически польскій рабочій классъ, приходя къ сознанію своего антагонизма по отношенію къ Россіи. Въ этомъ классѣ всегда были живы традиціи возстаній, въ которыхъ польскіе рабочіе и ремесленники (особенно въ Варшавѣ) принимали дѣятельное участіе. Ненависть къ русскому владычеству, не исчезавшая въ городскомъ населеніи, прививалась и тѣмъ элементамъ, которые стекались въ города изъ деревень. Развитіе соціалистическаго движенія привело къ постояннымъ столкновеніямъ польскаго рабочаго съ русскими властями, защищающими интересы фабрикантовъ. Съ 1878 г. аре-

сты рабочихъ въ Варшавѣ не прекращаются. Процессы, заканчивающіеся массовой высылкой рабочихъ, забастовки и волненія, подавляемыя вооруженной силой,— все это способствовало пробужденію среди польскаго пролетаріата сознанія, что главный его врагъ—это русское правительство.

Само собой разумѣется, что руссификаторскій режимъ сильнѣе всего давалъ себя чувствовать польской интеллигенціи. Онъ наносилъ ей одинъ ударъ за другимъ, подкапывая ея матеріальные и интеллектуальные интересы. Вытѣсняемая отовсюду русскими пришельцами, принуждаемая покидать родной край для куска хлѣба, лишенная даже тѣхъ ничтожныхъ правъ, которыми пользовалось русское общество, стѣсняемая на каждомъ шагу въ своей общественной и культурной дѣятельности, польская интеллигенція не могла не чувствовать ненависти къ системѣ, которая ее давила самымъ немилосерднымъ образомъ. И вотъ, изъ среды этой интеллигенціи выходятъ группы и организаціи, совершенно порывающія съ традиціей политическаго индифферентизма. Лозунгъ активной обороны пріобрѣтаетъ громадную популярность среди интеллигентной среды, еще такъ недавно шедшей за позитивистами.

Во второй половинѣ 80 гг. зарождается польское націоналистическое движеніе съ совершенно опредѣленными политическими цѣлями. Нѣсколько лѣтъ спустя и соціализмъ становится на почву конкретной политической программы, пріуроченной къ реальнымъ условіямъ жизни пролетаріата Царства Польскаго подъ гнетомъ русскаго самодержавія. Въ концѣ концовъ являются на сцену и консервативно-либеральныя группы съ программой національной политики. Однимъ сло-

вомъ, политическій индифферентизмъ, господствовавшій надъ польскимъ обществомъ слишкомъ двадцать лѣтъ, смѣняется кипучей политической дѣятельностью различныхъ группъ, отражающихъ настроеніе тѣхъ или другихъ классовъ польскаго общества.

II.

Въ 1886 г. среди польскихъ эмигрантовъ, ютившихся въ Швейцаріи, возникла тайная патріотическая организація „Польская Лига“, которая сгруппировала весьма разнообразные элементы, начиная съ умѣренныхъ демократовъ и кончая соціалистами національнаго оттѣнка. Цѣли этой организаціи были слѣдующимъ образомъ формулированы въ ея уставѣ [1]).

„Отдѣлъ I. § 1. Задачей лиги является подготовка и концентрація всѣхъ національныхъ силъ для возстановленія независимости Польши въ границахъ, существовавшихъ до ея раздѣловъ, на федеративныхъ началахъ, причемъ обращается вниманіе и на тѣ части Рѣчи Посполитой, которыя отпали отъ нея раньше... Отдѣлъ II. § 11. Принципъ, которымъ будетъ руководиться „Централизація“ (руководящій органъ лиги) и который она будетъ внушать обществу, состоитъ въ томъ, что польскій народъ не можетъ разсчитывать ни на какую помощь извнѣ, пока, путемъ выработки въ себѣ силъ и проявленія таковыхъ, не создастъ для себя

[1]) Этотъ уставъ былъ опубликованъ въ Краковѣ въ 1903 г., и съ этого времени онъ пересталъ быть тайнымъ.

политическаго кредита... „Централизація“ будетъ бороться съ той несбыточной мечтой, будто Европа сама выдвинетъ съ теченіемъ времени на очередь польскій вопросъ. „Централизація“ будетъ распространять убѣжденіе, что мы сами должны постараться развить столько силъ и достигнуть такого значенія, чтобы принудить европейскія государства считаться съ нами. Вѣра въ собственныя силы и соотвѣтственное примѣненіе этихъ послѣднихъ позволитъ намъ сообразоваться съ обстоятельствами и пользоваться ими для нашихъ цѣлей. § 15. „Централизація“ должна обдумать и подготовить всѣ средства активнаго національнаго выступленія въ подходящее время. Она должна стараться не только предвидѣть но, по мѣрѣ возможности, и вызывать тѣ событія, которыя облегчали бы намъ защиту національныхъ интересовъ. § 16. Если бы оказалось невозможнымъ сразу возсоединить всѣ части Польши въ одно политическое цѣлое, то слѣдуетъ стараться, чтобы эти части соединялись постепенно, по мѣрѣ возможности и сообразно обстоятельствамъ. § 17. Пока Польша находится подъ иноземнымъ господствомъ, „Централизація“ должна стараться объ укрѣпленіи польскаго элемента и защищать его какъ отъ чуждыхъ вліяній, такъ и отъ правительственныхъ гоненій, прибѣгая къ соотвѣтствующимъ мѣрамъ и пуская въ ходъ насилія и угрозы, если это окажется необходимымъ. § 18. Въ тѣхъ государствахъ, раздѣлившихъ Польшу, въ которыхъ поляки принимаютъ участіевъ политической жизни, „Централизація“ будетъ поддерживать союзъ съ тѣми партіями другихъ національностей, которыя могутъ намъ гарантировать извѣстныя политическія или экономическія выгоды... Въ государствахъ, гдѣ общество не допущено къ уча-

стію въ политической жизни, „Централизація“ будетъ поддерживать революціонную дѣятельность, стремящуюся къ перемѣнѣ правительственной системы или же къ ниспроверженію правительства. § 19. Одной изъ самыхъ важныхъ заботъ „Централизаціи“ будетъ: обезпечить за Польшей голосъ и установить заранѣе ея роль на случай войны между государствами, раздѣлившими Польшу. Для этой цѣли „Централизація“ приготовитъ проектъ и планы какъ административной, такъ и военной организаціи, кадры которой должны заранѣе существовать и дѣйствовать подъ руководствомъ провинціальныхъ комитетовъ. § 25. Имѣя въ виду прежде всего революціонную дѣятельность, „Централизація“ не преминетъ, однако, употребить свое вліяніе на поддержку народнаго просвѣщенія, благосостоянія обездоленныхъ массъ и вообще на развитіе національныхъ силъ въ соціальной и экономической области“.

Вышеприведенные отрывки изъ пространнаго устава лиги въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ направленіе, которое довольно скоро пріобрѣло сильное вліяніе въ польскомъ обществѣ и создало одну изъ главныхъ дѣйствующихъ нынѣ въ Польшѣ партій.

Однимъ изъ руководителей лиги, извѣстнымъ писателемъ Сигизмундомъ Милковскимъ (Т. Т. Ежъ) была издана въ Парижѣ (1887 г.) брошюра подъ заглавіемъ „Объ активной оборонѣ и національномъ фондѣ“. Авторъ этой брошюры характеризуетъ упадокъ духа польскаго общества послѣ возстанія 1863 г. и говоритъ, что поляки въ своей пассивности дошли не только до отказа отъ своихъ національныхъ правъ, но и до попранія всѣхъ традиціонныхъ стремленій. И все-таки эта тактика не спасла ихъ отъ постоянно усиливающейся

руссификаціи въ Россіи и германизаціи въ Пруссіи. Слѣдуетъ поэтому вернуться къ активной оборонѣ, если поляки не хотятъ погибнуть окончательно. Слѣдуетъ выйти изъ рамокъ легальности и бороться съ угнетателями всѣми доступными средствами. Чтобы, однако, эта борьба была успѣшна, необходимы деньги, необходимъ спеціальный фондъ, поддерживающій національную борьбу. Созданіе національнаго фонда, который сыгралъ бы въ польской жизни ту же роль, которая выпала на долю ирландскихъ фондовъ въ Америкѣ, является поэтому самой настоятельной необходимостью.

Брошюра С. Милковскаго произвела очень сильное впечатлѣніе и распространилась весьма широко, пробуждая повсюду желаніе содѣйствовать политическому возрожденію Польши хотя бы путемъ сбора пожертвованій на польскій національный фондъ, который дѣйствительно былъ вскорѣ основанъ при польскомъ историческомъ музеѣ въ Рапперсвилѣ, неподалеку отъ Цюриха. Успѣхъ брошюры Милковскаго свидѣтельствовалъ наглядно о томъ, что въ средѣ польской интеллигенціи уже существовали элементы, готовые встать на почву революціоннаго патріотизма.

Среди этихъ-то элементовъ и стала дѣйствовать „Лига“ (переименовавшаяся вскорѣ изъ польской въ „національную“) сначала за границей, а затѣмъ и въ Царствѣ Польскомъ, главнымъ образомъ, между молодежью, для которой „Лигой“ былъ основанъ спеціальный „Союзъ польской молодежи“. Неопредѣленность соціально-экономической физіономіи „Лиги“ позволяла ей на первыхъ порахъ оказывать вліяніе на самые разнообразные элементы общества—конечно, болѣе или менѣе демократическіе, такъ какъ только среди послѣд-

нихъ и возможна была пропаганда активнаго, революціоннаго патріотизма.

Къ „Лигѣ“ примыкали почти всѣ тѣ многочисленные кружки и организаціи, которые задались цѣлью нести просвѣщеніе въ польскія народныя массы. Самая главная изъ этихъ организацій, тайное „Общество народнаго просвѣщенія“, хотя и сохраняла полную самостоятельность, но тѣмъ не менѣе поддавалась вліянію „Лиги“. Вообще, изъ среды чисто-культурныхъ работниковъ на почвѣ просвѣтительной дѣятельности въ деревняхъ „Лига“ вербовала самыя цѣнныя силы и для своей политической работы, тѣмъ болѣе, что „Лига“ рѣшила опереться именно на сельское населеніе.

Въ концѣ 1886 года въ Варшавѣ сталъ выходить еженедѣльный журналъ „Голосъ“ (Glos), вокругъ котораго сгруппировались всѣ литературныя силы радикально-демократическаго лагеря, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ тяготѣвшія къ программѣ „Лиги“. Въ своемъ программномъ заявленіи редакція „Голоса“ констатировала хаосъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ польскаго общества, банкротство прежнихъ политическихъ программъ внутренней политики, отсутствіе опредѣленныхъ цѣлей національной жизни и полную побѣду самаго близорукаго оппортунизма. „Голосъ“ предлагалъ обществу новую программу, признающую народъ главной составной частью націи. „Призванный самостоятельно развиваться при новыхъ условіяхъ, народъ,—писалъ „Голосъ“,—развивается благодаря собственнымъ своимъ силамъ и стремится къ гражданскому самосознанію. Мы должны признать громадное значеніе этого процесса, слить съ его развитіемъ всѣ жизненные интересы страны, бороться съ предразсуд-

ками, затемняющими его значеніе и сбивающими съ толку нашу интеллигенцію. Отсюда выводъ, что интересы и потребности нашего народа должны руководить нашей дѣятельностью. Становясь на почву реальныхъ интересовъ народа, мы будемъ рѣшительно отвергать претензіи тѣхъ, кто, дѣйствуя во имя тысячелѣтней культуры и традиціи, не хочетъ знать и не помнитъ, что идеалы этой традиціи и формы этой культуры чужды большей части націи".

Исходя изъ этихъ положеній, „Голосъ", обѣщалъ, съ одной стороны, поддерживать всѣ усилія, направленныя на освобожденіе труда, а съ другой — „бороться съ апостолами космополитическаго соціализма, которые не помнятъ, что у народа собственное своеобразное понятіе о счастьи, не укладывающееся въ рамки абстрактныхъ или перенесенныхъ съ чуждой для насъ почвы формулъ". Мы вѣримъ въ силу и жизнеспособность нашего соціальнаго организма,—заявляетъ „Голосъ" и обѣщаетъ вести политику реальныхъ интересовъ, поскольку они совмѣстимы съ сохраненіемъ національнаго достоинства.

„Голосъ" былъ проявленіемъ реакціи противъ политическаго индифферентизма предыдущаго поколѣнія точно также, какъ и „Лига". „Голосъ" и „Лига" дополняли другъ друга взаимно, хотя между ними и были извѣстныя различія во взглядахъ. „Голосъ" въ первомъ фазисѣ своего развитія стремится прививать польскому обществу идеи русскаго народничества въ то время, какъ „Лига" жила традиціями прежней польской эмиграціонной демократіи. Однако, мало-по-малу эти различія сглаживаются и постепенно возникаетъ одинъ общій лагерь активнаго патріотизма, который вскорѣ

долженъ былъ принять форму политической партіи съ вполнѣ опредѣленной программой.

Русская цензура относилась снисходительно къ радикализму „Голоса“, пока онъ выступалъ противъ „традицій“. Однако, это отношеніе очень скоро смѣнилось систематическими преслѣдованіями, какъ только въ немъ стали появляться статьи съ замаскированной національной тенденціей. Всякая дѣятельность въ этомъ направленіи становится совершенно невозможной на легальной почвѣ. Поэтому является необходимость создать нелегальный органъ, который могъ бы высказываться вполнѣ свободно по всѣмъ вопросамъ, интересующимъ польское общество.

И вотъ, въ 1892 — 94 гг. въ Галиціи появляется рядъ брошюръ подъ общимъ названіемъ „Изъ современности“ (Z dzisiejszej doby), разсматривающихъ съ національной точки зрѣнія всѣ наиболѣе злободневные въ то время вопросы. Тутъ разбирались причины и результаты устраненія польскаго элемента съ желѣзныхъ дорогъ Царства Польскаго, характеризовалось отношеніе русскаго правительства къ духовенству и къ рабочему классу, предлагались разнообразные формы національныхъ манифестацій, дебатировались вопросы тактики національной партіи и т. д. Появилась и программная брошюра—„Нашъ патріотизмъ“, высказывавшая взгляды будущей „національной демократіи“, формировавшейся изъ сторонниковъ „Голоса“ подъ эгидой „Лиги“.

Взгляды, высказываемые во всѣхъ этихъ брошюрахъ, не отличались ни ясностью, ни послѣдовательностью. Рядомъ съ антиклерикальной брошюрой подъ той же фирмой выходила такая, которая приглашала

общество сомкнуться вокругъ католической церкви, какъ національной. Одна изъ брошюръ признаетъ классовое рабочее движеніе явленіемъ весьма отраднымъ и желательнымъ, другая относится къ нему крайне отрицательно. И тѣ цѣли, къ которымъ авторы этихъ брошюръ желаютъ направить общество, очень туманны. Отрицая цѣлесообразность вооруженнаго возстанія, какъ ведущаго къ болѣе или менѣе серьезнымъ бунтамъ, въ которыхъ нація будетъ терять наилучшія силы, они проповѣдуютъ „хроническую революцію“ вродѣ ирландской. Однако, видно, что авторы „Изъ современности“ не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ должна выглядѣть эта „хроническая революція“ въ Польшѣ.

Они хотятъ опереться на всѣ безъ исключенія недовольные элементы польскаго населенія. Желѣзнодорожные и другіе служащіе, сотнями выбрасываемые на мостовую для того, чтобы очистить мѣсто православнымъ; купцы и промышленники, тѣснимые возрастающей конкуренціей русской торговли и промышленности; рабочіе, у которыхъ отбиваютъ заработокъ тысячи рабочихъ, привезенныхъ изъ Россіи; крестьяне, обремененные податями и налогами, страдающіе отъ самоуправства и эксплоатаціи чиновниковъ и полиціи,— вотъ на кого разсчитываютъ издатели „Нашего патріотизма“. Они хотятъ использовать для цѣлей національной политики религіозныя преслѣдованія, гоненія на польскій языкъ въ школѣ, въ присутственномъ мѣстѣ, въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, на улицѣ, ужасный гнетъ цензуры, тормозящей развитіе прессы и литературной дѣятельности, запрещеніе основывать невиннѣйшія общества, — однимъ словомъ все, что

принесло съ собой въ Польшу господство русской бюрократіи.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ патріотическое движеніе, руководимое „Лигой“, охватываетъ значительную часть интеллигенціи. Оно проявляется въ распространеніи многочисленныхъ прокламацій, въ манифестаціяхъ, пріуроченныхъ къ годовщинамъ различныхъ историческихъ событій, и, наконецъ, въ уличныхъ демонстраціяхъ. Это приводитъ къ закрытію „Голоса“, къ массовымъ арестамъ среди патріотической интеллигенціи и къ эмиграціи въ Галицію главныхъ руководителей движенія.

Ростъ патріотическаго движенія, руководимаго „Лигой“, совпалъ съ эпохой затишья въ польскомъ соціалистическомъ движеніи, которое переживало серьезный внутренній кризисъ. Послѣ разгрома соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“, дѣйствовавшей въ союзѣ съ „Народной волей“, соціалистическое движеніе въ Польшѣ пошло на убыль. Ни одна изъ возникшихъ послѣ 1886 г. соціалистическихъ организацій не смогла стать тѣмъ, чѣмъ былъ „Пролетаріатъ“ въ первую половину 80-хъ гг. Польское соціалистическое движеніе ослабѣло не только матеріально—вслѣдствіе провала всей организаціи, казней и высылокъ всѣхъ виднѣйшихъ представителей партіи. Оно кромѣ того извѣрилось въ цѣлесообразности того пути, по которому до сихъ поръ слѣдовало.

Достиженіе полнаго соціальнаго переворота путемъ террористической борьбы, веденной рука объ руку съ „Народной волей“, оказалось совершенно несбыточнымъ. „Народная воля“ пала—палъ и „Пролетаріатъ“, не осуществивъ своихъ задачъ. Тактика „Народной

воли“ и „Пролетаріата“ подверглась критикѣ, и новые соціалистическіе кружки, возникавшіе въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ гг., уже не были склонны къ ея примѣненію.

Реакція, черной тучей окутавшая весь горизонтъ Россіи, дѣйствовала самымъ удручающимъ образомъ. Всѣ понимали, что о побѣдѣ горсти заговорщиковъ, опирающихся хотя бы и на многочисленные кружки сознательныхъ рабочихъ, не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовало искать новыхъ путей, новыхъ формъ движенія, такъ какъ старыя не оправдали ожиданій— таково было убѣжденіе соціалистовъ, принявшихся за работу на развалинахъ „Пролетаріата“. Но гдѣ искать этихъ новыхъ путей, какія формы придать возрождающемуся движенію—насчетъ этого господствовали самыя разнообразныя мнѣнія. Въ лагерѣ польскихъ соціалистовъ были и сторонники полнаго отказа отъ политики, желавшіе организовать легальную, или хоть полулегальную, экономическую борьбу труда съ капиталомъ. Въ немъ были и приверженцы политической борьбы, отрицавшіе необходимость террористической тактики, и террористы, говорившіе о значеніи террора, но не примѣнявшіе его на дѣлѣ. Рядомъ съ космополитами встрѣчались и патріоты, понимавшіе соціализмъ какъ способъ осуществленія національно-польскихъ идеаловъ. Однимъ словомъ, господствовалъ полный хаосъ, въ которомъ представители отдѣльныхъ фракцій ожесточенно полемизировали другъ съ другомъ.

Выходу польскаго соціалистическаго движенія изъ этого тупика способствовали факты рабочей жизни, совершенно неожиданно толкнувшіе движеніе на новый путь. Какъ извѣстно, въ 1889 г. на международномъ

соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ было рѣшено праздновать ежегодно день 1-го мая въ качествѣ праздника, объединяющаго пролетаріатъ всего міра. Это рѣшеніе было съ энтузіазмомъ принято польскими рабочими, и вотъ уже въ слѣдующемъ, 1890 г. въ Варшавѣ въ день 1-го мая бастуютъ 8.000 рабочихъ. Въ 1891 г. въ первомайской манифестаціи принимаютъ участіе, кромѣ Варшавы, Жирардовъ и Лодзь. Въ Жирадовѣ войска стрѣляютъ въ народъ. Наступаетъ періодъ рабочихъ забастовокъ, дѣятельно поддерживаемыхъ соціалистическими организаціями. 1892 годъ ознаменовался колоссальнымъ по своимъ размѣрамъ движеніемъ рабочихъ Лодзи и всего лодзинскаго округа. Празднованіе 1-го мая, при участіи болѣе 100.000 рабочихъ, превращается въ открытое возмущеніе. Лодзь на нѣкоторое время очутилась всецѣло въ рукахъ забастовавшихъ рабочихъ, которые вытѣсняютъ изъ города войска. Порядокъ былъ возстановленъ послѣ кровопролитной борьбы, стоившей сотни рабочихъ жизней.

Всѣ эти событія подѣйствовали прямо ошеломляющимъ образомъ на польское общество. Фабриканты Лодзи и Варшавы обратились къ русскому правительству съ предложеніемъ сократить рабочій день на фабрикахъ и заводахъ. Соціалистическія организаціи поняли, какую громадную силу представляетъ въ Польшѣ пролетаріатъ и какую громадную роль можетъ сыграть партія, которая выступитъ отъ имени этого пролетаріата въ защиту его насущныхъ потребностей, интересовъ и идеаловъ. Сознаніе необходимости существованія въ Польшѣ одной сильной партіи, стоящей на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата и могущей осуществлять широкія политическія задачи, начи-

наетъ проникать во всѣ соціалистическіе кружки. И вотъ осенью 1892 г. въ Парижѣ съѣхались представители четырехъ существовавшихъ въ то время въ русской Польшѣ соціалистическихъ организацій, чтобы выработать новую общую программу, положить конецъ разъѣдающему соціалистическій лагерь расколу.

Программа, выработанная парижскимъ съѣздомъ 1892 г., возникла подъ сильнымъ идейнымъ вліяніемъ органа „Przedswit“ („Предъ разсвѣтомъ“), издаваемаго въ Лондонѣ группой эмигрантовъ, сторонниковъ „Пролетаріата“. „Пшедсвитъ“—единственный въ то время польскій соціалистическій органъ, предназначенный для русской Польши, анализировалъ существовавшія въ Россіи оппозиціонныя силы, давалъ оцѣнку соціально-политическаго развитія Польши и русскаго государства, подвергалъ критикѣ программы русскихъ конституціоналистовъ либеральнаго и революціоннаго лагерей, полемизировалъ со взглядами польскихъ патріотовъ различныхъ оттѣнковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомилъ польскую публику съ основными задачами и цѣлями западно-европейской соціалъ-демократіи. Мало-по-малу на страницахъ „Пшедсвита“ выяснились отдѣльные пункты той программы, которая была принята на парижскомъ съѣздѣ и затѣмъ стала достояніемъ польской соціалистической партіи, основанной въ 1893 г. путёмъ сліянія всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ соціалистическихъ организацій.

Эта программа гласила: Польская соціалистическая партія въ качествѣ политической организаціи польскаго рабочаго класса, борящагося за освобожденіе изъ-подъ ига капитализма, стремится прежде всего къ уничтоженію современнаго политическаго рабства

и къ завоеванію власти для пролетаріата. Въ этомъ стремленіи ея цѣлью является независимая демократическая республика, политическая и экономическая организація которой осуществляла бы требованія, выставляемыя всѣмъ международнымъ соціалъ-демократическимъ лагеремъ. Польская соціалистическая партія не видитъ возможности осуществленія какого нибудь изъ пунктовъ своей программы, пока надъ Польшей тяготѣетъ двойное иго: русскаго завоеванія и самодержавія. Единственный выходъ изъ этого положенія— это революція, вооруженное возстаніе, для котораго слѣдуетъ исподволь подготовлять всѣ силы пролетаріата.

Новымъ элементомъ въ программахъ польской соціалистической партіи (P. P. S.=П. П. С., какъ обыкновенно принято ее называть) было требованіе независимой польской республики въ качествѣ гарантіи дальнѣйшаго развитія соціализма въ Польшѣ. Включеніе этого требованія въ программу на первыхъ порахъ вызвало рядъ недоразумѣній. Соціалистамъ, воспитаннымъ на традиціяхъ „Пролетаріата“, этотъ пунктъ казался результатомъ измѣны дѣлу освобожденія пролетаріата, дѣлу революціи. П. П. С. превратилась въ патріотическую партію—говорили многіе, не понимая, что требованіе независимой польской республики въ интересахъ пролетаріата совершенно совмѣстимо съ классовой точкой зрѣнія рабочей партіи. Дѣло дошло до того, что вскорѣ послѣ образованія П. П. С. изъ ея состава вышла группа, образовавшая т. н. „Соціалъ-демократію Царства Польскаго“ *). Что же касается

*) Эта группа вернулась въ 1895 г. обратно въ П. П. С. Затѣмъ въ 1900 г. она опять возрождается, и къ 1904 г. получаетъ извѣстное значеніе въ рабочей жизни.

лагеря радикально настроенныхъ патріотовъ, находящихся подъ вліяніемъ „Лиги“, то они съ нескрываемой радостью привѣтствовали новую соціалистическую программу, видя въ ней гарантію присоединенія организованной массы рабочихъ къ общенаціональной революціонной арміи. Въ виду этого, крайняя лѣвая національной партіи, состоящая изъ людей съ нѣкоторыми соціалистическими симпатіями, стала громко говорить о своей солидарности съ П. П. С.

Однако, это продолжалось недолго. Дѣятельность П. П. С. среди рабочихъ массъ быстро разсѣяла всѣ недоумѣнія. Націоналистамъ „Лиги“ очень скоро пришлось разстаться съ мечтаніями о превращеніи П. П. С. въ „рабочее отдѣленіе общенаціональнаго лагеря“, и первоначальныя симпатіи „Лиги“ къ П. П. С. уступили мѣсто явно враждебному отношенію. Антагонизмъ между П. П. С. и „лигой“ постоянно возрастаетъ — по мѣрѣ расширенія дѣятельности первой. Вскорѣ этотъ антагонизмъ переходитъ въ открытую борьбу, не прекращающуюся и понынѣ.

Новая программа польскаго соціалистическаго движенія была результатомъ сознанія силы, таящейся въ польскомъ пролетаріатѣ, и вѣры въ эту силу. Съ другой стороны, въ дѣлѣ выработки и упроченія новой программы немаловажную роль сыгралъ пессимистическій взглядъ на ходъ развитія Россіи вообще и русскаго революціоннаго движенія въ частности.

Возникновеніе и быстрый ростъ П. П. С. въ первую половину девяностыхъ годовъ совпадаетъ съ эпохой полнаго затишья въ Россіи. „Народная воля“ была разгромлена, а ея эпигоны не могли и мечтать о возобновленіи дѣятельности въ прежнихъ размѣрахъ.

Реакція, наступившая въ началѣ 80-хъ гг., не только не ослабѣвала, но даже усиливалась, подавляя всякія проявленія самодѣятельности общества. И либеральное, и соціалистическое движеніе были вполнѣ безсильны. Прежнія программы оказались несостоятельными, новыя еще не успѣли сложиться.

Въ то время какъ въ Польшѣ замѣчается извѣстный подъемъ духа, дающій возможность политическимъ партіямъ упрочиться и быстро пріобрѣтать вліяніе, въ Россіи всеобщая реакція вызываетъ удрученное состояніе общества, убиваетъ въ немъ интересъ къ политической дѣятельности. Толстовщина съ ея „непротивленіемъ злу“ находитъ въ русскомъ обществѣ благодарную почву для своего развитія. О подготовленности рабочихъ массъ къ воспріятію идей политической борьбы не могло быть и рѣчи, и первымъ русскимъ глашатаямъ соціалъ-демократическаго ученія,— группѣ „Освобожденія труда“ — приходится пока-что дѣйствовать среди учащейся за границей молодежи, чтобы такимъ путемъ исподволь подготовлять почву для такого же движенія, какое охватило польскія пролетарскія массы съ конца 80-хъ годовъ.

П. П. С. направила всѣ свои силы на агитаціонную и организаціонную работу среди пролетаріата главныхъ промышленныхъ центровъ Польши. Варшава, Радомъ, домбровскій каменноугольный районъ, Бѣлостокъ, затѣмъ лодзинскій округъ—вотъ очаги дѣятельности П. П. С., которая быстро расширяетъ свои связи, создаетъ повсюду центры пропаганды и агитаціи и направляетъ въ среду рабочаго класса громадное количество соціалистической литературы. Съ 1894 г. начинаетъ выходить органъ П. П. С. „Работникъ“,

сыгравшій въ польскомъ рабочемъ движеніи прямо-таки историческую роль. П. П. С. руководитъ постоянно разростающимся рабочимъ движеніемъ, формулируетъ требованія рабочихъ во время стачекъ и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы развить и укрѣпить политическое сознаніе массъ. Очень скоро П. П. С. становится вліятельнымъ факторомъ польской жизни, къ голосу котораго прислушивается все общество. Небольшой первоначально кружокъ лицъ, сильный своими связями въ рабочей средѣ, начинаетъ создавать вокругъ себя атмосферу симпатіи, привлекающую къ нему лучшія, активныя силы революціонно-настроеннаго молодого поколѣнія, которое становится въ ряды борцовъ П. П. С. Престижъ „Лиги“ начинаетъ падать, по крайней мѣрѣ, въ этой сферѣ, и П. П. С. безъ большихъ усилій удается дискредитировать программу „Лиги“ въ глазахъ прогрессивной части общества.

Въ самый разгаръ развитія П. П. С. національные кружки, находящіеся подъ вліяніемъ „Лиги“, сплачиваются въ партію, принимающую названіе „націоналъ-демократіи“ (Narodowa Demokracya). Бывшіе руководители варшавскаго „Голоса“, переселившись въ Галицію, основываютъ тамъ ежемѣсячное изданіе „Всепольское Обозрѣніе“ („Przeglad Wszechpolski“), которое стало для польскаго націонализма тѣмъ, чѣмъ былъ лондонскій „Пшедсвитъ“ для соціалистическаго движенія. Въ этомъ журналѣ вырабатываются основные принципы программы польской націоналъ-демократіи. Самая программа въ окончательномъ видѣ появилась во „Всепольскомъ Обозрѣніи“ въ 1896 г.

Въ своей программѣ націоналъ-демократія (н.-д.) говоритъ, что она стремится къ развитію національной

жизни и будетъ поддерживать все, что приближаетъ польскую націю къ независимости. Главной политической задачей партіи является осуществленіе независимости и созданіе самостоятельнаго польскаго государства, такъ какъ единственной формой политическаго существованія, могущей безусловно гарантировать націи свободную жизнь, предотвратить денаціонализацію и обезпечить за народомъ самостоятельное культурное и политическое развитіе является собственное національное государство. Политическое раздѣленіе разлагаетъ силы націи, уменьшаетъ значеніе и успѣшность ея культурной работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ чуждому государству, даже на основѣ автономіи, не только связываетъ свободу дѣйствій націи, но дѣлаетъ прямо-таки невозможнымъ полное развитіе національной жизни. Что же касается способовъ завоеванія независимости Польши, то программа 1896 г. говоритъ, что въ данный моментъ ихъ нельзя представить вполнѣ конкретно. „Національная программа сводится къ тому, — писало „Всепольское Обозрѣніе“, — чтобы, исходя изъ существующихъ политическихъ условій, осуществить максимальную сумму національныхъ требованій, чтобы измѣнять эти условія такимъ образомъ, чтобы они все болѣе и болѣе стали отвѣчать духу нашего народа и его потребностямъ, приближая постепенно тотъ моментъ, когда мы будемъ въ состояніи развить національную жизнь во всемъ ея объемѣ“. Вся программа 1896 г. уснащена подобными туманными и расплывчатыми фразами, которыя можно толковать самымъ различнымъ образомъ. Поэтому, желая уяснить себѣ истинный характеръ н.-д., необходимо разсмотрѣть цѣлый рядъ статей „Всепольскаго Обозрѣнія„

и по нимъ прослѣдить эволюцію этой партіи отъ революціоннаго патріотизма съ ярко-демократической окраской до реакціоннаго націонализма и крайняго оппортунизма. Я займусь этимъ ниже, когда мнѣ придется говорить о роли н.-д. въ концѣ 90-хъ годовъ и въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія.

Такимъ образомъ внутреннее развитіе польскаго общества при существованіи самаго ужаснаго руссификаторскаго режима въ концѣ царствованія Александра III выдвинуло на арену политической жизни двѣ активныя партіи, соперничающія изъ-за вліянія на всѣ жизнеспособные элементы польскаго населенія. Рабочій классъ и очень небольшой сравнительно кругъ интеллигенціи вмѣстѣ съ большей частью прогрессивной молодежи входилъ въ сферу вліянія П. П. С. Значительная часть интеллигенціи и тѣ сферы крестьянства и мелкой буржуазіи, въ которыхъ велась культурная работа представителями этой интеллигенціи, примыкали къ н.-д. Внѣ сферъ вліянія этихъ партій оставались: крупная буржуазія и помѣстное дворянство. Эти элементы почти до второй половины 90-хъ годовъ были совершенно индифферентны ко всякой политической дѣятельности. Но съ этого времени и они начинаютъ проявлять значительную политическую активность, что вскорѣ приводитъ къ появленію новой, вліятельной партіи.

III.

Въ зачаточномъ состояніи эта партія существовала со второй половины 70 гг., но внѣшнія условія до такой степени не благопріятствовали ея росту, что она такъ и осталась недоразвившимся эмбріономъ до половины 90 гг.—до вступленія на престолъ императора Николая II. Я говорю о партіи примирителей (ugodowcy), застрѣльщиками которой явились представители польскаго дворянства.

Какъ я уже говорилъ въ началѣ моей статьи, подавленіе возстанія 1863 г. и вызванное имъ ослабленіе польскаго общества привело къ окончательному крушенію прежнихъ политическихъ программъ. Потеря вѣры въ собственныя силы вызвала всеобщую апатію и политическій индифферентизмъ. На этой почвѣ среди элементовъ, не впавшихъ окончательно въ уныніе, стала зарождаться мысль о замѣнѣ традиціонныхъ стремленій къ полной независимости Польши попыткой столковаться въ каждомъ изъ раздѣлившихъ Польшу государствъ съ правительствомъ этого государства. Въ основу этого предполагаемаго соглашенія долженъ былъ лечь отказъ поляковъ отъ стремленій къ возстановленію собственнаго польскаго государства. Они должны были примириться со своей принадлежностью къ Россіи, Пруссіи и Австріи и, не сходя съ почвы общей государственности, добиваться въ предѣлахъ данной державы осуществленія извѣстныхъ національныхъ правъ. Эта программа была извѣстна подъ названіемъ „программы примиренія со своей судьбой“.

Эту программу въ сущности выставили впервые позитивисты, сторонники „органическаго труда“—идеологи буржуазіи, которые были увлечены колоссальными перспективами развитія капитализма, идущаго параллельно съ завоеваніемъ восточныхъ рынковъ. Буржуазія видѣла въ осуществленіи программы примиренія со своей судьбой источникъ новой жизни и могущества всей націи. Возрожденіе польскаго народа путемъ „органическаго труда“ обусловливалось отреченіемъ отъ всѣхъ сепаратистическихъ стремленій. Такимъ образомъ, мечты о возстановленіи внѣшней независимости уступили мѣсто стремленіямъ къ внутренней самостоятельности—какъ писали позитивисты.

Программа „примиренія со своей судьбой“ встрѣтила сочувствіе и среди помѣстнаго дворянства, порвавшаго съ традиціями возстаній. Эта программа была для него очень выгодна, такъ какъ давала возможность объяснить полную политическую пассивность, обусловленную соціальнымъ безсиліемъ, „идейными“ поводами. Привыкшее играть руководящую роль, дворянство рѣшило изъ теоріи „примиренія со своей судьбой“ сдѣлать орудіе для возстановленія утраченнаго вліянія. И если программа „примиренія со своей судьбой“ была для буржуазіи стимуломъ для самой энергичной экономической и культурной дѣятельности, то для дворянства она была базисомъ для подготовки политической кампаніи, имѣвшей цѣлью сблизить польское общество съ русскимъ правительствомъ.

Органъ крупнаго землевладѣнія (варшавское „Слово“, возникшее въ 1881 г.), былъ иниціаторомъ этой политики, которая, какъ казалось, могла тогда разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ. Варшавскимъ генералъ-

губернаторомъ былъ тогда Альбединскій, склонный поддерживать тенденціи сближенія польскаго общества съ русскими правительственными кругами. Въ 1882 г. въ Петербургѣ начинаетъ выходить еженедѣльный журналъ „Край“, который былъ скорѣе представителемъ финансовой и промышленной буржуазіи, чѣмъ помѣстнаго дворянства, но который занялъ ту же политическую позиціи, что и „Слово“. „Вокругъ двухъ этихъ изданій—говоритъ исторіографъ примирительной политики Scriptor—сгруппировались люди, которые сдѣлали еще одинъ шагъ впередъ, признавъ необходимымъ стремиться къ созданію юридическихъ условій, благопріятствующихъ осуществленію лозунга органическаго труда въ полномъ его объемѣ и воплощенію въ реальную жизнь того, что до сихъ поръ имѣло преимущественно чисто публицистическій характеръ“.

На почвѣ этихъ стремленій польское помѣстное дворянство встрѣтилось съ родовой знатью, съ одной стороны, и съ промышленной и финансовой буржуазіей—съ другой. Однако, въ качествѣ политической партіи представители этихъ элементовъ смогли выступить только въ началѣ новаго царствованія.

Во главѣ партіи примирителей, начавшей организовываться въ 1894 г., встала родовая знать, что было совершенно естественно. Поддерживая самыя тѣсныя сношенія съ галиційской аристократіей, польская знать Царства Польскаго и Литвы не могла смотрѣть безъ зависти на все то, чего достигли польскіе магнаты въ Галиціи, ставъ на почву программы „примиренія со своей судьбой“, открестившись отъ всякаго сепаратизма и вѣрою служа династіи Габсбурговъ. Всѣ эти Тарновскіе, Дзѣдушицкіе, Сангушки, Потоцкіе и т. д., свя-

занные узами родства съ аристократами русской Польши, прямо толкали этихъ послѣднихъ на путь примирительной политики, открывавшей весьма заманчивыя перспективы. Что касается крупной буржуазіи, то, съ одной стороны, ея въ большинствѣ случаевъ не польское происхожденіе настраивало ее совершенно индифферентно по отношенію къ польскимъ національнымъ интересамъ, а, съ другой—восточные рынки сбыта объединяли ея интересы съ интересами русскаго государства. Кромѣ того, дружба съ правительственными сферами для польской буржуазіи была въ высшей степени необходима, хотя бы въ виду постоянно усиливающагося рабочаго движенія. Вслѣдствіе этого аристократическимъ организаторамъ партіи примирителей удалось очень легко склонить на свою сторону буржуазію, которая стала дѣятельно поддерживать политику примиренія.

Интеллигенціи, тѣсно связанной своими экономическими интересами съ крупной земельной собственностью или съ промышленнымъ капиталомъ, было вполнѣ достаточно, чтобы создать многочисленные кадры рядовыхъ партіи, лишь бы только оказалось, что русское правительство, по примѣру австрійскаго, готово пойти на уступки, прекращая систематическое преслѣдованіе польскаго элемента взамѣнъ за окончательное и искреннее примиреніе его съ русской государственностью.

Начало новаго царствованія вызвало оживленіе надеждъ поляковъ на перемѣну режима. Стали распространяться слухи о готовящихся реформахъ, объ ослабленіи руссификаціи, о расширеніи правъ польского населенія и т. д. Настроеніе было самое подходящее для активнаго выступленія партіи примирителей, которая и не преминула воспользоваться моментомъ. «Слово»

*

и «Край» начали помѣщать статьи, заявлявшія отъ имени всего польскаго народа о преданности Польши престолу и вѣрности ея Россіи. Былъ организованъ рядъ депутацій въ Петербургъ. Устраненіе больного, неспособнаго уже къ работѣ угнетателя Польши генералъ-губернатора Гурко дало возможность партіи примирителей значительно усилиться и увеличить свое вліяніе на польское общество. На коронацію въ Москву отправилась польская депутація, организованная партіей примирителей. Эти послѣдніе заявляли въ частныхъ бесѣдахъ, что скоро будутъ уничтожены предписанія, стѣсняющія свободу дѣйствій католическаго духовенства, что польскій языкъ получитъ кое-какія права въ школѣ и судопроизводствѣ, что крестьянскіе сервитуты будутъ уничтожены, что возможно введеніе какого-то подобія земствъ и городского самоуправленія, что польская печать получитъ права, уравнивающія ея положеніе съ положеніемъ русской подцензурной прессы и т. д. Необходимо только, чтобы польское общество самымъ недвусмысленнымъ образомъ засвидѣтельствовало свою полную лойяльность по отношенію къ Россіи и окончательно отреклось разъ на всегда отъ всякихъ сепаратическихъ поползновеній. Галиційская и познанская пресса консервативнаго направленія помѣщала безчисленное количество корреспонденцій въ этомъ духѣ, присылаемыхъ изъ Варшавы, гдѣ цензурныя условія даже примирителямъ не позволяли высказываться откровенно.

Эта пропаганда была ведена съ громадной энергіей и съ большимъ талантомъ рядомъ недюжинныхъ публицистическихъ силъ. И большая часть польской интеллигенціи поддалась увѣреніямъ примирителей. Всѣ ли-

хорадочно ожидали якобы предполагавшихся уступокъ, вѣря въ искренность генерала-губернатора Имеретинскаго и петербургской бюрократіи. Осенью 1897 г., передъ пріѣздомъ Императора Николая II въ Варшаву, партія примирителей съ полной справедливостью могла сказать, что все польское общество, за исключеніемъ соціалистовъ, находится въ ея лагерѣ. Національ-демократія какъ будто исчезла: ея штабъ вдругъ оказался безъ арміи.

Но вотъ миновали дни энтузіазма, мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а между тѣмъ ни о какихъ серьезныхъ измѣненіяхъ господствовавшаго въ Польшѣ режима не было и рѣчи. Общество, ожидавшее радикальныхъ перемѣнъ, не могло удовлетвориться смѣщеніемъ двухъ-трехъ лицъ изъ администраціи, нѣкоторымъ ослабленіемъ цензурнаго гнета и т. д., при дальнѣйшемъ существованіи и даже усиленіи руссификаціи. Наступаетъ реакція. Тотъ, кто легковѣрно возложилъ всѣ свои упованія на политическое чутье партіи примирителей, спѣшитъ покинуть ихъ лагерь, тающій не по днямъ а по часамъ. Тщетно примирители все еще обнадеживаютъ общество, указывая на такіе факты, какъ учрежденіе въ Варшавѣ (на польскія средства) русскаго политехническаго института или на увеличеніе количества уроковъ польскаго языка въ гимназіяхъ. Всѣ понимаютъ, что это далеко не то, что обѣщали примирители польскому обществу, но многіе еще колеблются, еще чего-то ожидаютъ...

Рѣшительный ударъ партіи примирителей былъ нанесенъ польской соціалистической партіей, которая обнародовала въ Лондонѣ тайную докладную записку кн. Имеретинскаго. Этотъ документъ устранялъ всѣ

сомнѣнія относительно результатовъ политики примирителей. Не было въ Польшѣ человѣка, мало-мальски интересующагося политикой, который не познакомился бы съ содержаніемъ докладной записки кн. Имеретинскаго, совершенно дискредитирующей примирителей и ихъ тактику.

Казалось бы, что Имеретинскій долженъ удѣлить не мало мѣста политикѣ примиренія и примирителямъ въ качествѣ партіи, заслуживающей спеціальнаго поощренія и спеціальной симпатіи съ правительственной точки зрѣнія. Между тѣмъ мы не видимъ ничего подобнаго въ его докладной запискѣ. Политикѣ примиренія онъ посвящаетъ всего-на-всего около двадцати строчекъ. Считая ее желательной для Россіи, Имеретинскій отзывается о ней какъ объ „оживляющемъ ручейкѣ“, но онъ не знаетъ, „изсякнетъ ли этотъ ручеекъ, или же превратится въ широкую рѣку“. Во всякомъ случаѣ онъ смотритъ на нее, какъ на „слабое теченіе“, и нигдѣ, предлагая какія-нибудь реформы, съ ней не считается. Пренебрегая примирителями и ихъ политикой, Имеретинскій совсѣмъ иначе смотритъ на оппозиціонные элементы. Онъ посвящаетъ много мѣста характеристикѣ того вреда, который приноситъ правительству „непримиримая часть польскаго общества“, и всячески старается подыскивать средства борьбы съ нею. Характерно то, что страхъ оппозиціонныхъ силъ польскаго общества является единственнымъ импульсомъ, побуждающимъ Имеретинскаго предлагать правительству проекты различныхъ реформъ. Онъ сознается въ этомъ на каждомъ шагу и совершенно не скрываетъ своихъ опасеній.

Предлагая, напр., экономическія реформы съ цѣлью

улучшенія крестьянскаго быта, Имеретинскій обращаетъ вниманіе на то, что безъ этихъ реформъ мужикъ „можетъ стать игрушкой политическихъ страстей въ рукахъ неблагонадежныхъ и враждебныхъ правительству личностей“. Правительство, по словамъ Имеретинскаго, должно непремѣнно заняться крестьянскими дѣлами, потому что въ противномъ случаѣ „извѣстная часть польскаго общества, навѣрное, воспользуется такимъ отсутствіемъ энергіи у нашего правительства, чтобы сослаться на это какъ на лучшее доказательсто необходимости народу соединиться съ враждебными правительству сферами мѣстнаго населенія“. По мнѣнію Имеретинскаго, польскіе крестьяне „вѣрны Россіи не по свойственному русскимъ чувству безграничной любви къ Царю и Отечеству, но вслѣдствіе благосостоянія, даннаго имъ русскимъ правительствомъ. Если же привислинскіе крестьяне разочаруются въ заботахъ о нихъ власти, то они отрекутся отъ правительства, и никакія реформы, данныя прежде, не будутъ въ состояніи возстановить въ ихъ сердцахъ чувства благодарности, не поддерживаемаго новыми доказательствами заботливости“, что можетъ быть ловко использовано революціонными элементами. Огромное значеніе Имеретинскій придаетъ народнымъ библіотекамъ потому, что „въ послѣдніе годы, благодаря ловкимъ агитаторамъ, сотни и тысячи нелегальныхъ брошюръ самаго тенденціознаго характера проникаютъ въ народъ изъ-за границы“, и „польскій крестьянинъ, а еще больше фабричный рабочій по недостатку иного матеріала, охотно читаетъ эти изданія“. Въ результатѣ „для борьбы съ этимъ зломъ, которое постепенно возрастаетъ, необходимо подыскать болѣе дѣйствительныя средства,

нежели полицейскій надзоръ". Народныя библіотеки должны быть „главнымъ средствомъ борьбы съ пропагандой", и если правительство не дастъ на это необходимыхъ средствъ, то „тогда намъ остается только смотрѣть въ полномъ безсиліи на развитіе вліянія соціально-революціонной пропаганды среди низшихъ классовъ здѣшняго населенія". Обученіе польскому языку, устраненное изъ школы, „производится внѣ ея стѣнъ, а учителями являются люди, не всегда благонадежные въ политическомъ отношеніи". Поэтому слѣдуетъ расширить программу преподаванія польскаго языка, чтобы устранить вліяніе тѣхъ, „кто подрываетъ основы зданія, воздвигаемаго государственными школами съ громадной тратой средствъ и труда". Католическій священникъ является въ глазахъ Имеретинскаго очень опаснымъ противоправительственнымъ агитаторомъ. Вытѣсненный изъ начальной школы, онъ еще опаснѣе, почему „слѣдуетъ употреблять всѣ усилія, чтобы привлечь его въ школу и такимъ образомъ противодѣйствовать его тайной пропагандѣ". Даже учрежденіе политехническаго института имѣетъ цѣлью не что иное, какъ борьбу съ распространеніемъ революціонной пропаганды. Имеретинскій разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ толкаетъ молодежь на путь техническаго образованія за границей, вслѣдствіе чего эта молодежь „возвращается домой съ сильной антипатіей къ нашимъ русскимъ порядкамъ, съ преувеличеннымъ убѣжденіемъ въ полезности формъ свободной жизни европейскихъ государствъ. Нерѣдко къ намъ изъ-за границы молодые люди возвращаются совершенно сознательными агитаторами различныхъ революціонныхъ и

польско-патріотическихъ теченій, что нерѣдко констатировалось во время слѣдствій по политическимъ дѣламъ". Поэтому—другихъ доводовъ Имеретинскій не приводитъ—слѣдуетъ учредить въ Варшавѣ политехническій институтъ.

Однимъ словомъ, изъ всей докладной записки Имеретинскаго слѣдуетъ, что только „враждебные элементы" польскаго общества, только „ловкіе агитаторы", сѣящіе „смуту" среди массъ, имѣютъ возможность оказывать вліяніе на правительство и толкать его въ сторону реформъ. Такимъ образомъ утвержденіе партіи примирителей, будто только безграничная лойяльность можетъ побудить правительство къ уступкамъ, было блестяще опровергнуто самимъ Имеретинскимъ, который признался, что только непримиримая оппозиція можетъ кой-чего добиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ докладная записка Имеретинскаго уничтожила созданную примирителями легенду о благоволеніи къ полякамъ высшихъ правительственныхъ сферъ. Протоколъ засѣданія комитета министровъ, разсматривавшаго предложеніе Имеретинскаго, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что система Гурко-Апухтина будетъ проводиться и впредь неуклонно.

Обнародованіе и распространеніе П. П. С. этого документа подкопало вліяніе партіи примирителей, пожалуй, сильнѣе, нежели самыя неудачи ихъ попытокъ выторговать у правительства уступки. Широкій кругъ интеллигенціи, вѣрившій обѣщаніямъ примирителей, покидаетъ ихъ окончательно. Благодаря этому, опять начинаютъ расти кадры пришедшей было къ упадку Н. Д. Примирители въ концѣ концовъ сохраняютъ за собой вліяніе только на тѣ элементы, классовые инте-

ресы которыхъ требуютъ во что бы то ни стало гармоніи съ русскими правительственными сферами, да на горсть интеллигенціи, служащей перомъ и словомъ этимъ элементамъ.

IV.

Съ самаго конца 90 годовъ опять начинается усиленный ростъ вліянія націоналъ-демократіи. Съ одной стороны, къ Н. Д. присоединяется громадная часть недавнихъ сторонниковъ партіи примирителей, съ другой—у нея растутъ связи въ крестьянской средѣ. Съ 1896 г. Н. Д. стала издавать въ Краковѣ спеціальный ежемѣсячный органъ „Полякъ“, предназначенный для крестьянства русской Польши. Это изданіе, наполненное историческими статьями, патріотическими разсказами и стихотвореніями, освѣщающее съ національной точки зрѣнія различные факты польской жизни, стало успѣшно распространяться среди крестьянскихъ массъ. Благодаря этому, у націоналъ-демократовъ явилась возможность привлечь къ себѣ симпатіи крестьянства, и Н. Д. стала на нѣкоторое время единственнымъ выразителемъ стремленій сельскаго населенія Польши, поскольку оно пробуждалось къ сознательной политической жизни.

Пока родоначальники и иниціаторы націоналъ-демократическаго движенія изъ прежняго „Голоса“ были только теоретиками, они стояли на радикально-демократической точкѣ зрѣнія въ крестьянскомъ вопросѣ. Перейдя къ практической дѣятельности на почвѣ деревенскихъ отношеній, они, однако, уже не обнаружи-

вали своихъ прежнихъ радикально-демократическихъ взглядовъ, что объясняется той эволюціей, которую они пережили за десять лѣтъ существованія возрожденнаго активнаго патріотизма.

Послѣ окончательнаго крушенія примирительной политики къ Н. Д. хлынули такіе элементы, на которые она прежде вовсе не могла оказывать вліянія. Средней руки помѣщики, фабриканты польскаго происхожденія, значительная часть духовенства, разочаровавшись въ примирителяхъ, начинаютъ поддерживать Н. Д. Раздѣляя національныя стремленія этой послѣдней, они въ то же время, конечно, не могутъ согласиться на ея революціонныя взгляды и особенно на ея крайне демократическую позицію въ крестьянскомъ и рабочемъ вопросѣ. И вотъ, подъ вліяніемъ постоянно увеличивающагося наплыва въ Н. Д. элементовъ, по своему существу консервативныхъ, мѣняется и физіономія этой партіи, исчезаетъ ея прежній политическій и соціальный радикализмъ.

Еще въ 1899 г. „Всепольское Обозрѣніе“ писало: „Можно сказать, что Польшу, все равно при какихъ условіяхъ она возникнетъ, мы должны завоевать кровью и желѣзомъ, такъ какъ другихъ путей и способовъ возстановленія утраченной независимости не указываетъ намъ ни историческій опытъ, ни логическій ходъ мыслей, считающійся съ требованіями дѣйствительности“. „Историческій опытъ и здравый разсудокъ говорятъ намъ, что безъ вооруженной борьбы нельзя реально представить себѣ Возстановленіе независимости Польши“. Въ слѣдующемъ году тотъ же оффиціальный органъ Н. Д. заявляетъ: „Возстановленіе независимости Польши можетъ быть только результатомъ войны

между государствами, раздѣлившими Польшу, или между однимъ либо двумя изъ нихъ и другими государствами, причемъ эта война должна быть соединена съ національнымъ возстаніемъ настолько сильнымъ, чтобы съ нимъ нужно было считаться". Въ томъ же № „Всепольскаго Обозрѣнія" мы встрѣчаемся съ фразой: „Мы обратимъ вниманіе польской интеллигенціи на необходимость создать кадры или, по крайней мѣрѣ, зародышъ военной организаціи, что является задачей громадной важности и должно быть сдѣлано немедленно". Въ маѣ слѣдующаго года „Всепольское Обозрѣніе" полагаетъ, что „международное положеніе, точно такъ же, какъ и состояніе нашего общества и его психическое настроеніе, исключаетъ въ данный моментъ непосредственную, хотя бы даже только подготовительную работу для борьбы за независимость". Однако, органъ Н. Д. не перестаетъ твердить, что „изъ программныхъ требованій независимости послѣдовательно вытекаетъ требованіе вооруженной борьбы, возстаніе". Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, „Всепольское Обозрѣніе" возвѣщаетъ, что „задача истинно политической партіи въ настоящее время не популяризировать идеи возстанія, но дѣлать нѣчто совершенно противное этому,—именно—указывать народнымъ элементамъ, дошедшимъ до національнаго самосознанія, на другіе пути дѣятельности для пользы родины, выяснять имъ причины, вслѣдствіе которыхъ возстаніе въ настоящее время невозможно". Въ 1902 г. Н. Д., отвѣчая на нападки краковской газеты „Часъ", заявляетъ рѣшительно, что „Всепольское Обозрѣніе" очень рѣзко выступаетъ противъ всякой агитаціи за возстаніе. Немного спустя, „Всепольское Обозрѣніе" говоритъ: „Если бы всякая ор-

ганизація нелегальной дѣятельности должна была роковымъ образомъ приводить къ возстанію, то, дѣйствительно, лучше оставаться въ границахъ возможной легальности, воздерживаться отъ всякой болѣе широкой тайной организованной работы". Возстаніе въ концѣ концовъ было названо во „Всепольскомъ Обозрѣніи" игрушкой „соціалистическихъ дурачковъ", придуманной для гимназистовъ.

Рѣшительный отказъ отъ подготовки вооруженнаго возстанія заставилъ Н. Д. искать другого выхода, болѣе подходящаго для тѣхъ элементовъ, которые стали базой ея дѣятельности въ началѣ текущаго столѣтія. И вотъ мы видимъ, какъ лозунгъ возстанія постепенно замѣняется ничего не говорящей, ни къ чему не обязывающей націоналистической фразеологіей. „Всепольское Обозрѣніе" пишетъ въ мартѣ 1902 г.: „Мы уже неоднократно подчеркивали, что, какъ въ своей программѣ, такъ и въ практической дѣятельности, мы не признаемъ никакихъ догматовъ, не руководимся никакой доктриной, не осуждаемъ никакого направленія, стремящагося къ осуществленію наивысшей цѣли національнаго стремленія и интересовъ. Всѣ средства, которыя могутъ насъ привести къ этой цѣли—независимости Польши,—одинаково оправдываемы политически. Примиреніе можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ такъ же оправдано, какъ и революція". Занявъ такую позицію, „Всепольское Обозрѣніе" пишетъ: „Мы убѣждены, что нашъ народъ способенъ и получитъ въ будущемъ возможность *постепенно* завоевать всѣ условія національнаго развитія въ формѣ полной государственной независимости". „Національная Лига и націоналъ-демократическая партія въ русской Польшѣ

поставили себѣ цѣлью, съ одной стороны, увеличивать количество сознательныхъ въ національномъ отношеніи активныхъ политическихъ силъ, а съ другой—вести систематическую борьбу съ правительствомъ, чтобы заставить его измѣнить систему управленія, принудить его покинуть путь руссификаціи и вызвать съ его стороны уступки требованіямъ общества, для котораго необходимы высшія формы политическаго существованія. Однимъ словомъ, этой цѣлью является борьба за право. Такъ представляется въ общихъ чертахъ программа дня Н. Д.“.

Эта программа была формулирована въ томъ же „Всепольскомъ Обозрѣніи“ такимъ образомъ: „Задача направить развивающееся теперь въ разныхъ мѣстностяхъ края національное движеніе среди народныхъ массъ въ русло систематической ежедневной работы, завоевывающей независимую Польшу изо дня въ день путемъ мелкихъ, незамѣтныхъ, однако, въ высшей степени вѣрныхъ побѣдъ,—эта задача будетъ значительно облегчена, если мы станемъ на каждомъ шагу рѣшительно заявлять, что наши работы—это неподготовленіе новаго возстанія, что возстаніе является нелѣпостью, что именно наше движеніе знаменуетъ собой въ національной политикѣ рѣшительный поворотъ отъ повстанческихъ программъ къ организаціи однородной для всѣхъ трехъ частей Польши національной политики, завоевывающей единеніе и независимость Польши шагъ за шагомъ путемъ энергичной борьбы во имя національныхъ интересовъ“.

Подъ этой программой, конечно, могли подписаться всѣ тѣ недавніе сторонники партіи примирителей, которые хлынули толпами въ Н. Д. Съ одной стороны,

новая программа Н. Д., такъ же, какъ и прежняя, оперировала національно-патріотическими фразами, съ другой же—она такъ рѣшительно и торжественно отреклась отъ всѣхъ революціонныхъ „увлеченій“, что ни у кого на этотъ счетъ не могло остаться никакихъ сомнѣній. Хотя дѣйствительность очень скоро показала, что ни о какомъ „завоеваніи независимости Польши изо дня въ день“ не могло быть и рѣчи, однако, національ-демократы уже не могли покинуть этой своей новой позиціи. Ихъ матеріальная сила всецѣло зависѣла отъ тѣхъ консервативныхъ элементовъ, которые имъ достались, такъ сказать, по наслѣдству отъ разложившейся партіи примирителей.

Сойдя со своей прежней политической позиціи, Н. Д. вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отреклась и отъ прежняго демократическаго радикализма. Точка зрѣнія „Голоса“, требовавшая, чтобы интересы всѣхъ классовъ общества были поставлены въ зависимость отъ интересовъ крестьянства, замѣнилась новой: слѣдуетъ поддерживать интересы народа, поскольку это не вредитъ интересамъ другихъ классовъ. Такой взглядъ проводится въ высшей степени послѣдовательно въ „Полякѣ“, издаваемомъ Н. Д. для крестьянства. Ни о какихъ фактахъ эксплоатаціи крестьянина или батрака помѣщиками въ немъ не упоминается, зато на первый планъ выдвигаются интересы католической церкви. Видно, что въ своей дѣятельности въ деревнѣ Н. Д. старается опереться на помѣщиковъ и сельское духовенство. Клерикализмъ, почти отсутствующій въ изданіяхъ Н. Д. для интеллигенціи, въ „Полякѣ“, въ брошюрахъ и воззваніяхъ, распространяемыхъ среди крестьянъ, выступаетъ очень ярко.

По мѣрѣ того, какъ Н. Д. теряла свой прежній революціонный характеръ, она пріобрѣтала всѣ черты крайняго націонализма. Агрессивный характеръ націонализма Н. Д. выразился въ крайне отрицательномъ отношеніи ея ко всѣмъ національнымъ стремленіямъ народностей, входившихъ нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой—литовцевъ, украинцевъ, бѣлоруссовъ. По отношенію къ евреямъ Н. Д. стала на точку зрѣнія очень близкую къ антисемитской.

Прежняя программа Н. Д., несмотря на всю ея неопредѣленность и расплывчатость, оказалась совершенно не подходящей для партіи, пережившей такую серьезную эволюцію. Явилась необходимость въ радикальномъ измѣненіи программы 1896 г. Въ 1903 г. появляется новая программа, сильно отличающаяся по духу отъ предыдущей.

И въ новой программѣ въ качествѣ цѣли, къ которой стремится Н. Д., выставляется „осуществленіе независимости и созданіе самостоятельнаго польскаго государства“. Однако, новая программа констатируетъ фактъ, что настоящее положеніе польскаго народа совершенно исключаетъ возможность какъ революціонной, такъ и дипломатической дѣятельности для осуществленія этой цѣли. Даже подготовительная работа, ведущая къ такой цѣли, невозможна. Вслѣдствіе этого Н. Д. будетъ стараться въ каждомъ изъ государствъ, раздѣлившихъ Польшу, добиваться такихъ условій, которыя, гарантируя польскому элементу возможно большую національную самостоятельность и всестороннее развитіе, приближали бы моментъ полной независимости. Въ своей новой программѣ Н. Д. сознается въ томъ, что въ данный моментъ она не можетъ опредѣлить ни спосо-

бовъ завоеванія независимости, ни условій, при которыхъ независимость можетъ быть осуществлена. Вслѣдствіе этого она въ качествѣ непосредственной своей цѣли ставитъ: побужденіе народа къ политической дѣятельности на почвѣ существующихъ государственно-правовыхъ условій въ границахъ трехъ раздѣлившихъ Польшу государствъ. Эта дѣятельность должна держаться почвы реальныхъ отношеній и вытекающихъ изъ нихъ насущныхъ задачъ. Стало понятно, что Н. Д. отреклась отъ своихъ прежнихъ замысловъ свергнуть руское господство и стремится только къ такому измѣненію отношенія русскаго государства къ Польшѣ, которое гарантировало бы этой послѣдней возможность свободнаго культурнаго развитія.

Отказавшись отъ завоеванія государственной независимости въ ближайшемъ будущемъ, Н.-Д. ставитъ своей цѣлью содѣйствіе всестороннему развитію внутренней жизни польскаго народа во всѣхъ его слояхъ, причемъ это развитіе должно идти подъ сѣнью католической церкви. Новая программа Н.-Д. считаетъ римско-католическую церковь „національнымъ учрежденіемъ“, обязуется защищать ее отъ всяихъ нападокъ какъ „внѣшнихъ враговъ“, такъ и „антинаціональныхъ элементовъ въ краѣ“, и констатируетъ полную согласность своей національной политики съ политикой католической церкви, поскольку она стремится къ защитѣ и распространенію католицизма. Эта клерикальная точка зрѣнія, присущая обновленной Н.-Д., сближаетъ ее съ клерикальной по своему существу партіей примирителей.

Вообще двѣ эти партіи мало-по-малу начинаютъ очень сильно походить другъ на друга по основному

характеру своихъ взглядовъ. Что ихъ отличаетъ, такъ это, главнымъ образомъ, тактическіе пріемы да манера выражать свои мысли—извѣстная традиціонная фразіологія. Патріотическая, ярко антиправительственная фразіологія Н.-Д. даетъ ей возможность вліять на всѣ тѣ элементы, которые въ сущности являются по своему консервативному и антиреволюціонному настроенію сторонниками „Слова“ или „Края“, но которымъ нравится смѣлость и „нелегальность“ статей „Всепольскаго Обозрѣнія“. Впрочемъ, и въ этомъ отошеніи наступаетъ извѣстное сближеніе примирителей и Н.-Д. Эта послѣдняя ставитъ своей главной задачей дѣятельность на легальной почвѣ, прибѣгая къ нелегальнымъ пріемамъ только въ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ это необходимо въ силу русскихъ условій. Примирители же начинаютъ прибѣгать и къ совершенно отрицаемымъ ими прежде способамъ нелегальной дѣятельности. Такъ, напр., варшавскіе цензурные условія заставляютъ ихъ обзаводиться заграничными изданіями, попадающими въ Польшу контрабаднымъ путемъ.

Сближаясь постепенно съ партіей примирителей и перенимая ее взгляды, Н.-Д. очень быстро теряла вліяніе на тѣ сферы интеллигенціи, которыя шли за ней, пока она имѣла радикально - демократическую окраску. Интеллигенція порываетъ связи съ Н.-Д. и этимъ еще болѣе ускоряетъ ее эволюцію въ сторону реакціи, маскируемой громкими національными фразами, придающими Н.-Д. характеръ антиправительственной партіи. Между тѣмъ Н.-Д., теряя свой прежній характеръ партіи демократической и революціонной, все меньше и меньше удѣляетъ вниманія борьбѣ съ правительственнымъ режимомъ. Вмѣсто

этого она употребляетъ почти всѣ свои усилія на борьбу съ П. П. С.

Польская соціалистическая партія къ началу текущаго столѣтія выросла настолько, что ея вліяніе уже не ограничивалось городами и другими промышленными пунктами. Сама жизнь толкала польскихъ соціалистовъ въ деревню, гдѣ у П. П. С. мало-по-малу возникали серьезныя связи. Пришлось создать спеціальную агитаціонную литературу для деревенскихъ массъ, основать спеціальный органъ („Крестьянская газета"), двинуть въ деревню рядъ агитаторовъ и т. д. Повсюду дѣятели П. П. С. встрѣтились съ массой, которая воспиталась на „Полякѣ", но которую уже не удовлетворялъ націонализмъ этой газеты. Сельскій пролетаріатъ и полупролетаріатъ, а также мелкіе собственники, изнывающіе подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ, страдающіе отъ руссификаторскаго режима и всей деревенской неурядицы, съ жадностью набросились на соціалистическія изданія, говорящія имъ не только о національномъ гнетѣ, но и о соціально-экономическихъ вопросахъ, являющихся злобой дня въ крестьянской жизни. И вотъ, несмотря на то, что Н.-Д. принадлежала иниціатива въ дѣлѣ политическаго пробужденія польскаго крестьянства, деревенская бѣднота охотно и безъ всякаго сожалѣнія покидаетъ націоналъ-демократовъ. П. П. С. удалось окончательно укрѣпиться въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ всецѣло господствовало вліяніе Н.-Д. Это, конечно, не могло содѣйствовать уменьшенію антагонизма между соперничающими партіями. Непріязненныя чувства Н.-Д. къ П. П. С., обусловливающіяся различіемъ міросозерцанія, естественно, должны были усилиться,

*

когда эта послѣдняя начала успѣшно подкапывать вліяніе первой въ деревнѣ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, благодаря растущимъ связямъ П. П. С. въ деревнѣ, въ сферу ея вліянія вошелъ довольно многочисленный кругъ провинціальной интеллигенціи, до сихъ поръ или стоявшей въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ партій, или же тяготѣвшей къ Н.-Д. Народные учителя, служащіе въ различныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, врачи, адвокаты и т. д. склоны были помогать Н.-Д. въ деревнѣ, пока эта партія была единственной работницей на этой почвѣ. Съ появленіемъ же соціалистовъ, значительная часть этихъ элементовъ примкнула къ нимъ, окончательно покинувъ Н.-Д.

V.

Крупный подъемъ русскаго общественнаго движенія наканунѣ японской войны не замедлилъ оказать сильное вліянія на эволюцію политическихъ взглядовъ дѣйствующихъ въ Польшѣ партій. Для всѣхъ было ясно, что въ Россіи происходитъ нѣчто въ высшей степени важное и для поляковъ, что тамъ разыгриваются событія, результатомъ которыхъ должно быть раньше или позже крушеніе руссификаторскаго режима въ Царствѣ Польскомъ. Польская публицистика всѣхъ направленій обратила самое серьезное вниманіе на возрождающееся русское освободительное движеніе. Мало-по-малу каждая изъ польскихъ партій опредѣляла свое къ нему отношеніе и сообразно съ этимъ устанавливала извѣстные тактическіе принципы.

Что касается партіи примирителей, то она, потерпѣвъ полную неудачу въ правительственныхъ сферахъ, впала на нѣкоторое время въ уныніе и какъ бы замерла, а множество ея сторонниковъ перешло къ Н.-Д. Однако, немного спустя, она оправляется и начинаетъ искать новыхъ путей, рѣшаясь сблизиться съ русскимъ обществомъ на почвѣ совмѣстной дѣятельности.

„Съ нѣкотораго времени—говорилъ ихъ заграничный органъ „Польскія Письма“ (Listy Polskie)—въ русскомъ государствѣ проводится знаменательная реформа, имѣющая цѣлью привлечь къ сотрудничеству съ правительствомъ мѣстныхъ представителей населенія. Эта реформа спаиваетъ всѣ провинціи государства, заставляя всѣ національности принимать участіе въ той же работѣ въ интересахъ всѣхъ. Изъ этой общности интересовъ и изъ совмѣстноси работы на всякаго рода съѣздахъ, выставкахъ, въ комиссіяхъ и т. д. не можетъ не возникнуть извѣстное сближеніе между двумя главными національностями въ Россіи... Vae soli (горе одинокому)—говоритъ пословица. Для активной помощи нашей національности мы принуждены искать союзниковъ по всему міру. Тѣмъ болѣе намъ необходимы союзники въ государствѣ, съ которымъ насъ связала судьба, въ которомъ и вмѣстѣ съ которымъ мы хотимъ работать для нашей національной будущности. Такіе союзники у насъ есть между русскими и у насъ ихъ будетъ все больше и больше по мѣрѣ того, какъ мы будемъ сближаться съ русскимъ обществомъ во имя общихъ идеаловъ человѣчества и съ откровенной, искренней программой равноправности“.

Одной изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности

въ этомъ направленіи партія примирителей сочла ознакомленіе русской публики съ истиннымъ положеніемъ Польши и съ самыми насущными ея потребностями. Съ этой цѣлью былъ изданъ сборникъ (на русскомъ языкѣ) подъ заглавіемъ „Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ“, заключающій въ себѣ статьи по экономическимъ вопросамъ вообще и по аграрному въ частности, затѣмъ очерки городского устройства, школьнаго дѣла, судебныхъ учрежденій въ Польшѣ. Эти добросовѣстные труды давали яркую картину той неурядицы въ мѣстныхъ отношеніяхъ, какую породилъ руссификаторско-бюрократическій режимъ. „Очередные вопросы“ давали русской публикѣ возможность познакомиться ближе съ результатами столѣтняго господства Россіи въ Польшѣ, причемъ матеріалъ, предлагаемый въ этомъ сборникѣ, позволялъ читателю оцѣнить по достоинству это господство независимо отъ выводовъ, дѣлаемыхъ авторомъ статей сборника.

Что же касается выводовъ издателей „Очередныхъ вопросовъ“, то они поражали своей скромностью даже умѣренно-либеральныя русскія сферы. Устраненіе злоупотребленій администраціи, распространеніе на Царство Польское тѣхъ учрежденій земскаго и городского самоуправленія, какими пользуются русскія губерніи, отмѣна исключительныхъ законовъ, уравненіе правъ польской печати съ правами русской, расширеніе правъ польскаго языка въ школахъ—вотъ все, чего добивались примирители, обязуясь идти рука объ руку съ русскимъ обществомъ и связать судьбу Польши съ судьбой вступающей на путь внутреннихъ реформъ Россіи. „Равноправность съ другими пользующимися полными (!!) правами гражданами государства, равно-

правность нашихъ провинцій съ другими провинціями имперіи"—вотъ единственное требованіе партіи примирителей, съ которымъ она обращалась къ русскому обществу. „Самое требованіе равноправности показываетъ—говорили они—что мы не добиваемся никакихъ такихъ привилегій или исключительныхъ правъ, которыми не пользуются русскіе. Уничтоженія ограниченій мы домогаемся какъ лойяльные граждане государства, къ каковымъ они не должны быть примѣняемы".

Эта скромность требованій партіи примирителей, конечно, обусловливалась тѣмъ сознаніемъ собственнаго безсилія, которое явилось у нихъ послѣ неудачъ, дискредитировавшихъ ихъ передъ польскимъ обществомъ. Затѣмъ, желая сблизиться съ русскими элементами, стоящими внѣ правительственныхъ сферъ, они не вполнѣ разбирались въ существующемъ положеніи дѣлъ. Въ качествѣ представителей самыхъ умѣренныхъ консервативныхъ круговъ польскаго общества, примирители собственно двлжны были бы искать сближенія съ аналогичными русскими сферами. Однако, позиція этихъ послѣднихъ въ польскомъ вопросѣ была настолько враждебна всѣмъ, даже самымъ скромнымъ желаніямъ поляковъ, что примирителямъ volens nolens пришлось обращаться къ болѣе либеральнымъ элементамъ, расходящимся съ ними по своему основному міросозерцанію. Въ силу этого обстоятельства мы постоянно имѣемъ дѣло съ нѣкоторой двойственностью тактики примирителей. Съ одной стороны, они принуждены, обращаясь къ русскимъ оппозиціоннымъ силамъ, пріурочивать свою тактику къ ихъ тактикѣ, съ другой же, вся традиція примирителей, а также ихъ

классовыя симпатіи и интересы заставляютъ эту партію сохранять безупречныя отношенія и къ правительству. Въ результатѣ получилось постоянное шатаніе, сообщающее всѣмъ дѣйствіямъ партіи примирителей характеръ чего-то неискренняго, фальшиваго. И большая часть польскаго общества относится къ этой измѣненной политикѣ партіи примирителей такъ же отрицательно, какъ и къ прежней ея политикѣ явнаго заискиванія у правительства.

Націоналъ - демократическая партія высказалась вполнѣ опредѣленно по вопросу о своемъ отношеніи къ русской оппозиціи въ спеціальномъ прибавленіи къ программѣ 1903 г. Констатируя фактъ, что въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ стали умножаться проявленія сильной оппозиціи противъ существующаго государственнаго устройства, націоналъ-демократы видятъ въ этомъ симптомы серьезнаго перелома, возвѣщающаго глубокія измѣненія въ самомъ характерѣ государственной организаціи. „Мы не можемъ питать большой надежды на то, что возможныя перемѣны повліяютъ на польскую политику Россіи— говорятъ далѣе націоналъ-демократы... Мы убѣждены— утверждаютъ они—что политическое освобожденіе связаннаго въ настоящее время русскаго общества должно повлечь за собой усиленіе давленія этого общества на Польшу, оказываемаго уже теперь въ извѣстной мѣрѣ независимо отъ государственной политики. Но, съ другой стороны, политическія свободы раньше или позже должны были бы распространиться на всѣ области, принадлежащія русскому государству, особенно же на тѣ, которыя стоятъ по своему развитію выше коренной Россіи. Поэтому прогрессивныя реформы въ области

государственной организаціи, увеличивая энергію русскаго общества и давая ему возможность проявлять завоевательную дѣятельность по отношенію къ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ослабили бы наши узы и расширили бы поле легальной дѣятельности, чѣмъ воспользовалось бы наше общество для созидательной національной работы и для борьбы съ чуждымъ напоромъ". Вслѣдствіе всего этого Н.-Д. считаетъ русское оппозиціонное движеніе явленіемъ весьма желательнымъ и привѣтствуетъ его не только потому, что оно разлагаетъ государственную жизнь Россіи, но и потому, что оно преобразовываетъ ея политическую организацію въ духѣ современности. Однако, „національдемократическая партія не считаетъ непосредтсвеннаго содѣйствія этому движенію въ настоящую минуту полезнымъ ни для польскаго общества, которое могло бы, благодаря этому, сойти съ дороги своей собственной работы и національной борьбы, ни для самаго русскаго движенія, которое, поддерживаемое поляками, потеряло бы популярность и довѣріе многочисленныхъ круговъ нынѣшней русской оппозиціи". Что же касается будущаго, то Н.-Д. считаетъ возможнымъ даже формальный союзъ съ русскими оппозиціонными элементами, но этотъ союзъ долженъ быть заключенъ не „по самовольной иниціативѣ единицъ или политическихъ группъ". Онъ долженъ состояться, какъ коллективный актъ внѣшней политики, совершенный отъ имени всего народа его политическимъ представительствомъ.

Такимъ образомъ, Н.-Д., считая русское оппозиціонное движеніе явленіемъ желательнымъ съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ, рѣшаетъ пока что сохра-

нить за собой совершенно нейтральное положеніе. Эта позиція прямо противоположна тому, что проповѣдывала партія примирителей, которая поставила въ полную зависимость отъ участія поляковъ во всероссійской реформаторской работѣ измѣненіе господствующаго въ Польшѣ режима. Между тѣмъ Н.-Д. желали воспользоваться результатами русскаго оппозиціоннаго движенія, не считая для себя нужнымъ оказывать ему какое бы то ни было непосредственное содѣйствіе.

Отношеніе П. П. С. къ русскому оппозиціонному движенію опредѣлялось ея основными программными взглядами. Въ качествѣ партіи по существу соціалъ-демократической П. П. С. еще въ 1893 г. положила въ основу своей дѣятельности стремленіе къ общей борьбѣ съ русскими революціонерами для достиженія общея цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ изданіяхъ П. П. С. внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣлъ въ Россіи, подготовляя такимъ образомъ почву для предстоящихъ согласованныхъ дѣйствій польскаго и русскаго освободительнаго движенія.

Русско-японская война заставила всѣ польскія партіи пріурочить свою тактику къ результатамъ разыгрывающихся на Дальномъ Востокѣ событій. Для всѣхъ стало ясно, что каковъ бы ни былъ исходъ этой войны, она нанесетъ тяжелый ударъ самодержавному режиму и толкнетъ Россію на новый путь. Поэтому всѣ партіи привѣтствовали войну какъ событіе, несомнѣнно ускоряющее политическую эволюцію Россіи, переживаемую ею подъ вліяніемъ усиливающагося общественнаго движенія какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ.

Настроеніе всего польскаго общества къ моменту начала русско-японской войны было такъ очевидно

враждебно правительственному режиму, что ни о какахъ манифестаціяхъ сочувствія выступившимъ противъ Японіи боевымъ силамъ не могло быть и рѣчи. Партія примирителей попыталась было кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи, но ея попытки встрѣтились со всеобщимъ осужденіемъ. Проектъ адреса отъ имени поляковъ былъ отвергнутъ самими примирителями, ни о какихъ уличныхъ „патріотическихъ“ демонстраціяхъ нельзя было и думать въ виду явнаго японофильства рабочихъ массъ. Учрежденіе польскаго (вѣрнѣе католическаго) санитарнаго отряда на средства, собранныя вожаками партіи примирителей съ варшавскимъ митрополитомъ Попелемъ во главѣ, вызвало демонстрацію, окончившуюся битьемъ стеколъ въ окнахъ митрополита и другихъ членовъ комитета, организующаго отрядъ, несмотря на то, что этой манифестаціи былъ приданъ филантропическій характеръ. Партіи примирителей пришлось бросить всякія дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи и занять выжидательную позицію. На съѣздѣ представителей этой партіи, состоявшемся въ концѣ марта 1904 г., была выработана программа, пріуроченная къ новымъ условіямъ.

Авторы мартовской программы выходятъ изъ того положенія, что въ настоящій моментъ нечего думать о какомъ бы то было измѣненіи границъ русскаго государства въ Европѣ. Не только Россія, но и два другихъ государства, раздѣлившихъ Польшу, заботятся о сохраненіи ея теперяшняго территоріальнаго положенія. Поэтому всякій практическій политикъ можетъ ожидать улучшенія судьбы нашего народа только отъ такого измѣненія правительственной системы въ Рос-

сіи, которое можетъ быть осуществлено только по волѣ и при участіи русскаго общества и которое гарантируетъ свободное развитіе нашей національности и нашей цивилизаціи вмѣстѣ съ соціальнымъ, научнымъ и экономическимъ прогресомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что польское общество должно, съ одной стороны, не поддаваться на удочку провокаторамъ, желающимъ вызвать въ Польшѣ открытое возмущеніе, а съ другой— относиться съ рѣзкимъ порицаніемъ къ манифестаціямъ „соціалистовъ или неразумной молодежи“, могущихъ дать въ руки недругамъ Польши оружіе противъ поляковъ или оскорбить патріотическія чувства русскаго народа. Однако, понимая, каково настроеніе всего польскаго общества, программа партіи примирителей оговаривается, что „поляки не могутъ манифестировать тѣхъ чувствъ, которыя находятъ свое естественное выраженіе въ другихъ частяхъ государства—и честные и просвѣщенные русскіе должны понять причину нашего молчанія“. Ни русскофильскихъ, ни японофильскихъ манифестацій!—таковъ лозунгъ программы партіи примирителей. Вообще всякія чисто политическія манифестаціи по поводу войны не умѣстны, и на этотъ путь польское общество могло бы вступить только тогда, когда поляки имѣли бы надежду, что въ русскомъ государствѣ произойдутъ крупныя перемѣны въ ихъ пользу. Но такъ какъ на этотъ счетъ пока еще ничего неизвѣстно, то не слѣдуетъ пробуждать надеждъ, потому что въ случаѣ ихъ неосуществленія нація можетъ впасть въ отчаяніе и надѣлать глупостей...

Такимъ образомъ, воздерживаясь отъ политическихъ выступленій, слѣдуетъ путемъ настойчиваго повседнев-

наго труда добиваться равноправности, развивать національное самосознаніе и способствовать подъему культурнаго уровня народныхъ массъ, какъ польскихъ, такъ и литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ, среди которыхъ живутъ поляки. Представители польской интеллигенціи должны поддерживать дружественное отношеніе къ русскому обществу, принимать участіе въ съѣздахъ, собирающихся для обсужденія вопросовъ политики или соціальной, экономической и административной жизни русскаго государства. Пока въ Россіи господствуетъ враждебный полякамъ правительственный режимъ, дѣло народнаго образованія должно вестись нелегально, но слѣдуетъ всѣми силами стараться, чтобы эта работа не превратилась въ революціонную агитацію. Программа заканчивается предостереженіемъ передъ всякими нелегальными организаціями, стабающимися играть роль тайныхъ національныхъ правительственныхъ властей.

Хотя вся эта программа не заключаетъ въ себѣ ничего по существу новаго, однако, въ ней отрожается извѣстная перемѣна настроенія партіи примирителей подъ вліяніемъ того, что происходило на Дальнемъ Востокѣ. Примирители поднимаютъ голову, открыто говоря о необходимости нелегальной работы и не упоминая объ обязанности манифестировать передъ правительствомъ лойяльность и россійскій „патріотизмъ“ польскаго народа.

Позиція націоналъ-демократовъ, занятая ими въ началѣ русско-японской войны, собственно говоря, не отличалась отъ того, что предлагали въ своей программѣ примирители. И тѣ и другіе совѣтовали польскому обществу выжидать, подготовлять національныя

силы къ работѣ въ измѣненныхъ, благодаря такому или другому исходу войны, условіяхъ, укрѣплять самосознаніе массъ и избѣгать всякихъ активныхъ выступленій. Разница между ними состояла развѣ только въ томъ, что Н.-Д. вполнѣ откровенно высказывали свою радость по поводу пораженій Россіи и полную симпатію Японіи въ то время, какъ примирители считали такой образъ дѣйствій въ высшей степени предосудительнымъ и безтактнымъ.

Значеніе русско-японской войны слѣдующимъ образомъ было оцѣнено Н.-Д.: „Эта война, хотя бы она и окончилась побѣдой Россіи, все-таки повлечетъ за собой ея пораженіе. Ея послѣдствіемъ будетъ несомнѣнно паденіе престижа русской монархіи въ глазахъ азіатскихъ народностей, серьезное разстройство ея финансовъ и, что самое важное, изобличеніе немощи и вреда правительства бюрократіи. Эта война должна ускорить внутренній кризисъ и приблизить моментъ перестройки политической системы государства, а начинающаяся эпоха тяжелой борьбы на востокѣ заставитъ Россію измѣнить политику по отношенію къ угнетаемымъ ею народностямъ и спеціально къ нашей націи. Россія принуждена будетъ считаться съ нами. И тогда отъ нашего поведенія, отъ нашей политической зрѣлости, отъ нашей рѣшительности и энергіи, отъ согласія въ нашихъ національныхъ рядахъ будетъ зависѣть судьба ближайшихъ польскихъ поколѣній“. (Воззваніе Лиги въ февралѣ 1904).

Ставъ на такую точку зрѣнія, Н.-Д., конечно, должны были выступить противъ всего того, что могло бы нарушить полную пассивность политическихъ силъ націи до окончанія войны. Вышеприведенное воз-

званіе заключаетъ въ себѣ угрозу по адресу всѣхъ тѣхъ, кто бы пожелалъ воспользоваться еще до окончанія войны затруднительнымъ положеніемъ Россіи: „Мы должны внимательно слѣдить за поведеніемъ нашего общества, предостерегать его передъ ложными шагами и удерживать отъ всего, что могло бы вывести его изъ равновѣсія и такимъ образомъ уменьшить его силы. Такую роль теперь сыграли бы всякія несвоевременныя выступленія: не связывая свободы правительства въ его военныхъ дѣйствіяхъ, они внесли бы дезорганизацію въ наши собственные ряды. Первыя попытки начать такую агитацію уже появились, и онѣ несомнѣнно повторятся при каждой военной неудачѣ Россіи. Имъ слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами“.

Эта угроза направлена противъ польской соціалистической партіи, которая въ противоположность партіи примирителей и Н.-Д. сочла необходимымъ сразу же приступить къ активной политической борьбѣ, пользуясь нравственнымъ и физическимъ ослабленіемъ правительства.

Въ мою задачу не входитъ подробное ознакомленіе читателей съ ходомъ событій польской революціонной жизни въ періодъ русско-японской войны. Это отвлекло бы насъ отъ основной темы моей статьи, да и было бы совершенно невозможно по недостатку мѣста. Поэтому я ограничусь только общей характеристикой дѣятельности П. П. С. до половины января 1905 г., развиваемой этой партіей на почвѣ прежней программы.

Задавшись цѣлью содѣйствовать ослабленію правительственныхъ силъ путемъ активной борьбы въ пре-

дѣлахъ Польши и Литвы [1]), П. П. С. переходитъ отъ агитаціонной и организаціонной работы къ открытымъ выступленіямъ революціоннаго характера. На „патріотическія“ манифестаціи, устраиваемыя полиціей, П. П. С. отвѣтили контръ-демонстраціями, заставившими власти прекратить всѣ попытки въ этомъ направленіи. Организація сбора „пожертвованій“ на „Красный Крестъ“ встрѣтилась съ энергичной контрагитаціей со стороны П. П. С., имѣвшей большой успѣхъ. Одновременно съ этимъ П. П. С. развиваетъ неутомимую дѣятельность, направленную на выясненіе городскимъ и сельскимъ народнымъ массамъ причинъ, значенія и возможныхъ послѣдствій войны. Подъ вліяніемъ этой агитаціи рабочіе и крестьяне быстро революціонизируются, среди нихъ замѣчается поразительный подъемъ духа, и, благодаря этому, сила партіи, ея средства и значеніе увеличиваются съ каждымъ днемъ. П. П. С. старается завязать болѣе тѣсныя сношенія съ партіями сосѣднихъ народностей—литовской, бѣлорусской и латышской, выпуская вмѣстѣ съ этими организаціями общія воззванія. Представители П. П. С. принимаютъ участіе въ извѣстной парижской конференціи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Россіи, созванной по почину финляндской оппозиціи. Съ осени 1904 г. дѣятельность П. П. С. принимаетъ явно революціонный характеръ: вмѣсто прежнихъ мирныхъ манифестацій П. П. С. организуетъ, начиная съ 13-го ноября, вооруженныя демонстраціи. Террористи-

[1]) Въ началѣ текущаго столѣтія П. П. С перенесли свою дѣятельность въ три т.-н. литовскія губерніи, создавъ рядъ польскихъ и еврейскихъ организацій въ главныхъ промышленныхъ центрахъ этого края.

ческіе акты постоянно учащаются, принимая вскорѣ массовой характеръ. Нападенія на правительственныя учрежденія, порча казенныхъ зданій и памятниковъ русскаго господства въ Польшѣ, взрывы мостовъ и желѣзнодорожныхъ путей во время мобилизаціи—вотъ формы, въ которыя отлилось революціонное движеніе П. П. С. наканунѣ историческихъ январскихъ событій 1905 г.

Какова же была идейная подкладка этой все разгоравшейся и постоянно усиливающейся борьбы? На это мы находимъ отвѣтъ въ передовой статьѣ № 56 „Работника"—центральнаго органа П. П. С. (22-го іюля 1904 г.). Эта статья доказываетъ, что война не кончится безъ серьезныхъ результатовъ. Эти результаты будутъ тѣмъ глубже, чѣмъ слабѣе окажется правительство. Поэтому нельзя сидѣть молча, какъ совѣтуютъ примирители, или ждать въ бездѣйствіи конца, войны, какъ этого хотятъ націоналъ-демократы. Для революціонныхъ элементовъ это было бы прямо самоубійство, если бы они не развили самой энергичной дѣйтельности именно въ самую тяжелую для царизма минуту. И мы можемъ быть убѣждены, что безъ этой дѣятельности, веденной за все время войны, мы немного или ровно ничего не получимъ послѣ нея. Мы можемъ разсчитывать на политическія завоеванія только при томъ условіи, что мы будемъ заранѣе накоплять революціонныя силы и постоянно подкапывать царизмъ своей агитаціей и революціонными дѣйствіями—говорилъ „Работникъ". На вопросъ же, каковы будутъ эти завоеванія революціи, „Работникъ" отвѣчалъ, что ихъ заранѣе нельзя еще опредѣлить. „Мы знаемъ, и это наше глубокое убѣжденіе, что самодержавіе должно

пасть и падетъ... Однако, полной увѣренности относительно времени, когда это произойдетъ, у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Еще труднѣе предвидѣть, каковы будутъ ближайшія послѣдствія паденія самодержавія: будетъ ли это конституція и какая, дастъ ли она самоуправленіе не-русскимъ народностямъ, или же мы завоюемъ независимость? Ясно только то, что въ настоящій моментъ революціонное движеніе имѣетъ громадные шансы успѣха, что мы получимъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе и шире будетъ наше движеніе". Что касается цѣли этой борьбы, то „Работникъ" настаиваетъ на томъ, что этой цѣлью можетъ быть только основное программное требованіе П. П. С.—„независимая демократическая республика" и что суживать эту цѣль въ настоящій моментъ не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ.

Революціонная точка зрѣнія П. П. С. и ея боевая дѣятельность встрѣтились съ симпатіями народныхъ массъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, и привлекли къ ней сочувствіе громаднаго круга той прогрессивной интеллигенціи, которая до сихъ поръ не примыкала ни къ П. П. С., считая ее слишкомъ революціонной и слишкомъ крайней, ни къ Н.-Д., видя въ ней представительницу реакціоннаго націонализма. Мало-по-малу въ средѣ этой интеллигенціи, до сихъ поръ разрозненной, зарождается стремленіе создать собственную партію, до извѣстной степени поддерживающую П. П. С., но вмѣстѣ съ тѣмъ выставляющую программу политическихъ требованій, могущихъ скорѣе разсчитывать на осуществленіе при ликвидаціи самодержавнаго режима, нежели программа П. П. С. Такимъ образомъ,

сплачиваются элементы, создавшіе немного спустя прогрессивно-демократическую партію. (П. Д.).

Что касается Н.-Д., то по мѣрѣ развитія революціонной дѣятельности П. П. С., она, согласно своему лозунгу—пассивно ожидать конца войны, направила всѣ свои силы на борьбу съ П. П. С., желая парализовать ея работу. Однако, постоянныя неудачи Россіи на Дальнемъ Востокѣ и вызванное ими оживленіе польскаго общества создавали положеніе, при которомъ не вести какой-нибудь активной дѣятельности равнялось для партіи уходу со сцены и полной ликвидаціи. Вслѣдствіе этого и Н.-Д. была принуждена измѣнить свою тактику. Съ одной стороны, она, вопреки всѣмъ своимъ традиціямъ, принимаетъ участіе въ парижской конференціи вмѣстѣ съ двумя русскими партіями, и съ другой—организуетъ активную „борьбу за право“ въ крестьянской гминѣ.

Дѣло въ томъ, что по закону въ гминномъ самоуправленіи Царства Польскаго языкъ мѣстнаго населенія долженъ былъ пользоваться довольно широкими правами. Между тѣмъ на дѣлѣ и компетенція гминнаго самоуправленія и роль въ немъ польскаго языка были сведены къ нулю. Въ гминѣ царствовалъ полный произволъ уѣздныхъ административныхъ властей, а польскій языкъ оказался совершенно изъ нея вытѣсненнымъ. Н.-Д. рѣшила воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ правительства и возстановить гминное самоуправленіе вмѣстѣ съ правами польскаго языка въ гминѣ въ полномъ объемѣ. И вотъ рядъ гминныхъ сходовъ подъ вліяніемъ Н.-Д. постановляетъ ввести переписку и все дѣлопроизводство на польскомъ языкѣ. Это движеніе, вызвавшее сильныя репрессаліи, мало-

по-малу охватываетъ громадную площадь, и такимъ образомъ въ деревню вносится новый элементъ, революціонизирующій ея населеніе.

Къ началу 1905 г. положеніе дѣлъ въ Польшѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Народныя массы революціонизированы въ высшей степени. Рабочіе, руководимые П. П. С., дѣятельно подготовляются къ активному протесту противъ надвигающейся, по слухамъ, мобилизаціи Лодзи и Варшавы. Въ деревняхъ растетъ броженіе на почвѣ „борьбы за право“ въ гминномъ самоуправленіи и подъ вліяніемъ соціалистической агитаціи, идущей изъ городовъ. Прогрессивная интеллигенція организуется въ самостоятельную оппозиціонную партію, готовящуюся учесть предполагаемыя уступки, отвоеванныя революціонной борьбой. Національ-демократы съ возростающимъ ожесточеніемъ выступаютъ противъ революціонной тактики П. П. С., явно ведущей—по ихъ мнѣнію—къ вооруженному возстанію. Только одна партія примирителей остается пассивной, такъ какъ настроеніе, охватившее всѣ слои націи, совершенно не благопріятствуетъ ихъ мирной, умѣренной, сдержанной тактикѣ. Даже въ области борьбы съ революціоннымъ движеніемъ они оттѣсняются на задній планъ націоналъ-демократами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Броженіе среди польской интеллигенціи въ концѣ 1904 г.—Записка гр. Тышкевича.—Докладная записка 23-хъ.—Прогрессисты-демократы и ихъ программа.—9-е января и событія въ Польшѣ. — Требованія П. П. С.—Народныя движенія въ Царствѣ Польскомъ.—Забастовка учащейся молодежи.—Указъ 17 апрѣля и возвращеніе уніатъ въ католичество.—Постановленіе комитета министровъ 3-го мая. — Протестъ польскаго общества.—Новая программа Н. Д.—Автономія въ программѣ соціалъ-демократовъ.—Эволюція Н. Д. — Ея борьба съ революціонными теченіями.—«Національный рабочій союзъ». — Отношеніе къ булыгинской думѣ.—Октябрьская забастовка.—На военномъ положеніи.—Отношеніе польскихъ партій къ государственной думѣ.—Позиція П. Д. — Побѣда національ-демократовъ.

I.

Демонстрація 13-го ноября 1904 г. и слѣдовавшія за ней кровавыя стычки рабочихъ съ войсками въ Радомѣ, въ Заверцѣ и т. д. во время второй мобилизаціи, оказали сильное вліяніе на ту часть интеллигенціи, которая, не примыкая непосредственно къ П. П. С., относилась отрицательно и къ примирителямъ и къ націоналъ-демократамъ. Эта интеллигенція, видя, какъ польскій пролетаріатъ смѣло рвется на борьбу за соціалистическій идеалъ и полную національную свободу, почувствовала, что на сцену выступила серьезная политическая сила. Подъ вліяніемъ этого интеллигенція

начинаетъ организовываться и приступаетъ къ выработкѣ національной программы, которая, по ея мнѣнію, могла бы быть реализована въ моментъ ликвидаціи самодержавнаго режима, когда правительство, боясь пролетарской революціи, было бы принуждено пойти на уступки.

Ростъ либеральнаго движенія въ Россіи и, въ частности, съѣздъ представителей земствъ въ Петербургѣ, повліяли оживляющимъ образомъ на польскую демократическую и даже на недемократическую интеллигенцію. Польское образованное общество почувствовало, что правительство колеблется и готово провести кое-какія реформы. Сладкія рѣчи кн. Святополка-Мирскаго позволили думать, что и поляки могутъ питать нѣкоторую надежду на полученіе кое-какихъ крохъ.

И вотъ въ Варшавѣ происходятъ многочисленныя и многолюдныя собранія интеллигенціи. На этихъ собраніяхъ подвергаются обсужденію настоятельныя нужды польскаго общества, составляются адреса и докладныя записки, вырабатываются различныя программы дѣйствій и т. д. Примѣру Варшавы послѣдовала и провинція. На этихъ собраніяхъ было очень много досужей болтовни, свидѣтельствующей о полномъ хаосѣ, господствующемъ среди большей части польской интеллигенціи, отвыкшей отъ активной политической дѣятельности, которая въ теченіе долгихъ лѣтъ представляла какъ бы монополію, съ одной стороны, примирителей, а съ другой—соціалистовъ. Тѣмъ не менѣе эти собранія содѣйствовали выясненію дѣла и привели къ извѣстной дифференціаціи въ средѣ польской интеллигенціи. Одна часть — умѣренная, состоящая изъ элементовъ крайней лѣвой партіи примирителей и группы

націоналъ-демократовъ, выработала докладную записку (т. н. записку гр. Владислава Тышкевича), врученную Святополку 23 декабря 1904 года. Другая—радикальная, распалась на нѣсколько группъ, изъ которыхъ серьезное значеніе получила, благодаря своему личному составу, такъ называемая „прогрессивно-демократическая".

Записка гр. Тышкевича *) заключаетъ въ первой части краткій очеркъ положенія поляковъ въ Россіи, а во второй—сводъ „самыхъ настоятельныхъ нуждъ" польскаго населенія. Записка гр. Тышкевича считаетъ самымъ необходимымъ прежде всего:

„1. Возстановленіе польскаго языка въ качествѣ языка преподаванія въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; возстановленіе этого же языка въ судопроизводствѣ и администраціи края точно такъ же, какъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ;

2. Право поляковъ занимать всѣ правительственные и общественные служебные посты;

3. Самоуправленіе въ сельскихъ и городскихъ округахъ при участіи въ немъ всѣхъ слоевъ населенія, причемъ основной единицей самоуправленія признается гмина;

4. Гарантированіе греко-уніатамъ свободы вѣроисповѣданія; полное возстановленіе правъ римско-католической церкви во внутреннемъ управленіи и въ сношеніяхъ съ главой церкви; возстановленіе упраздненной въ 1867 году въ Варшавѣ римско-католической духовной академіи".

*) Въ настоящее время члена государственной думы отъ г. Варшавы.

Эта въ высшей степени скромная петиція является все-таки крупнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ такъ наз. „докладной запиской 23-хъ“, врученной Святополку 10-го ноября и подписанной видными представителями консервативной партіи примирителей: В. Д. Спасовичемъ, ксендзомъ Хэлмицкимъ, кн. Святополкъ-Четвертинскимъ, кн. А. Радзивилломъ, марк. Велепольскимъ и др. Примирители просили для поляковъ равноправности съ русскими и упраздненія исключительныхъ законовъ, изданныхъ спеціально противъ поляковъ, обращаясь при этомъ къ правительству на рабьемъ языкѣ, употребляя такія выраженія, какъ „воля великодушнаго Монарха“, „благополучіе и слава великаго русскаго государства, съ которымъ край нашъ соединенъ неразлучными узами“ и т. п.

Прогрессивно-демократическая группа (П.-Д.) не обращалась къ правительству. Она формулировала свои требованія передъ лицомъ польскаго общества въ видѣ слѣдующей программы:

„1. Царство Польское получитъ обратно ту политическую организацію, въ какой она была первоначально присоединена къ Россіи, и будетъ составлять не одну изъ областей Россійской Имперіи, именуемую Привислинскимъ краемъ, а отдѣльную государственно-правовую единицу.

2. Въ качествѣ такой государственно-правовой единицы Царство Польское получитъ автономію, въ основаніе которой будетъ положенъ органическій статутъ, выработанный собственнымъ сеймомъ, избраннымъ путемъ всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ Такой автономіи не можетъ замѣнить допущеніе Цар-

ства Польскаго къ участію въ общеимперскомъ правопорядкѣ Россіи.

3. Въ предѣлахъ Литвы и Правобережной Украины, гдѣ польское населеніе составляетъ одну изъ мѣстныхъ народностей, поляки будутъ пользоваться, наравнѣ съ другими народностями, всей совокупностью гражданскихъ и культурно-національныхъ правъ безъ всякихъ законодательныхъ или административныхъ ограниченій.

4. До выработки органическаго статута Царства Польскаго и введенія въ краѣ новаго порядка управленія—необходимо предоставленіе населенію слѣдующихъ правъ:

а) возстановленіе польскаго языка въ качествѣ органа всей общественной жизни въ Царствѣ Польскомъ въ школахъ, судахъ, администраціи и вообще во всѣхъ учрежденіяхъ;

б) упраздненіе всѣхъ существующихъ въ Царствѣ Польскомъ связанныхъ съ происхожденіемъ и вѣроисповѣданіемъ ограниченій и преимуществъ, причемъ должны быть признаны законными всѣ заключенные не въ православныхъ церквахъ браки уніатъ и происшедшее отъ этихъ браковъ потомство; къ тому же всѣ заключенные въ тюрьму и сосланные административнымъ порядкомъ за свою вѣру уніаты должны быть немедленно освобождены;

в) объявленіе свободы совѣсти, собраній, стачекъ рабочихъ для защиты ихъ интересовъ, свободы мысли, вѣроисповѣданія и публичнаго слова;

г) неприкосновенность личности и частнаго жилища;

д) отмѣна административнаго порядка въ преслѣдованіи политическихъ преступленій, амнистія для лицъ, осужденныхъ за политическія дѣла, и отмѣна

ограниченій правъ и другихъ наказаній, опредѣленныхъ административнымъ порядкомъ за тѣ же дѣла или за политическую неблагонадежность;

е) предоставленіе полякамъ равноправности съ прочими гражданами Имперіи;

ж) обязательное и безплатное начальное образованіе въ вѣдѣніи общинъ;

з) введеніе самоуправленія городскихъ и сельскихъ общинъ, основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ".

Политическое броженіе польской интеллигенціи не имѣло бы серьезнаго значенія, если бы оно не совпало со стачечнымъ движеніемъ польскихъ рабочихъ, вызваннымъ петербургскими событіями 9-го января 1905 г. Въ отвѣтъ на эти событія въ Царствѣ Польскомъ вспыхнула неслыханная до сихъ поръ по своимъ размѣрамъ политическая забастовка. Начиная съ Варшавы и Лодзи и кончая самыми маленькими мѣстечками, гдѣ не было никакихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, повсюду польскіе рабочіе бастовали въ знакъ солидарности съ петербургскимъ пролетаріатомъ. Эта забастовка охватила даже всѣ разбросанные по провинціи винокуренные, сахарные и лѣсопильные заводы, мало-по-малу переходя и въ деревню, гдѣ она вызвала стачечное движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ очень крупныхъ размѣрахъ. Въ общемъ бастовало слишкомъ 600.000 рабочихъ. И все польское общество, безъ различія направленій, открыто сочувствовало этой забастовкѣ, видя въ ней колоссальную политическую демонстрацію. Значеніе П. П. С., вызвавшей эту забастовку и руководившей ею, чрезвычайно усилилось, и ея лозунгъ, во имя котораго была вы-

звана всеобщая забастовка, сталъ очень популяренъ въ Польшѣ.

Варшавскій рабочій комитетъ П. П. С., приглашая рабочихъ на забастовку, исходилъ изъ того положенія, что въ Петербургѣ вспыхнула революція, вслѣдствіе чего и польскій пролетаріатъ долженъ немедленно же приступить къ реализаціи своихъ программныхъ требованій. Эти требованія въ области политическихъ отношеній въ данный моментъ должны были свестись къ избранію въ Варшавѣ всенароднаго сейма съ компетенціей учредительнаго собранія—сейма, который, съ одной стороны, провелъ бы рядъ демократическихъ и соціальныхъ реформъ, а съ другой—договорился бы съ петербургскимъ учредительнымъ собраніемъ относительно дальнѣйшихъ отношеній Польши къ Россіи.

Хотя очень скоро оказалось, что оцѣнка петербургскихъ событій 9-го января была неправильной, и что они не могли привести непосредственно къ созыву петербургскаго учредительнаго собранія, тѣмъ не менѣе лозунгъ, выставленный П. П. С. въ январьскіе дни, удержался и сталъ со временемъ программнымъ требованіемъ не только одной этой партіи.

Подъ впечатлѣніемъ очевиднаго роста революціоннаго движенія въ Россіи, охватившаго рабочія массы, П. П. С. нѣсколько измѣняетъ свои основные взгляды. Не отказываясь отъ идеала совершенно независимой польской демократической республики, П. П. С. поставила себѣ цѣлью добиться въ ближайшее будущее такой государственно-правовой самостоятельности Царства Польскаго, которая позволила бы ему развиваться вполнѣ свободно, не отдѣляясь отъ Россіи. Гарантіей же этого развитія должно было бы стать варшавское учреди-

тельное собраніе, созванное одновременно съ петербургскимъ и совершенно съ нимъ равноправное. На седьмомъ съѣздѣ П. П. С., состоявшемся въ мартѣ 1905 г., была принята резолюція въ этомъ смыслѣ. Такую же резолюцію относительно урегулированія взаимныхъ отношеній Польши и Россіи вынесла и извѣстная женевская конференція, состоявшаяся весной 1905 г., при участіи П. П. С., русской партіи соціалистовъ-революціонеровъ, финляндской партіи активнаго сопротивленія, армянской революціонной федераціи, грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ, латышскаго соціалъ-демократическаго союза и бѣлорусской соціалистической „Громады“.

Вспыхнувшая въ январѣ всеобщая забастовка польскихъ рабочихъ, имѣвшая сначала чисто-политическій характеръ, нѣсколько спустя, превратилась въ упорную, продолжительную борьбу за экономическія уступки. Это движеніе, то затихавшее, то возобновлявшееся съ прежней силой, продолжалось до мая и закончилось серьезными уступками рабочимъ со стороны фабрикантовъ. Почти всюду удалось сократить рабочій день, значительно повысить заработную плату, уничтожить обыски и т. п. мѣры. Стачечная борьба всколыхнула самые отсталые слои рабочей массы. Вездѣ пробудилось страстное желаніе борьбы, стремленіе къ политической дѣятельности охватило незатронутыя до сихъ поръ соціалистической пропагандой сферы, спросъ на агитаціонную литературу удесятерился. Полицейскія репрессаліи въ дни стачки вызвали среди рабочихъ страшное озлобленіе, результатомъ котораго явились постоянно учащающіеся случаи нападеній на городовыхъ, околоточныхъ, стражниковъ, сыщиковъ, солдатъ и казаковъ.

Акты этого стихійнаго движенія чередуются съ проявленіями организованнаго террора, направленнаго противъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Борьба крестьянъ за польскій языкъ въ гминахъ и сельскихъ школахъ охватываетъ все новые и новые пункты. Школьная забастовка, начавшаяся одновременно съ рабочей и подъ ея вліяніемъ, охватила около 80% учащейся молодежи среднихъ учебныхъ заведеній. Высшія учебныя заведенія были закрыты. Польская молодежь рѣшилась не возвращаться въ школу до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя не станетъ польской и не получитъ новой, свободной организаціи.

Для всѣхъ стало ясно, что движеніе, охватившее все польское населеніе, уже не уляжется, что оно, несомнѣнно, будетъ расти и заставитъ русское правительство пойти на уступки—тѣмъ болѣе, что подобный же ростъ освободительнаго движенія наблюдался и на другихъ окраинахъ и въ коренной Россіи. Не подлежало сомнѣнію, что руссификаторскому режиму въ Польшѣ приходитъ конецъ, и что приближается моментъ расплаты за господствовавшій почти цѣлое столѣтіе страшный гнетъ.

Указъ 17-го апрѣля, дающій возможность переходить бывшимъ уніатамъ и православнымъ въ католичество, взволновалъ все населеніе восточной части Царства Польскаго. Какъ только населеніе ознакомилось съ содержаніемъ указа, по деревнямъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній, населеннымъ „православными“, началось небывалое движеніе. Многотысячныя толпы народа осаждали костелы, требуя, чтобы ихъ „переписали“ въ католическую вѣру. Изъ самыхъ отдаленныхъ приходовъ, гдѣ, казалось, православіе уже

восторжествовало и гдѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, „упорствующихъ“ уже не значилось, приходили извѣстія, что населеніе ихъ почти поголовно переходитъ въ католичество. Объѣздъ люблинскаго католическаго епископа Ячевскаго территоріи бывшихъ уніатъ превратился въ какое-то тріумфальное шествіе. Города (Замостье, Грубешевъ, Холмъ, Влодава), куда католическому епископу было запрещено показываться въ теченіе 30 лѣтъ, устраивали Ячевскому небывалыя овація. Десятки тысячъ крестьянъ стекались отовсюду, чтобы въ первый разъ быть на богослуженіи, отправляемомъ епископомъ.

Мѣстныя власти не ожидали ничего подобнаго, предполагая, что возвращеніе бывшихъ уніатъ въ католичество ограничится нѣсколькими десятками тысячъ „упорствующихъ“. Между тѣмъ, католическими оказывались деревни, въ которыхъ „упорствующихъ“ совсѣмъ не было. Попытались было воспрепятствовать продолженію объѣзда Ячевскимъ его епархіи, но это не удалось. Тогда оказавшіеся на мели православные дѣятели стали осаждать Петербургъ отчаянными мольбами о предотвращеніи плачевныхъ для православія результатовъ указа.

Между тѣмъ движеніе не прекращалось. Во многихъ „православныхъ“ приходахъ количество фактическихъ православныхъ свелось почти на нѣтъ. Въ приходѣ Карловѣ православными остались попъ, попадья и дьячекъ. Двѣ дочери этого послѣдняго также перешли въ католичество.

Указъ 17-го апрѣля долженъ былъ умиротворить элементы, подвергаемые религіознымъ преслѣдованіямъ, постановленіе же комитета министровъ, изложенное

въ особомъ его журналѣ 5 и 6 апрѣля и 3 мая 1905 г.— повліять успокоительнымъ образомъ на все польское населеніе. Однако, эти уступки оказались каплей воды, упавшей на раскаленную плиту. Подъ вліяніемъ хода событій и въ Манчжуріи и въ самой Польшѣ то, что еще 5—6 мѣсяцевъ тому назадъ могло показаться серьезной уступкой, было принято взрывомъ негодованія—тѣмъ болѣе, что и эти жалкія крохи, которыя правительство предложило полякамъ, на дѣлѣ оказывались по большей части недостижимыми, благодаря противодѣйствію администраціи.

И вотъ тѣ же элементы, которые обращались къ правительству съ покорной просьбой (записка 23-хъ), затѣмъ съ весьма скромными желаніями (записка гр. Тышкевича), заговариваютъ въ совсѣмъ другомъ тонѣ. Протестъ противъ постановленій комитета министровъ, покрытый тысячами подписей видныхъ представителей изъ лагеря бывшихъ примирителей и національ-демократовъ, заканчивается слѣдующими словами:

„Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляемъ протестъ противъ системы, стремящейся къ обрусенію Царства Польскаго, послѣднимъ словомъ которой являются постановленія комитета министровъ, изложенныя въ особомъ его журналѣ 5-го и 6-го апрѣля и 3-го мая 1905 года. Въ протестѣ этомъ мы имѣемъ въ виду не столько постановленія комитета министровъ, которыя, какъ не основанныя на глубокомъ знакомствѣ съ положеніемъ вещей и государственныхъ задачъ, могутъ имѣть лишь временное значеніе, сколько выраженія чувствъ польскаго народа и его взглядовъ на всю донынѣшнюю ошибочную и не отвѣчающую государствен-

ному разуму систему правленія въ Царствѣ Польскомъ. Мы еще разъ настоятельно заявляемъ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію; признать польскій языкъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края; предоставить мѣстному элементу управленіе Царствомъ Польскимъ и обезпечить за населеніемъ гражданскую свободу. Не намъ рѣшать вопросъ объ интересахъ русскаго государства и русскаго народа. Но мы не можемъ повѣрить, чтобы эти интересы требовали дальнѣйшаго сохраненія такого режима, который не достигъ ни одной изъ своихъ цѣлей и который, напротивъ, вызвалъ столь опасныя и плачевныя не только для насъ послѣдствія. Исполняя свой долгъ по отношенію къ нашей совѣсти и къ нашему народу, мы констатируемъ, что пренебреженіе нуждами Царства Польскаго и отказъ намъ въ правахъ и учрежденіяхъ, которыя составляютъ необходимость для нашего національнаго и культурнаго развитія, неминуемо должны вызвать усиленіе борьбы поляковъ съ дѣйствующимъ режимомъ и увеличеніе силы анархіи. Мы за все это не беремъ на себя отвѣтственности".

Если мы вспомнимъ, что въ этомъ тонѣ говорятъ люди, принадлежащіе къ консервативному и умѣренно-либеральному лагерю, дѣятельно борющіеся съ революціоннымъ движеніемъ, то мы поймемъ, какъ поднялся уровень политическихъ требованій польскаго общества. Вышеизложенные пункты являются дѣйствительно минимумомъ всѣхъ не-революціонныхъ элемен-

товъ польскаго общества—лѣваго крыла примирителей, національ-демократовъ и прогрессистовъ-демократовъ.

Н.-Д. выступаютъ съ новой программой, которая болѣе или менѣе совпадаетъ какъ съ вышеприведеннымъ протестомъ, такъ и съ программой П.-Д., поскольку это касается ея политическихъ требованій. Вотъ эта программа Н.-Д: *).

„Дѣйствительныя улучшенія могутъ быть достигнуты лишь при обоснованіи государственной принадлежности Царства Польскаго въ Россійской Имперіи на началахъ автономіи края, истекающихъ изъ его польскаго характера и сообразующихся съ его природными особенностями, историческимъ развитіемъ и соціально-экономическимъ строемъ. Такимъ началамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ общесознаваемымъ нуждамъ и требованіямъ польскаго общества соотвѣтствовали бы слѣдующія реформы:

Прежде всего I. Возстановленіе польскаго языка какъ оффиціальнаго во всѣхъ областяхъ публичной жизни, въ администраціи и въ судебномъ вѣдомствѣ, а также какъ преподавательнаго языка во всякихъ учебныхъ заведеніяхъ.

II. Возстановленіе полноправности римско-католической церкви. Признаніе свободы вѣроисповѣданія для бывшихъ греко-уніатовъ. Полная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій и обрядовъ.

III. Обоснованіе управленія края и его администраціи на мѣстномъ элементѣ.

IV. Введеніе сообразнаго съ потребностями края мѣстнаго самоуправленія съ участіемъ въ немъ всѣхъ слоевъ населенія.

*) Она была прислана въ „Русь“ и напечатана тамъ въ № 88 за 1905 г.

V. Отбываніе военной службы въ мирное время мѣстными призывными въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ.

VI. Отмѣна въ цѣломъ государствѣ всѣхъ исключительныхъ законоположеній и распоряженій, направленныхъ противъ поляковъ, отмѣна паспортной системы; предоставленіе жителямъ Царства Польскаго гарантій личныхъ и гражданскихъ правъ и посему прежде всего — признаніе неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ, предоставленіе свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ, а за симъ:

VII. Сообразованіе съ особенными мѣстными условіями и съ исторической традиціей края всего внутренняго его строя, т. е. законодательной системы, администраціи, судоустройства и судопроизводства, народнаго просвѣщенія и обоснованіе этого строя на отдѣльномъ для Царства Польскаго бюджетѣ. Выработка означенной реформы должна быть предоставлена лицамъ, надлежаще ознакомленнымъ съ мѣстными условіями, пользующимся довѣріемъ польскаго общества и, слѣдовательно, призваннымъ для сего дѣла путемъ выборовъ.

Варшава, въ апрѣлѣ 1905 г.

Національно-демократическая партія въ Царствѣ Польскомъ".

Автономія Царства Польскаго въ качествѣ требованія-минимумъ стала на столько популярной во всѣхъ слояхъ польскаго общества, что даже „Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы" приняла ее въ свою программу. Эта соціалистическая группа, ничтожная по своему вліянію до конца 1904 г., въ слѣдующемъ

1905-омъ, году значительно усиливается и пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе въ рабочей жизни Царства Польскаго. Не переставая быть очень слабой въ сравненіи съ П. П. С., „Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы“ создаетъ тѣмъ не менѣе серьезную организацію въ Варшавѣ, Ченстоховѣ и отчасти въ Лодзи и такимъ образомъ становится факторомъ политической жизни, съ которымъ приходится считаться и правительству и польскому обществу. С. Д. Ц. П. и Л. все время стояла на ультра-централистической точкѣ зрѣнія, выступая не только противъ требованія независимости Польши, но и вообще противъ всякаго обособленія Царства Польскаго. Въ концѣ концовъ, однако, и эта партія высказалась въ пользу автономіи послѣдняго.

„Такъ какъ нашъ край—говорится въ комментаріяхъ къ партійной программѣ С. Д. Ц. П. и Л.—являетъ собой извѣстное самостоятельное (odrebna) цѣлое въ русскомъ государствѣ, отличающееся по своей культурной, а отчасти и соціально-экономической жизни отъ остальныхъ частей государства, поэтому С. Д. Ц. П. и Л. домогается, рядомъ съ общей гражданской равноправностью всѣхъ національностей, провинціальнаго самоуправленія или автономіи для Польши. Это значитъ, что она требуетъ, чтобы дѣла, касающіяся спеціально нашего края, были рѣшаемы населеніемъ нашего края съ помощью собственныхъ должностныхъ лицъ и собственнаго провинціальнаго (krajowego) сейма, избираемаго всѣмъ взрослымъ населеніемъ страны путемъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ, и чтобы были заведены у насъ польскія школы, суды и другія необходимыя учрежденія, дѣятельность которыхъ зависѣла бы отъ сейма“.

*

Между тѣмъ революціонное движеніе и въ Польшѣ и въ Россіи расло и усиливалось. Окончаніе войны и портсмутскій миръ вызываютъ новый подъемъ революціоннаго настроенія. Въ концѣ концовъ всероссійская желѣзнодорожная забастовка и сопровождающая ее стачка рабочихъ массъ всего русскаго государства заставляетъ правительство капитулировать. Манифестъ 17-го октября возвѣщаетъ присоединеніе Россіи къ семьѣ конституціонныхъ государствъ. Въ состоящей на военномъ положеніи Варшавѣ этотъ манифестъ былъ встрѣченъ, какъ залогъ мирнаго развитія польскаго населенія, приступающаго къ созидательной работѣ при новыхъ условіяхъ. Все польское общество было охвачено однимъ стремленіемъ—начать новую жизнь на развалинахъ прежняго режима, залѣчить тѣ глубокія раны, которыя были слѣдствіемъ ударовъ, наносимыхъ польскому народу въ теченіе почти столѣтія. Никто не думалъ въ этотъ моментъ о какомъ бы то ни было сепаратизмѣ, и лозунгомъ громаднаго большинства польскаго общества была *автономія на основахъ, созданныхъ варшавскимъ сеймомъ, располагающимъ правами учредительнаго собранія.* За исключеніемъ С. Д. Ц. П. и Л.. всѣ польскія партіи высказались въ пользу такого сейма. Отвѣтомъ на это было введеніе во всѣхъ десяти губерніяхъ Царства Польскаго военнаго положенія.

II.

Требованія автономіи Царства Польскаго съ сеймомъ, обладающимъ болѣе или менѣе широкой компетенціей,

объединило всѣ польскія партіи. Однако, подобная солидарность по вопросу о государственно-правовой организаціи Царства Польскаго не исключала усиленнаго развитія междупартійнаго антагонизма, вытекающаго изъ соціально-экономическихъ воззрѣній отдѣльныхъ партій. Борьба между консерваторами и націоналистами, съ одной стороны и соціалистами съ примыкающими къ нимъ прогрессистами принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ. Это объясняется главнымъ образомъ той внутренней эволюціей, которую пережила въ послѣднее время національно-демократическая партія, занявшая самое видное положеніе въ т. н. „національномъ“ лагерѣ.

Если разложеніе партіи примирителей, о которой мы говорили выше, привело значительную часть ея къ прямому союзу съ націоналъ-демократами, то это не значитъ, чтобы эта часть примирителей отказалась отъ своей консервативной политики въ соціальномъ отношеніи и отъ своей враждебной позиціи по отношенію къ революціоннымъ элементамъ общества. Принявъ національно-политическіе взгляды націоналъ-демократовъ, перешедшіе въ оппозицію правительству, бывшіе примирители не только не измѣнили своихъ антиреволюціонныхъ взглядовъ, но успѣли привить ихъ націоналъ-демократамъ.

Н. Д. подверглась еще большимъ измѣненіямъ нежели примирители. Еще сравнительно не такъ давно націоналъ-демократы принимали участіе въ парижской конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій русскаго государства, созванной по почину финляндской партіи активнаго сопротивленія; еще не такъ давно воззваніе центральнаго комитета „Національной

Лиги" заключало слѣдующія слова: „Выступая въ качествѣ активнаго элемента въ общегосударственномъ кризисѣ, въ нашей программѣ мы выставляемъ сближеніе и соглашеніе (porozumiewanie sie) какъ съ русской оппозиціей, такъ и съ національными движеніями, чтобы этимъ путемъ достигнуть, съ одной стороны, полнаго ознакомленія съ почвой, а съ другой—возможности согласованія (koordynowania) дѣйствій, направленныхъ къ общей цѣли: къ ниспроверженію теперешней системы управленія въ государствѣ"; еще не такъ давно представитель „Національной Лиги", редакторъ „Всепольскаго Обозрѣнія", г. Балицкій, принималъ участіе въ польско-русскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, выступая тамъ рядомъ съ польскими прогрессистами-демократами. Но прошло нѣсколько лишь мѣсяцевъ и многое измѣнилось.

По мѣрѣ того, какъ рабочее движеніе, руководимое П. П. С., стало терять характеръ движенія чисто антиправительственнаго и превращаться въ ожесточенную борьбу съ фабрикантами за экономическія уступки, отношеніе части польскаго общества къ этому движенію круто измѣнялось. Январьскія и февральскія всеобщія стачки были встрѣчены съ нескрываемой симпатіей даже тѣми сферами, которыя несли уронъ и терпѣли прямые убытки. Всѣ понимали, что стачка, организованная П. П. С. съ лозунгомъ учредительнаго сейма въ Варшавѣ, является грандіозной общенаціональной демонстраціей, направленной противъ ненавистнаго для всѣхъ политическаго режима. Когда же рабочіе, прекративъ политическую стачку, начали завоевывать на фабрикахъ 9-ти часовой рабочій день, повышеніе заработной платы и т. д.—симпатіи заинтересованной

части польскаго общества къ движенію поблекли. А экономическая борьба, прерываемая политическими демонстраціями, принимала затяжной характеръ. Забастовки почти не прекращались, рабочіе шли въ своихъ требованіяхъ все дальше и дальше, соціалистическія организаціи крѣпли и усиливались, пріобрѣтая устойчивое вліяніе и въ деревняхъ. Стачки сельскохозяйственныхъ рабочихъ и батраковъ, разлившіяся широкой волной по всему почти Царству Польскому, окончательно устранили всякую симпатію къ рабочему движенію изъ среды имущихъ классовъ.

И вотъ на этой-то почвѣ классовыхъ антипатій стали работать націоналъ-демократы, проповѣдуя крестовый походъ противъ рабочаго движенія какъ пагубнаго для общенаціональнаго дѣла, разлагающаго національное единство, дезорганизующаго общество, не позволяющаго ему сплотиться для созидательной работы и т. д. Для болѣе успѣшной борьбы съ рабочимъ движеніемъ и, въ частности, со стачками, націоналъ-демократы основываютъ „Національный рабочій союзъ“ и нелегальный органъ „Факелъ“ (Pochodnia) и издаютъ массу прокламацій антисоціалистическаго характера. „Факелъ“ искусно эксплоатируетъ фактъ слабости русскаго рабочаго движенія и доказываетъ, что изобильно льющаяся польская кровь пропадаетъ даромъ. „Соціалисты служатъ московскимъ соціалистамъ—говоритъ одно изъ первыхъ воззваній „Національнаго рабочаго союза“—и по первому кивку изъ Москвы или Петербурга готовы посылать сотни поляковъ подъ московскія пули и сабли, готовы обрекать на голодъ и нужду все рабочее населеніе“. „Факелъ“ доказываетъ, что „революціи въ Россіи не будетъ, а еслибъ

она и вспыхнула, то мы не должны принимать въ ней участія. Всѣ революціонные лозунги могутъ въ Польшѣ повести только къ полной анархіи и погубить всякую національную работу". Эта агитація велась между прочимъ въ крайне антисемитскомъ духѣ. „Факелъ" (№ 1) говорилъ: „Въ настоящее время выгоднѣе всего для евреевъ, чтобы въ русскомъ государствѣ господствовала постоянная смута. Они вызываютъ ее постоянно тамъ, гдѣ ее легче всего вызвать: въ Польшѣ, на Кавказѣ и въ другихъ краяхъ, населенныхъ не-русскими. Москали не поддаются, а мы становимся орудіемъ, защищающимъ еврейскіе интересы. Евреямъ все одно, господствуетъ ли въ нашемъ краѣ нужда или нѣтъ. Они надѣются, что правительство, устрашенное постоянными возмущеніями, дастъ имъ значительныя льготы, упразднитъ запрещеніе евреямъ жить въ Россіи, и тогда наши евреи преспокойно уѣдутъ себѣ изъ разореннаго и стонущаго подъ московскимъ гнетомъ нашего края и разбѣгутся по всей Россіи". Кое-гдѣ были даже попытки вызвать еврейскіе погромы, но это предпріятіе въ Польшѣ настолько трудное, что націоналъ-демократамъ оно совсѣмъ не подъ силу. Зато между стачечниками и членами „Націон. раб. союза" уже дѣло доходило до перестрѣлокъ. Львовскій органъ націоналъ-демократовъ „Slowo Polskie" (№ 304) открыто проповѣдовалъ употребленіе револьверовъ противъ соціалистическихъ агитаторовъ: „Соціалисты — говорилъ онъ — какъ извѣстно, очень чувствительны къ револьверамъ, и эти послѣдніе едва ли не единственный дѣйствующій на нихъ аргументъ".

Дѣятельность націоналъ-демократовъ во второй по-

ловинѣ 1905 г. свелась почти исключительно къ борьбѣ съ революціей. „Слово Польское“ писало по этому поводу: „Національная политика въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ теперь двѣ задачи: охранять отъ анархіи сельскій народъ и уничтожать или, по крайней мѣрѣ, ослаблять враждебную національнымъ интересамъ соціалистическую организацію, пуская въ дѣло безъ всякихъ колебаній хотя бы радикальныя, но дѣйствительныя средства“.

Революціонныя проявленія должны быть подавлены во что бы то ни стало, и поляки должны приступить къ созидательной національной работѣ на почвѣ тѣхъ уступокъ, которыя уже отвоеваны, чтобы постепенно завоевывать новыя—вотъ лозунгъ Н. Д. въ періодъ, предшествовавшій октябрьской забастовкѣ. Указъ о булыгинской думѣ былъ принятъ національ-демократами съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, и они стали энергически готовиться къ выборамъ, между тѣмъ какъ соціалисты отнеслись къ ней совершенно отрицательно, рѣшивъ бойкотировать и предстоящіе выборы и думу и стремиться къ завоеванію революціоннымъ путемъ учредительнаго собранія.

На почвѣ отношенія къ булыгинской думѣ возникъ разладъ между соціалистическимъ лагеремъ и П. Д., которые не скрывали своего сочувствія къ П. П. С. и оказывали ей извѣстную нравственную поддержку. П. Д. рѣшила воспользоваться предоставляемымъ населенію избирательнымъ правомъ и постараться провести въ государственную думу одного или двухъ своихъ представителей. Со стороны соціалистовъ такое рѣшеніе встрѣтило рѣзкое порицаніе. П. П. С. сочла его измѣной дѣлу революціи, выступила противъ П. Д. въ

своихъ органахъ съ энергичнымъ осужденіемъ ея тактики.

Октябрьская забастовка была проведена въ Польшѣ съ замѣчательнымъ единодушіемъ, несмотря на всю контръ-агитацію Н. Д. Торжество освободительнаго движенія, ознаменованное изданіемъ манифеста 17-го октября, вызвало въ Польшѣ всеобщее ликованіе и рядъ шумныхъ манифестацій во всемъ краѣ. За соціалистическими манифестаціями послѣдовали общенаціональныя, въ которыхъ, какъ это было въ Варшавѣ 22-го октября, принимали участіе сотни тысячъ. Однако, это ликованіе продолжалось не долго. Снятое было военное положеніе опять возстановляется съ распространеніемъ на всѣ безъ исключенія губерніи Царства Польскаго, и дѣятельность политическихъ партій, воспользовавшихся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ „конституціей“, опять должна была уйти въ подполье.

Преслѣдованія, возобновившіяся съ возстановленіемъ военнаго положенія, обрушились въ одинаковой степени и на соціалистовъ и на націоналъ-демократовъ. Тюрьмы переполнились не только соціалистическими агитаторами и публицистами, но и помѣщиками и крестьянами, принадлежащими къ Н. Д. Партія ярко антиреволюціонная, вошедшая послѣ 17 октября на путь исключительно легальной дѣятельности, была заподозрѣна чуть ли не въ желаніи стремиться къ отторженію Польши отъ Россіи съ оружіемъ въ рукахъ. Преслѣдованія, посыпавшіяся на Н. Д., создали ей въ польскомъ обществѣ громадную популярность и способствовали ея усиленію, что не замедлило отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ событій въ Польшѣ.

Выборы въ государственную думу заняли централь-

ное мѣсто въ ряду злободневныхъ вопросовъ польской жизни. Партія примирителей, принявшая названіе „партіи реальной политики“, высказалась въ пользу участія въ выборахъ, хотя ея шансы были весьма ничтожны. „Реалисты“, скомпрометированные въ глазахъ польскаго общества всѣмъ своимъ прошлымъ, были совершенно оттѣснены на задній планъ національ-демократами. Что касается послѣднихъ, то они рѣшили принять участіе въ выборахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ окрыляли надежды на полный успѣхъ, такъ какъ соціалисты отказались отъ участія въ выборахъ, а П. Д. была слишкомъ слаба для того, чтобы конкуррировать съ Н. Д.

Соціалисты провозгласили бойкотъ, причемъ С. Д. Ц. П. и Л. рѣшила силой препятствовать выборамъ, П. П. С. же хотѣла удержать рабочія массы отъ участія въ выборахъ, не пуская въ ходъ террористическихъ средствъ противодѣйствія. Что касается П. Д., то она высказалась принципіально въ пользу участія въ выборахъ. Прогрессисты-демократы, выбранные въ государственную думу, должны былы бы тамъ протестовать противъ ограниченнаго избирательнаго права, принимать участіе во всѣхъ попыткахъ русскаго либерализма, направленныхъ къ преобразованію государства въ конституціонномъ духѣ, заботиться о томъ, чтобы при такомъ преобразованіи Царству Польскому была гарантирована автономія съ учредительнымъ сеймомъ для мѣстныхъ дѣлъ, въ случаѣ же, если бы дума приступила къ очереднымъ дѣламъ, не рѣшивъ въ положительномъ смыслѣ вопроса объ автономіи Царства Польскаго, польскіе депутаты должны были бы выйти изъ думы.

Началась избирательная агитація. „Реалисты“ совершенно стушевались, и на первый планъ выдвинулась Н. Д. Національ-демократы оказались хозяевами положенія, во-первыхъ, потому, что рабочія массы и всѣ элементы, сочувствующіе соціалистамъ, рѣшили бойкотировать выборы, а во-вторыхъ, вслѣдствіе отказа отъ участія въ выборахъ и П. Д., которые заявили, что не считаютъ возможнымъ пользоваться своимъ правомъ при военномъ положеніи. Предстоящая побѣда Н.-Д. ни для кого не была тайной, тѣмъ болѣе, что эта партія вела подготовку къ выборамъ въ высшей степени энергично.

Побѣда конституціонно-демократической партіи въ Россіи заставила польскую П. Д. еще разъ измѣнить свое рѣшеніе. И вотъ она ринулась въ избирательную борьбу, войдя въ блокъ съ еврейскими національными группами. Оказалось, однако, что борьба съ Н. Д. была для прогрессистовъ-демократовъ, при полномъ бойкотѣ выборовъ со стороны соціалистовъ, совершенно не подъ силу, и выборы окончились блестящей побѣдой Н. Д., являющимися въ государственной думѣ единственными представителями населенія Царства Польскаго, если не считать двухъ литовскихъ націоналистовъ, выбранныхъ въ Сувалкской губ. да казеннаго депутата отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

6029.

КОНЕЦЪ.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА РСФСР
№ 1971 г.

Библіотека „Общественной Пользы“:

Серія II:

Лассаль Ф. О сущности конституціи. . . . . Ц. — р. 7 к.
Герценштейнъ М. Аграрный вопросъ (Націонализація земли, Крест. Банкъ, Выкупн. операція). . . » — » 50 »
Щеголевъ П.—Первый декабристъ В. Раевскій. . . » — » 30 »
Поль Луи. Рабочее законодательство въ странахъ стараго и новаго свѣта. . . . . » — » 30 »
Цейтлинъ С. Учредительныя и законодат. собранія въ конституціонныхъ государствахъ. . . . » — » 50 »
Цейтлинъ С. Избирательное право въ современныхъ конституц. государствахъ . . . . . » — » 20 »
Дживилеговъ А. Очерки по исторіи Германіи 1806—1871 гг. . . . . » — » 30 »
Фридманъ. Наша финансовая система. . . . . » — » 50 »
Швитау. Государственный бюджетъ въ Англіи. . . » — » 20 »
Менгеръ А. Новое ученіе о нравственности . . . » — » 25 »
Волькенштейнъ О. Какъ и почему возникла Великая французская революція . . . . . » — » 20 »
Курчинскій М. Муниципальный соціализмъ. . . . » — » 15 »
Ламмене. Слова вѣрующаго . . . . . » — » 20 »

Серія III:

№ 1. **Гаршинъ В. М.** То, чего не было. Лягушка-путешественница. Сказка о жабѣ и розѣ . . Ц. — р. 3 к.
№ 10. **Нефедовъ Ф.** Въ туманѣ . . . . . » — » 10 »
№ 11. **Каронинъ С.** Снизу вверхъ. Исторія одного рабочаго . . . . . » — » 35 »
№ 12. **Гаршинъ В.** Трусъ . . . . . » — » 5 »
№ 13. **Нефедовъ Ф.** Зигда. Башк. легенда . . . . » — » 3 »
№ 14. **Айзманъ Д.** Исторія одного преступленія. . » — » 4 »
№ 15. **Гаршинъ В.** Плѣнница. Attalea prinсeps . . » — » 2 »
№ 16. **Гаршинъ В.** Четыре дня . . . . . » — » 3 »

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяч., 39.

Цѣна 50 коп.

Сочиненія того же автора:

(Polak) Dnesni pólozeni Polaku. Прага, 1895.
(Л. Василевскій) Современная Галиція С.-Петерб., 1900.
(L. Plochocki) We wspolnem jarzmie. Лондонъ, 1901.
(L. Plochocki) Polska Zakordonowa. Лондонъ, 1901.
(L. Wasilewski) Narodowosci Austro-Węgier. Краковъ, 1902.
(Л. Плохоцкій) Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ, Женева, 1902.
(Informator) Stronnictwa polityczne w Krolestwie Polskiem. Краковъ, 1904.
(L. W.) Ziemie polskie pod berlem pruskiem. Варшава, 1904.
(L. Plochocki) Rosyjskie partye polityczne i ich stosunek do sprawy polskiej. Краковъ, 1905.
(—) Strejk polityczny w Krol. Polskiem. Краковъ, 1905.
(Leon Wasilewski) Wspolczesne panstwo konstytucyjne. Краковъ, 1905.
(L. Plochocki) P. P. S. na rozdrozu. Краковъ, 1905.
(L. W.) Zarys stosunków galicyjskich. Варшава, 1906.